

Литературный журнал

СИМБИРСЬ

12+

№4 (70)
АПРЕЛЬ

2019

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
основная подписка
на 2-е полугодие
2019 года

Индекс 54516

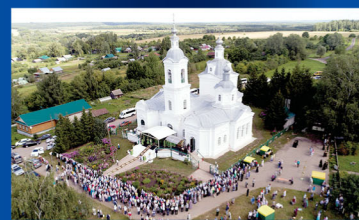
Цена подписки:

1 мес. - 92 руб.

6 мес. - 552 руб.

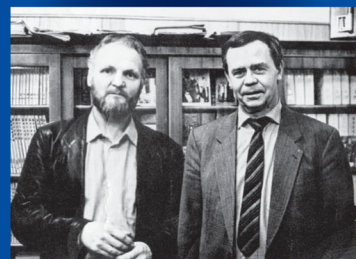

«Черемшан». Стихи поэта-фронтовика Евгения Ларина
стр. 15-19

Александрина Вигилянская.
Видимое невидимое.
Глава из книги

стр. 20-31

Рассказы Владимира Крупина
стр. 68-76

«Остановить, запечатлеть...»
Фотографии
Владимира Ламзина

стр. 80-81

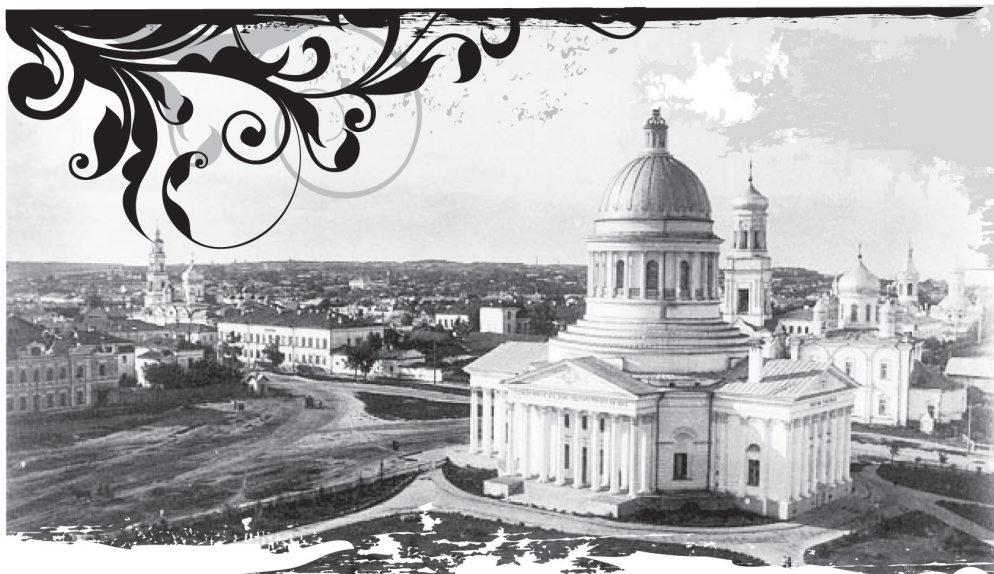

СИМБИРСКЪ

№4 (70)
АПРЕЛЬ
2019

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 16.04.2019 г.
Дата выхода 23.04.2019 г.
Тираж 700 экз. Заказ №320.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.
© Литературный журнал «СИМБИРСКЪ» №4 (70), 2019

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Дания Ершова.
Корректоры – Ольга Абрамова, Валерия Толкачева.

На обложке: рисунок Анны Минаковой «Ангел»
На обороте обложки: фото Ольги Ронжиной

Вступление	3
ДОРОГИ ПАМЯТИ ВОЕННОЙ	
Нина Маркграф (Орлова). Стюрины холмики. Рассказ	4-12
Татьяна Эйхман. Белый ручей. Рассказ	13-14
ЧЕРЕМШАН	
Евгений Ларин. «Россия, Россия – мой воздух и свет!»	15-19
АРХИВ	
Александрина Вигилянская. Видимое невидимое.....	20-31
Уникальные документы в Ульяновском архиве	32-33
РЕКА ВОСПОМИНАНИЙ	
Иван Иноземцев «Как мы жили раньше...»	
Страницы книги, подготовленной В.В. Ястребовым.....	34-39
РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА	
Фёдор Горобцов. Калоши. Рассказ	40-41
Ольга Шейпак. Карантин. (Из книги «Таня Бочкарева никогда не врет. Осины рассказы»).....	42-44
Лидия Федякина. Девочка и луч. Рассказ.....	45
ЮБИЛЕИ	
В окрестностях планеты Алексея Жданова	46-47
С ЛЮБОВЬЮ КО ВСЕМУ РОДНОМУ	
Верю в чудо. Выставка работ художника-иллюстратора Ирины Абуталиповой.....	48-51
Ангел летит. Рисунки Анны Минаковой	52-56
Анна Минакова. Рассказы из книги «Сны стеклодува».....	57-60
ДОРОГА К ХРАМУ	
Николай Толстик. Убогий. Рассказ.....	61-63
Татьяна Лотоцкая. «Блажен, в ком сердце в такт с любовью бьется...». Вечер памяти Евгения Белянина	64-65
Евгений Белянин (Гранд). Стихи	66-67
Евгений Белянин (Гранд). Прощеное воскресенье.....	67
Владимир Крупин. Из книги «Бумажные цепи».	
Страницы повести. Рассказы	68-74
Валентин Распутин. Слово о писателе	74-76
СТРАНА ПОЭЗИЯ	
Светлана Кекова. Мне некого и не в чем упрекать...Стихи ...	77-78
«Благов. Земной путь большого поэта»	79
Анна Григорьева. Фотографии мастера	80-81
«Мы в этот мир приходим в гости...» Стихи	82-83
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО.	84
Юбилейный календарь.....	85-88
Поэзия и проза юбиляров мая	88-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирскъ», «Симбик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

Журнал «Симбирскъ» можно приобрести
в киосках «Симбирская печать», Ленинского мемориала
и в отделе распространения по адресу:
ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки
на журнал (в том числе альтернативной) можно
проконсультироваться по телефону

41-04-32

*Рукописи принимаются только в электронном виде,
не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только с авторами, мате-
риалы которых приняты к публикации. За достоверность
фактов несет ответственность авторы публикаций.
Мнение автора может не совпадать с позицией редакции.
При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.*

«Блажен, в ком сердце в такт с любовью бьется...»

Сквозная тема апрельского выпуска журнала – милосердие. Авторы пишут о войне и мире, о страданиях и утешении, об ожесточении и светлой вере - о жизни.

Открывает номер рубрика «Дороги памяти военной». Рассказ Нины Маркграф (Орловой) «Стюрины холмики» не может не тронуть читателей. Главная героиня – Настюра – Анастасия – мать пяти погибших на войне сыновей. Эта история простой деревенской женщины поднимается до высоких трагических нот.

Рассказ «Белый ручей» Татьяны Эйхман продолжает военную тему, автор посвятила его своему деду-фронтовику, инвалиду войны.

В разделе «Черемшан» публикуем стихи старейшего нашего поэта, участника Великой Отечественной войны Евгения Ларина. Евгений Степанович является почетным жителем города Дмитровграда. Еще в пятидесятых годах XX века Евгений Ларин входил в литературную группу «Черемшан», которую основал Иван Дмитриевич Хмарский. Затем и самому Е. Ларину довелось руководить этим литобъединением. Стихи Евгения Ларина наполнены любовью к родному краю, к землякам. Поздравляем Евгения Степановича с наступающим Днем Победы!

В рубрике «Архив» читайте главу из книги Александрины Вигилианской «Видимое невидимое». Автор делится невыдуманной историей. Неповедимые пути привели её к чудесному обретению своей родословной. Именно в Ульяновском государственном архиве Александра обнаружил дневники святого Алексея Бортсурманского, прямым потомком которого она является. По книге снят документальный фильм, премьерный показ которого состоялся в Центральном доме литераторов в Москве, в скором времени фильм покажут на канале «Культура».

Продолжаем публикацию воспоминаний врача Ивана Иноземцева из книги, подготовленной к печати Владиславом Ястребовым.

В разделе «Родом из детства» читайте рассказы Федора Горобцова, Ольги Шейпак, Лидии Федякиной.

В хронике культурных событий – заметки о юбилее писателя Алексея Жданова. Читайте его рассказ «Письмо бабы Маруси».

В марте во Дворце книги состоялось открытие выставки картин художника-иллюстратора Ирины Абуталиповой. На цветной вкладке представлены ее работы.

Публикуем рассказы и рисунки Анны Минаковой (Харьков). Анна – разносторонне одаренный человек: музыкант, поэт, художник, публицист, керамист. Мы рады творческому сотрудничеству!

В рубрике «Дорога к храму» - рассказ вологодского писателя, священника Николая Толстикова.

В минувшем феврале в Доме Гончарова прошел вечер памяти поэта и барда Евгения Белянина (Гранда). Об этом рассказывает Татьяна Лотоцкая. Публикуем стихи Евгения Белянина и фрагмент его воспоминаний.

Читайте в журнале прозу известного писателя Владимира Крупина (Москва).

Благодарим Владимира Николаевича за сотрудничество и внимание к «Симбирску».

В разделе «Страна поэзия» - подборка стихов Светланы Кековой (Саратов).

«Мне некого и не в чем упрекать:

Хранится время в виде мелких гранул.

Но есть такое право – окликать

И тех, кто жив, и тех, кто в вечность канул...»

И мы помним и окликаем наших ушедших писателей. Представляем книгу Геннадия Дёмочкина «Благов. Земной путь большого поэта», презентация которой прошла в Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова. Перед нами предстает образ большого волжского поэта Николая Благава.

Публикуем фотографии мастера - участника многих престижных выставок Владимира Ламзина. В объективе – люди, живущие рядом. В испытаниях, в радости, в трудах, в молитве...

Читайте поэтическую подборку ульяновских авторов «Мы в этот мир приходим в гости...»

В рубрике «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» - информация, новости, хроника событий.

Завершает номер раздел «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Маряниным.

В апрельском воздухе разлита пасхальная радость, обещание расцветающей весны.

Всем света и добра, любви и веры!

Елена КУВШИННИКОВА

Нина ОРЛОВА (Маркграф) родилась на Алтае, в селе Андронове. Окончила Камышинское медицинское училище и Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор книг стихотворений: «Царь-сердце», «Утешение», «Птицы-летицы», сборника рассказов «Хочешь жить, Викентий?». Автор стихов и рассказов для детей, в том числе «Православной азбуки», которая выдержала несколько переизданий. Автор-составитель книг «Мысли русских Патриархов», «Мудрый сердцем» (о московском священнике о. Николае Голубцове) и др. Лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского. Лауреат премии в номинации «Лучшая книга исповедальной лирики» (2016 год). Лауреат Международного конкурса имени Сергея Михалкова за сборник рассказов «Хочешь жить, Викентий?». Живет в Москве.

СТЮРИНЫ ХОЛМИКИ

Рассказ

В большой деревне, где я вырос, помню я несколько живописнейших персонажей: силача Андрея, однажды я был свидетелем того, как он вырвал вместе со столбами и воздел перед собой кованые ворота колхозного амбара; дурочку Груню Проходцову, она обвешивала себя с головы до пят блестящими булавками, улыбаясь, ходила целый день по деревне, беспрестанно всем кланялась и пела один в один голосом артиста Николая Рыбникова «Не кочегары мы, не плотники...»; или Деда Мамона, жившего в землянке и заговаривающего боль. Мать водила меня к нему заговаривать большой зуб, и заговор так подействовал, что зуб, перестав болеть, в бессилии и агонии через сутки выпал.

Но жила среди нас женщина, которая словно опалила меня тем пламенем, в каком сама ежечасно горела, пока не стала прахом земным, а душа, прощаясь с родными местами, поднялась, наконец, туда, куда стремилась.

Все звали ее Стюрой.

Она жила в бревенчатом доме, единственном на другом берегу реки Кулундинки. Трехскатная тесовая крыша с чердаком, в котором любил я маленькое оконце – утром лучилось оно, а вечером делалось глубоким, темным, загадочным. Во дворе был виден низкий сарай-мазанка с земляной крышей, на которой вымахивали за лето большие коричневые шары перекасти-поле. Далеко влево стояла на лугу мельница с двумя амбарами, отчего и луг назывался Мельничным. Прямо шла дорога к летним денникам для колхозных коров, туда загоняли их с пастбища на ночь, чтобы утром снова отвести на выгон. В тряской бричке везла туда доярка утром и вечером колхозная лошадь Звез-

дочка, погромыхивали бидоны для молока, а доярки, коллективом восседая на бричке, пели ча-стушки, озорно поглядывая на Колю Булгакова, единственного мужчину-дойра, а он сидел, спустив с брички ноги, будто вот-вот собирался спрыгнуть.

По правую сторону от Стюрино двора дымно голубел ленточный сосновый бор.

Маленьким, выбежав летом за калитку, я глядел за реку, где на лугу пасся привязанный за колышек черный теленок, а около бродили, копаясь в траве, куры. Встав на пригорок и вглядываясь в коричневый лохматый дым, летящий из трубы одинокого дома, я переживал то чувство страха, смешанное с любопытством, которое вызывает у детей все загадочное и непонятное.

Почти каждый день, в любое время года Стюра проходила мимо нашего дома – в магазин ли, в контору. В войну она работала бригадиром табачной бригады, а теперь табак в колхозе не выращивали, и Стюра ходила убирать контору.

Высокая, в прямой темной юбке, покрывающей верх кирзовых, а в самую распутицу резиновых, сапог, в черном шерстяном пиджаке, в темной платке, повязанном кончиками вперед. Из-под платка виднелись русые волосы, разделённые на прямой ряд. С черной хозяйственной сумкой в руке она шла по нашей улице до поворота, ведущего к деревенской площади. Лишь в самую холодную пору надевала она валенки и аккуратно скроенный, еще довоенный дубленый полушубок.

Встречая Стюру, деревенские уважительно кивали, здоровались с ней, и она, чуть склонив голову, отвечала. Светлые, почти прозрачные глаза ее были устремлены куда-то поверх собеседника, а лицо чуть улыбалось ни к кому не обращённой улыбкой, лицо умягченное горем и одновременно затвердевшее в нем. На нем никогда не было выражения суетливости или неумеренного любопытства, какое видел я на лицах всех деревенских жителей.

Маленьким, увидев Стюру, я просовывал голову в калитку и с осторожным любопытством смотрел на нее. Она, заметив меня, нашаривала в кармане и протягивала на ладони конфетки. И хоть я очень любил конфетки, прятал голову в калитку и не выходил. Тогда Стюра клала их на лавочку, стоящую на улице за палисадником, и я, дождавшись, пока она скроется, выбегал за конфетами.

Лет в восемь я уже знал, что у Стюры на войне погибли сыновья. Все пятеро. А муж умер раньше, в «раскулачку». И Стюра сделала около раковой роши за домом могилки. Выкопала могильные ямы, вынесла из дома пять рубашек своих сынков, в каждую яму положила по рубашке, закопала и набросала сверху холмики земли, как положено, и с тех пор их обихаживает. Каждый год перед Пасхой Стюра ездит за бумажными цветами, чтобы украсить ранней весной свои холмики, утыкать их баскими цветами. Я это знал, но как? Знал по-детски, не умея даже заглянуть в разверстую пропасть этого горя, никак не переживая это знание. Видимо, так уж устроена детская душа. Она отдаляет от себя непомерный ужас жизни, воспринимает его как что-то невзрачное, далекое.

Летом перебраться Стюре на другой берег Кулундинки было легко – над водой были поставле-

ны узкие, набитые из досок мостки – лавы; зимой за десять минут можно было пересечь реку по льду, а в весеннее половодье Стюра переправлялась на собственной лодке. Когда я подрос, то не однажды видел, бегая у речки с другими ребятами, как высокая сильная фигура этой женщины уверенно отправляла лодку от берега и садилась на весла. Как же хотелось нам с ребятами своровать эту гладкую, с черными гудроновыми потеками на боках плоскодонку, чтобы раздольно поплавать по реке!

Это случилось в тот год, когда мне только что исполнилось одиннадцать лет. После долгой зимы воздух, обновленный духом талых вод и веселой бодрой энергией солнца, обновлял и нас, ребятшек, он словно ударял в голову, мы делались взбудораженными, неугомонными, бесшабашными и озорными, сбивались в компании и шумно шли туда, где уже появились первые просохшие островки земли. Мы делились на две команды, играли в любимые весенние игры: лапту, биты, бежа, которую малышня называла «медвежа», «кóндалы-закованы». На этом островке ребячьего гомона, ора, хохота, как правило, побеждали самые ловкие и сметливые, иногда брала верх сила, часто – выручка друга, но случались обманы и коварства, и тогда происходили лютые драки, вспыхивали обиды, проливались слезы, мы расходились домой, чтобы на следующий день, предав искреннему забвению все обиды, снова одной дружной толпой спешить на островки.

В середине апреля вдруг выдался такой теплый день, каких и в мае мало у нас на Алтае случается. Мы втроем – я, друг мой Витька Гальянов и сосед Петька Пескарев, которому еще не исполнилось и десяти – отправились к реке. Энергичным строевым шагом топали мы на Кулундинку, полноводную и сверкающую на солнце. Дойдя, мы пошли по пологому, покрытому молодой муравой берегу, наконец, разулись и, задрав повыше брюки, побрели по краю воды. Хоть солнце изрядно припекало, вода была холодной даже у берега. Так уж вышло, что у обоих были рыбные фамилии, ну и прозвища тоже. Один Пескарь, другой Гальян. Они редко ладили между собой. Меня они звали Серый.

– Эх, искупаться бы сейчас! – сказал Пескарь, стягивая через курчавую белобрысую голову рубашку. – Прямо жара!

– Ага! Искупайся, Пескарь, – одобрительно кивнул Витек. – Ноги судорогой сведет и будешь с друзьями своими, пескарниками, песок носом рыть!

Петька пропустил Витьку вперед и подставил ему подножку. Долговязая тощая фигура Витька сложилась вдвое и повисла над водой, он едва успел упасть на руки. Ботинки, которые Гальян держал в руке, погрузились в воду. Пескарь победно захохотал.

– Закурдаю! – заорал Витюха. Он выловил из воды ботинки, будто ботики игрушечной флотилии, медленно погружавшиеся под воду, и кинулся догонять Петьку. Пескарь вылетел на берег и что есть мочи помчал вперед, сверкая своими пухленькими розовыми икрами. Гальян сплюнул в воду и не стал его догонять. Он натянул мокрые ботинки и пошел по берегу. Я тоже вышел из воды.

Мы направились туда, где стояли лавы и куда бежал Петька. Летом мы носились по этому узкому дощатому мосту с одного конца на другой, прыгали, раскачивая доски, до тех пор, пока не выбежала из дома Стюра. Она подходила к своей лодке, и, вытащив весло, молча размахивала им. А мы передразнивали ее, смеясь и строя рожи, ибо чувствовали себя за рекой в недосыгаемости. Тысячу раз нам объясняли, что по Стюриным лавам нельзя бегать, что это не игрушка, что слабо сбитые доски на тонких подпорах могли совсем расшататься и упасть в воду, но не было ничего веселее, чем нарушить запрет и власть набегаться по мосткам. Сейчас лавы были полностью скрыты водой, река даже в этом мелководном месте была глубокой. А на берегу лежала перевернутая лодка Стюры.

– А давайте, – мне даже дыхание перехватило от такой мысли, – давайте сплаваем на Стюриной лодке!

Витюха живо нагнулся, чуть приподнял нос лодки и заглянул под нее.

– Весла здесь.

– Серый, Стюра узнает, этими веслами и прибьет нас, – испугался Петька.

– Не узнает она ничего, Пескарь! – беззаботно сказал я. – Стюра за бумажными цветами в город поехала. Моя мать наказывала и нам привезти, я сам слышал!

Как я уже говорил, каждую весну перед Пасхой Стюра, словно в великое паломничество, отправлялась по бездорожью в город Камень за бумажными цветами. Если Пасха выпадала ранней, Стюра выезжала из деревни на попутном тракторе, никакая машина не смогла бы проехать и не застрять в великих ярунинских грязях, а дальше – на попутных машинах, грузовиках, бензовозах, лесовозах. Женщины знали, что она заходит в Камне в церковь – помолиться и поставить свечи на помин души. И когда шла Стюра на попутку, со слезами подходили к ней, тихонько прося, чтобы поставила она свечки за их покойных. Стюра брала просительницу за руку и, глядя куда-то вверх и в даль, протяжно отвечала: «И свечи поставлю, и записки подам!»

Мы перевернули лодку, столкнули ее на воду, я и Витька встали на весла, Петька, натянув рубашку, сел на срединную лавочку, и мы поплыли.

Мы с Гальяном хорошо правили, плыли ровно, да и река была сегодня спокойной и послушной, так что вскоре причалили к берегу. Бросив весла, прыгнули в воду, подтащили лодку, но совсем вытаскивать не стали: первая ее половина стояла теперь на песке, а вторая – в воде, чуть укрывавшей низ бортов. Петька выпрыгнул из лодки, и мы направились по утоптанной тропе в сторону Стюрино дома. Но потом испугались, что кто-то с берега может заметить нас и решили сделать вид, что идем на боярышник, дорога к которому была немного правее. Пройдя с полпути, мы повернули влево и направились к Стюриным огородам. Земля на огородах была еще влажная, кое-где стояла вода, и мы шли справа, по высокой бровке. Метров через сто бровка сошла на нет, мы вышли к ровному месту, окаймленному рядом больших, блистающих новыми листочками раки.

– Серый, смотри! – окликнул меня Витек, кото-

рый шел чуть впереди нас и уже был за ракетами.

Мы с Пескарем торопливо прошли меж стволов, накрытых чуть не до земли спадающими ветвями, и резко притормозили. Под ракетами мы увидели что-то наподобие широкого кургана, состоящего из отдельных длинных и узких холмиков, больше всего напоминавших могилы. Тем более что на каждом из бугров лежали выцветшие бумажные цветы, как на нашем деревенском кладбище, а в изголовье стояли небольшие деревянные кресты с прибитыми к ним квадратными табличками. На ближней от нас, самой первой, я смог прочитать выведенное черной краской имя – Михаил. На правом конце верхней перекладки каждого креста алело по звездочке. Я сразу узнал эти звездочки.

Как-то утром, дело было в марте, Стюра зашла к нам домой. Отец, как всегда чисто выбритый опасной бритвой, с тщательно причесанным черным чубом, бодрый и сосредоточенный, собирался на работу.

Поздоровавшись и отказываясь присесть, Стюра с порога попросила:

– Кустик, сделай мне ради Христа пять звездочек! Матерьял есть.

И она протянула ему лист фанеры.

Стюра называла моего отца Кустиком, потому что помнила его еще ребенком. Вообще-то он Костя, но в детстве, когда его спрашивали: «Как тебя зовут?», отвечал: «Кустик». Так его и стали все звать. Теперь моего отца, лучшего тракториста, слесаря-ремонтника и столяра, называли Константин, а то и Константин Сергеевич, а Стюра все продолжала звать Кустиком.

– Советские звезды просишь ради Христа? А Настюра?

Стюра протянула отцу вырезанный из картонки образец звездочки.

– Прошу, Костя. Ты ж видел, как Матвей мой в отпуск приходил? Со звездой на груди, со звездами на погонах. Помнишь его?

– Кто ж не помнит! Аленький цветок бросается в глазок.

– Сделай. А я вам яичек наберу, знаю, у вас куры плохо несутся.

– Мы с голода не пухнем. Корова пока доится. Ничего не приноси, Настя! – строго приказал отец.

На той же неделе он, распилив фанеру на верстаке (зимой отец переносил его с улицы в прихожую), лобзиком выпилил пять звездочек, достал из голбца краску и стал красить их. Мать, глядя на это, покачала повязанной платком головой и, вытирая глаза, вздохнула:

– Совсем Стюра того... А ведь какая самостоятельная была!

– Кому она мешает? – сурово отвечал отец. – Чем бы не тешилась, лишь бы не вешалась...

– Оно так, – согласилась мать.

И когда пришла Стюра за своими звездами, отец сказал:

– Я, Настюра, багрянкой звездочки твои покрасил. Надо бы светло-красной, да нет у меня, а эта оставалась еще, как сундук окрашивал, что тетка Морья заказывала.

– Багряницей самое то, – благодарно улыбнулась Стюра.

Сложив в матерчатую сумочку свой заказ, она направилась к двери и с порога сказала:

– Спасибо тебе. Доброе дело на два века: на тот и на этот.

Я заметил, что звездочки теперь были уже не багряными, а мутно-алыми, пора бы подкрасить, а то трещинами пойдут.

– Это кладбище, что ли, Серый? – пихнул меня в бок Петька.

– Ну не совсем...

– Это, Пескарь, клад! Я читал, что клады часто прячут под такими вот мнимыми кладбищами, – сказал Витька, подмигивая мне.

– Эх, лопаты не взяли! – огорчился Пескарь.

– Может, сбегаешь? – предложил Гальян.

– Петька! Это Стюрин погост, – не выдержал я. – Она рубашки сыновей здесь похоронила. Ты что, не знаешь?

– А почему рубашки? Потому что она того? – бараном уставился на меня Петька.

– Сам ты того, – сказал Витька. – Потому что сыновей на войне убили. Они там остались. Вот она и похоронила рубашки.

– Пошли отсель... Чего тут делать... – заныл Петька.

Тут новая идея пришла мне в голову.

– А давайте к Стюре в окошки заглянем! Зря, что ли, приплыли? Подавая пример, я первый пошел в сторону двора, Гальян последовал за мной. Пескарь, тяжело вдыхая, шел последним. Дойдя до изгороди, я подождал друзей, и мы пролезли друг за другом меж сучковатых, часто набитых жердей.

От любопытства во мне исчез всякий страх, и я стал жадно оглядывать двор. Первое, что увидел, были качели, стоявшие у торца дома, со стороны огорода. Ослабевшая и чуть покосившаяся с одной стороны опора придавала им вид кривой и шаткий, крепкие когда-то пеньковые веревки потемнела и, должно быть, обветшали, но широкая доска сиденья мало пострадала от времени. На ней была вырезана (скорее всего перочинным ножичком) какая-то надпись. Время сгладило, зарастило углубления букв. Я наклонился и, с трудом разбирая их, прочел вслух два имени, почти слитых между собой: «Иван Степа».

– Покачаемся? – Пескарь дурашливо плюхнулся на качели.

– Слезь! – сердито стащил его с доски Гальян. – Не видишь, столбы подгнили?

– Ну хоть на лавке-то можно посидеть? Пескарь поспешил к низенькой лавочке, стоявшей у торца дома, впритык к стене. Она была сделана из сосны, с удобной спинкой из трех поперечин.

– И тут чего-то нацарапано! – крикнул Пескарь, указывая на спинку. Мы с Гальяном поспешили к нему. Пристально разглядывая, мы старались угадать падающие в разные стороны сильно затертые буквы. В конце концов, разглядев одни и угадав другие, мы сложили их еще в два имени: «Матвей Сергунька»

– Хы! Сергунька! – хмыкнул Петька. – Как ты, Серый.

Пескарь разлегся на лавочку, подложив руки под голову.

– Ну ты тут отдохни... – сказал Витек с ударением на о, точно, как говорила его бабуля, – а мы дальше пошмонаем.

Пескарь соскочил с лавки. Мы направились в глубь двора. В левом углу, задом к огороду, передом к нам, стояла старая бревенчатая банька с одним маленьким окошком, обращенным к сараю. Дверь была закрыта на щеколду и приперта тяжелой нетесаной доской. Пескарь странно веселый, красный от возбуждения, ринулся к баньке, сбросил щеколду и переступил через маленький порожек. Свет, словно стремительная вода в половодье, хлынул в нее. Я потянулся за ним, вошел в дверь, но замер, остановленный взглядом внимательных, грозных и словно бы предупреждающих глаз. Поначалу я даже струхнул и растерянно затопал на месте, но тут же сообразил, что взгляд-то – с портрета, вернее, с большой поясной иконы. Это нарисованный Бог смотрел на меня так грозно и предупредительно. Я переступил вслед за Петькой через порожек баньки, в ней не было ни предбанника, ни мыльни с парилкой. Там, где должен быть полук, стояла фанерная перегородка, сплошь увешанная маленькими и большими деревянными, картонными и бумажными иконами. Многие были нарисованы в рост, одетые в длинные странные одежды и, что меня удивило, над головами каждой фигуры были начертаны густой золотистой линией дуги или залитые золотой краской полукружья.

– Это ж церква! – как-то странно прошамкал Пескарь. Он дико оглянулся, мокрая нижняя губа его отчалила от верхней, как шлюпка от берега. – Стюра-то божественная!

– Сам ты церква, – сказал Гальян и хотел сплюнуть, но раздумал, вдул в себя слюну и проглотил. – У церкви кумпол и крест на кумполе, я в Камне видел, когда меня с заворотом кишок в больницу возили.

Я с любопытством обшаривал глазами пространство баньки, которая на самом деле была не банькой. На подоконнике маленького мутного окошка стояла керосинка без стеклянного колпака. Напротив стены с иконами – высокий узкий стол со скошенной столешницей. Пахло воском, и к нему примешивался смешанный запах смолы и богородской травки.

Посредине, или чуть ближе к входу, лежал большой плоский камень – я вспомнил, что такой видел у мельницы. Слева от входа, в углу, – небольшая, белой глиной беленная печурка, на старом железном листе около нее лежали сухие ветки и березовые чурочки. И в левой же половине избушки, ближе к иконной перегородке, широко располагалась купель, местами покрытая густой празеленью.

– А чан-то здесь че делает? Ково это Стюра варит? – полюбопытствовал Петька.

Я рассмеялся над нелепым вопросом Пескаря.

– Не кого, а что. Грамотей! Это купель, Петро. Ребятишек крестить. Мать рассказывала, что меня тоже Стюра крестила.

– Серый, ты ж пионер, а крестишься! – укорил меня Петька.

Мне тогда полгода было, дурилка картонная, – разозлился я и уже хотел пнуть Пескаря, но грозные и скорбные глаза Бога словно бы запрещали мне это, и я мрачно зашипел на Петьку:

– И вообще, че ты сюда полез? Щеколда закрыта, нет, прёт!

– А вы че полезли? – резонно спросил Петька, стоя, как зачарованный, у купели.

– Выходим, ребя, – сказал я.

Мы с Витькой попятнулись к двери, а потом, одновременно повернувшись, вышли.

Сколько металлического лома пропадает! – с жадным сожалением вздохнул Петька, не двигаясь с места. – Полтрактора в этом чане!

– Вторицей тебе говорят, выходи, – крикнул Пескарю Витек.

– А ты знаешь, Серый, что в нашей школе церква была? – спросил меня Гальян, направляясь к старой, в черной коросте и с обломанной верхушкой березе, стоявшей с другой стороны двора.

– А ты откуда знаешь?

От верблюда. Бабуля рассказывала. Говорит: «В намоленных стенах ты учишься, Витька». И школьный сад с ранетками – тоже церковный.

– Ну и чан! – чмокнул губами Петька, догнавший нас.

– Давай, Петро, мы тебя в нем покрестим. Это не больно, не бойся! – подмигивая мне, предложил Витька.

– Не... мне нельзя. Мать все просит отца: «Давай Петьку покрестим!» А отец говорит: «Чего крестить, если Бога нету? Да еще с должности полечу».

– А должность-то у твоего отца могучая! Кто коровам да быкам хвосты крутить будет? Страшная потеря. Коровы этого точно не перенесут!

– А причем тут хвосты? Он у меня человек партейный. Где тебе понять с бабкой твоей? – важно ответил Пескарь.

Мы стояли у березы, прямо к стволу которой в метрах пятнадцати от земли был прибит скворечник, серый от старости, с проваленной в середке крышей. Из круглого входа торчала случайно залетевшая ветка с засохшими черными листьями. Гальян показал вверх, на ствол березы.

– Серый, залезешь? Наверняка и там нас ждут письма.

Я кивнул. Из всех ребят с наших улиц я умел ловчее всех лазить хоть по шесту, хоть по столбу, хоть по деревьям. Обхватив гладкий ствол ногами и подтягиваясь на руках, долез я до того места, где висел скворечник и, первым делом вытащив из горловины ветку, скинул ее вниз. Гальян был прав. Под круглым входом виднелись на стенке птичьего дома острые тонкие буквы, и я легко угадал их.

– Ми-ха-ил! – крикнул я со своей верхотуры. Несколько воробьев, словно сухие листья, посыпались с вершины березы испугавшись. Я обнял ствол и с победным кличем весело съехал вниз.

– Ребя, а ведь это имена сыновей Стюры, – сказал Гальян. – Это они все мастерили.

Оглушительно тихо стало во дворе. В каком-то молчаливом единении с минуту мы стояли под березой. Но потом мое неугасимое любопытство потянуло меня к сараю, и ребята направились за мной. Под узким навесом мы нашли прилаженную к боковой стене широкую доску – что-то вроде самодельного верстака. Над верстаком висели пригвожденные к стене чуть заржавленные стлярные инструменты: стамеска, пила, плоскогуб-

цы, узкий напильник. В углу стояла жестяная банка, полная гнутых, словно рыжим мхом покрытых лохматым слоем распадающейся ржавчины гвоздей.

Мы уже собрались идти к дому, как послышался громкий и длинный всхлип входной двери. Шеметом метнулись мы за сарай. Заскрипела расшатанная ступенька крыльца. Отсюда не было видно входа в дом, и от этого было еще страшнее. Не помню, когда я испытывал такой страх, разве что когда мы с отцом ехали на мотоцикле по старому мосту в соседней деревне. У моста не было ни перил, никаких ограждений. Вдруг переднее колесо резко повернуло к краю, и мне показалось, что мы летим в омут.

Как же мне хотелось выглянуть из сарая! Но на этот раз страх победил любопытство.

– Тикаем! – шепнул я.

Пролезая через изгородь, я больно цапнул спину сучком и, упав на колени, прополз по грязи. Поднявшись, метеором понесся к боярышнику. Во все время бега слышал я за спиной чавкающие по сырому лугу полуботинки Пескаря. Остановившись у боярышника, я припал спиной к стволу высокого куста, стараясь отдышаться, и только тогда увидел, что с нами нет Витюхи. Бросив тревожный взгляд в сторону Стюриного двора, я увидел, что он неторопливо бежит к нам.

– Она что? Дома? – хриплым, каким-то ангинальным голосом спросил Петька Гальяна, когда он подбежал к нам.

– Ага! Вплавь домой добралась. Вразмашку плыла, в жакетке своей и в сапогах!

Витек замахал длинными жердевидными руками и зафыркал, изображая, как плывет Стюра. Черный чуб его растрепался, длинный нос торчал, как клюв, он был больше похож на пробующую взлететь ворону, чем на плывущую Стюру. Я захохотал.

– А кто ж тогда дверью скрипел и ступенями? – допытывался Петька.

– Кто-кто, дед Пихто! Это котяра удушил мышь и на крыльцо притащил. Вроде как добычу хозяйке принес. А потом котяра приоткрыл дверь и в сенки зашел! Стюра даже щеколду на дверь не накинула, только палку к двери приставила.

– Что ж ты нам не просигналил? – спросил Петька.

Рассказ про кота очень успокоил его.

– Так вы сразу, не глядя, вчистили, ну я поглядел, кто там вышел, и тоже побежал.

– Давайте вернемся! – азартно предложил я.

– Нет, домой пора, – сказал Пескарь, решительно направляясь к берегу, и причмокнул: – Мамка в воскресенье петуха зарубить обещала. Суп с лапшой сделает.

– Подождет петух твой, – безразличным голосом сказал Гальян, которому дома, кроме вареной картошки в чугушке, солонки с солью да кружки молока, никогда ничего бабка не подавала, – посмотри, вон Агафониша белье на мостках полощет. Тут же твоему папаше доложит, как ты чужую лодку угнал.

Мы подождали, пока Агафониша выполоскала голубые от синьки простыни и всякие мелкие ремки. Сложив все в тазик, она скрылась в своем дво-

ре. Мы пошли к берегу, спустили лодку и поплыли. Я сидел на веслах лицом к заречному дому и все мне казалось, что из окна свозь чуть отодвинутую тюлевою занавеску кто-то глядит.

Дома я никак не мог успокоиться. Стюрин погост, ее немой, печальный двор, качели, верстак, вырезанные поблекшие буквы мальчишеских имен так и стояли у меня перед глазами. Подумать только! Стюра, которая с детства казалась мне странной, нелепой, непонятной, допотопным, ходячим анахронизмом, вырастила пятерых мальчишек! Она нянчила их, они носились по двору, играли, озорничали, наверное, дрались, как все пацаны, они плотничали на самодельном верстаке. Они учились в нашей школе! Выросли, стали работать, а потом пошли на войну. И погибли.

Неприкаянно слонялся я по двору, потом зашел в избу. Отца дома не было: хоть и воскресенье, а он весь день работал в ремонтных мастерских, трактор к посевной готовил, какое уж тут воскресенье, когда посевная на носу. Мать в новом, недавно сшитом ситцевом платье, которое она надела ради воскресенья, сидела за кухонным столом и просматривала семена. Каждую весну она вытаскивала из небольшой пестерки самодельные конвертики с надписями: «укроп», «огурцы», «помидоры желтые», «бычье сердце» и нужное откладывала в стору. Я подошел и, сам не ожидая, вдруг спросил:

– Мам, а Стюра правда того?

Мать изумленно посмотрела на меня. Она отбросила на стол конвертик, который собиралась проверить.

– Знаешь, что мы сегодня видели у нее во дворе? – спросил я, тут же спохватившись, что выдал и себя, и своих товарищей, но меня просто несло.

– Как вы туда попали? – Мать грозно поднялась с места и, быстрым, всепроникающим от головы до пяток взглядом прострелив меня, приказала:

– Быстро отвечай. На ее лодке?

– Да, – честно признался я. Но мы ее вернули на место.

Мать тяжело вздохнула.

– Стюра... Я вот помню... – и она, вернувшись на свой табурет, стала рассказывать.

Много позднее, живя далеко от своей малой родины, я увидел заново и этот день, и нас, троих пацанов, переплывших реку на Стюриной лодке, и Стюру, как стоит она в толпе односельчан, как идет она в сумерках по Мельничному лугу, я слышал ее голос, голос моей матери и отца и другие голоса односельчан. Эпизоды, рассказанные матерью, и события, связанные со Стюрой, которые происходили при мне, и короткое известие в только что полученном от матери письме «А Стюра наша померла на Троицу. Царствие ей Небесное» как яркие молнии высветили образ этой женщины.

* * *

Наша деревня Ярунино, стоявшая среди ленточных боров алтайской лесостепи, в середине сороковых годов мало была связана с миром. Еще только собирались сюда провести радио, редко приходили газеты, лишь главные новости страны долетали сразу. В День Победы единственное предприятие района – маслозавод – сигнализировал

прерывным гудком, трубил, и вся деревня, кроме столетней старухи Прасковьи Андреевны Бутякиной, никуда не тронувшейся со своей завалинки, бежала в центр, на площадь. С крыльца высокой конторы председатель объявил о том, что Советский Союз одержал над фашистскими захватчиками долгожданную героическую победу.

Стюра стояла в толпе односельчан перед этим с детства знакомым ей одноэтажным домом, с богатыми наличниками на окнах и высоким, окаймленным перилами крыльцом. Этот дом принадлежал когда-то зажиточному хозяину Мирону Трапезникову, а после раскулачивания стал колхозной конторой.

Стюра, опустив голову, медленно перешла через дорогу, где стоял сельский клуб, и опустилась на крыльцо. Уже прошел митинг, отплясали плясуны, отпели свои озорные, перченные частушки девчата, а Стюра все сидела на ступеньке клуба.

Моя мать, тогда семнадцатилетняя девушка, подошла к ней:

– Пойдем, Настюра, вместе домой! Не услышав ответа, она пристально взглянула в чуть замутненное наступающими сумерками лицо Стюры.

Стюра смотрела куда-то поверх и вдаль, и лицо ее было тронуто улыбкой. Губы чуток шевелились, произносили что-то неслышное.

– Пойдем, Стюра. Темнеет уже.

– Маруся, я сыночков моих видела, – тихо сказала Стюра, все так же глядя куда-то мимо, вдаль.

– Что ты! Настюра!

Мать взошла на крыльцо и села рядом с ней.

Стюра стала рассказывать матери, как она видела сыновей своих, радостных и здоровых, а младший Сергунька подошел к ней близко и вроде с обидой даже сказал:

– Мама, у нас теперь так все хорошо, а ты плачь!

Тогда Стюра прошептала ему: «Сергуня, вы же погибли!»

А он наклонился над ней и рукой легко так, невесомо прикоснулся, погладил ее по плечу. И она сидела не шелохнувшись, и вот не видно стало сыновей, но на душе был праздник, который она не хотела делить ни с кем.

– Пойдем, Стюра. Хочешь, у нас переночуешь?

– Маруся, ты иди. Я одна хочу посидеть.

В тот вечер домой Стюра пошла кружным путем, через дальний мост и по Мельничному лугу. То ли не хотелось ей видеть улицу и дорогу, по которой один за одним ушли на фронт ее дети, то ли не хотела плыть к себе в заречье в темноте на лодке.

Вот тогда Стюра и сделала эти холмики. Слово забыв, что тела ее детей остались в иных землях, она стала обихаживать их как могилки. Все лето цвели на них яркие красные, оранжевые, желтые, лиловые живые цветы, диковинные для наших краев, зимой же укладывала она на холмики сосновые ветки.

Одни говорили, что Стюра стала того – умом тронулась, другие со вздохом называли ее убогой, не помня первоначального исконного смысла этого определения, в котором «у» есть только предлог нахождения, пребывания, а бабка Матковых, Ирина Кондратьевна, киржачка, говорила, что Стюру Господь посетил.

Потихоньку все в деревне узнали о Стюрином погосте. «Ну что сделаешь, немножко того сделала Стюра, беду такую пережить! Если ей легче так, дак пусть она эти холмики обихаживает», – решили деревенские и больше к этому не возвращались.

* * *

В войну и после войны председателем колхоза в Ярунино был не молодой уже, свой, деревенский мужик Андрей Каспарыч. В середине пятидесятых прислали нового председателя, приезжего. Андрей Каспарыч легко расстался с должностью. «Какой я председатель, – махнул он рукой, – уж в войну, когда бабы да ребятишки остались, куда было деваться, а теперь... Он человек грамотный, а я? Два класса, третий коридор».

Новый председатель, Валерий Семенович Удаков, не сразу разобрался в нашей жизни, дел на его голову выпало много, а когда разобрался, пришел в ужас от темноты и запущенности ярунинского населения. Страна борется с религиозным дурманом, а у них! Детей крестят, уборщица конторская за попа у них, а потом, значит, как эти дети подрастут, в октябрята да пионеры принимают! Коммуниста Ощепкина отпевала по церковному обряду! Есть здесь Советская власть или нет? Учительница новорожденную дочку на прошлой неделе окрестила! Педагог! На Святки колядовать к нему пришли! К председателю, партийному человеку! А в Пасху что делается? Яйцы красят, все христосуются, а на кладбище молитвы поют. Эта Стюра, Настасья Павловна Речкунова – просто церковь ходячая!

Помню, как мать с недоумением говорила отцу:

– Как же дитя беззащитное не крестить? Председатель, что ли, оберегом будет?

– Ты себе молчи, помалкивай, – хмурился отец.

– Ты при Советской власти живешь. Забыла?

– Дак разве я против власти?

Чужой был председатель. И говор у него был какой-то непривычный, будто кашу сейчас изо рта вывалит. И сам весь туча тучей, ходит или сидит сычом в конторе, левой рукой правую, подсушенную, трогает. Поговаривали, что рука у него покалеченная – результат самострела, на войне нарочно себя покалечил.

И вот узнал Валерий Семенович про Стюрины холмики. Дело было в апреле, перед Пасхой.

– Это что еще за шутки – мнимое кладбище возле дома устраивать? Настасья Павловна? – недоуменно спросил он, когда Стюра пришла мыть его кабинет.

Он сидел за столом, проглядывая какие-то бумаги. Стюра, поставив ведро с водой у порога, подошла к нему.

– Ликвидируй немедленно!

Валерий Семенович уныло и недовольно взглянул на нее.

Стюра стояла, долго ничего не отвечая.

Валерий Семенович повысил голос.

– Ликвидируй или мы сами их запащем...

– Тебе разве не сказали? Там сыны мои похоронены.

– Ты мнимые могилы насыпала, Анастасия...

И тут Стюра усмехнулась и, подойдя к председателю с боку стола, сильно ткнула его кулаком в правое плечо.

– Самострел в руку встрел? – в голосе ее слышалось любопытство, но не было никакого осуждения. Валерий Семенович вскочил, грохнулся на спину массивный стул, который достался колхозу от владельца вместе с домом.

– Ты... кулачка недобитая! Коммуниста оскорбить хочешь? Да я тебя...

Голос Валерия Семеновича был свистящим и прерывистым, словно горло ему то сжимала, то разжимала невидимая крепкая рука.

– Бог видит, кто кого обидит, – сказала Стюра.

Повернулась и пошла из конторы прочь и больше уже туда не ходила.

Несколько дней взбешенный председатель отдавал один и тот же приказ всем трактористам по очереди: ехать на ликвидацию Стюриных холмиков, но трактористы просили Христом Богом не посылать их, а так как это к колхозной работе отношения не имело, силой послать их Валерий Семенович не мог. Тогда председатель вызвал из соседней деревни Голоёвки Гришку Красавчика.

– Все заровняй. Я ей покажу как самочинствовать. Некрополя этого чтоб в помине не было! Выполнишь, премию получишь! Это где видано: рубахи хоронить?

Красивое глупое лицо Гриши просияло беззаботной улыбкой.

– Валерий Семеныч! Запашу... чего мне....

Весть эта недолго оставалась в стенах конторы.

– Председатель Стюрины холмики разорить хочет! – понеслось по деревне.

– Как это?

– Трактор послал. Все трактористы отказались, так он Гришу Красавчика нанял!

– Шкура заезжая! Мало ей горя.

– И не говори! Пошла Настя по напастям.

– Стюра только этими холмиками и живет.

– Не дадим!

Все деревенские бабы – от молодых до старух – большим ополчением отправились лугом в Заречье. Во главе шла свояченица Стюры Ольга Неустроева, женщина полная, но на подъем легкая. Гришка как раз в это время съехал на своем тракторе с моста и тоже завернул на луг. Отсюда до Стюриного двора вдоль реки было километра три. Красавчик проехал их посередине луга, где было посуше, чем вдоль реки, и свернул к раkitнику. Тарахтение едущего сзади трактора остановило ополчение, и все оно повернулось к нему.

– Скажешь говно – вот и оно! – усмехнулась Лада Кизякова, которая знала несметное количество вот таких вот и покрепче поговорок. Смахнув с подола прилипшую шелуху семечек, она злорадно смотрела на приближающегося Гришку.

Ольга Неустроева с лицом грозным и решительным направилась навстречу трактору. Ополчение шагнуло за ней. Ольга, подняв руку, остановила Гришку.

– Ты чего это, непутевый, сюда пожаловал?

Гришка лихо затормозил. Колеса трактора, брызгая водой и роняя комки грязи на луг, встали как вкопанные. Бесповоротный отвал трактора сверкнул как щит. Решительно тряхнув белокурым

чубом, Гришка принцем с трона глянул из кабины вниз:

– Все отошли! Непрополе запахивать буду!

– Како непрополе? У Стюры не прополото не бывает, бес на тракторе! – гневно крикнула киржачка Ирина Кондратьевна.

– Стюра ни на каком поле травы не оставляет: ни на колхозном, ни на своем, – поддержала ее Ольга.

– Да вон, холмики эти, – презрительно хмыкнул Красавчик. – Чего она кладбище у дома устроила?

– А ты попробуй только наехать на них, пуштоголовый! – крикнула моя мать, которая как раз примкнула к ополчению, с некоторым опозданием.

– А вот сейчас и попробую!

– А себе серпом по яйцам, не пробовал? – крикнула Лада Кизякова, а Ольга пнула сапогом тракторный щит. Ополчение рассмеялось разнокалиберным смехом, от басовитого до тонкого девчоночьего.

Гришка презрительно смотрел на хохочущих женщин.

Несмотря на свою дородность, Ольга легко вскочила на ступеньку трактора и глядела теперь прямо в бесстыжее лицо Гришки.

– Мы в войну без мужиков с такими как ты да твой Председатель справлялись и сейчас справимся!

– А ну слезь с трактора! – завопил Гришка. – Покинь колхозную машину!

– Шибко мне нужна твоя машина! – Ольга спрыгнула со ступеньки. – Я свой огород и лопатой вскопаю! Она в сердцах плюнула на колесо трактора.

– Иуда!

Лютым градом посыпались на Красавчика ругательства и проклятья.

– Вот гад! Вырос с осину, а ума с волосину.

– Холуй! Чтоб тебе твой председатель к одному месту фонарь привязал да всю ночь пахать заставил!

– Далась вам эта ведьмачка заречная! – крикнул обозленный Гришка. – Я с вами по-хорошему. Это председателя приказ. С ним шутки плохи!

– Как же ты божьего человека ведьмачкой называешь? – изумилась Маша хроменькая. Дотянувшись до трактора, она хлопыстнула его по железному боку батоном, будто по боку Гришки.

– А ну разойдись, – заорал Красавчик.

Он газанул, и трактор рывком двинулся вперед. Женщины встали широким полукругом, тесно друг к другу притиснувшись, загораживая дорогу.

– Растуды вашу копалку! Подавлю ведь всех, колесами раскромсаю! – орал Красавчик.

Но видя, что никто и не думает отступить, сдал назад и, повернув вправо, поехал в обход живой баррикады.

– Ах ты...

Ополчение ринулось за ним.

А Гришка довольный, что отделался от бабья, направился в сторону Стюриного погоста.

Уже видел он со своего высокого сиденья под ракитами свободно отстоящие друг от друга, очищенные от листвы и сухой травы холмики.

– Сюда значит...

Он сбавил обороты и поехал медленнее.

Темная длинная тень, похожая на человече-

скую фигуру, распластанная перед холмиками, насторожила Гришку. Подъехав ближе, он понял, что это Стюра. Она лежала ничком, широко разбросав руки, словно обнимая все могилки сразу. Гришка длинно посигналил несколько раз. Стюра не двигалась. Подъехав близко, насколько можно было, он заглушил мотор и рассерженно высунулся из окна.

– А ну, Настасья Павловна, сойди с непрополя. Запашу!

Стюра, не шевелясь, лежала у подножия своих холмиков, и в тишине глухо, словно из-под земли, доходили до Гришки похожие на рыдания произносимые ей слова.

«Смертью смерть поправ», – услышал он.

– Вроде по-русски, а вроде и нет...

«... во гробе живот даровав...» – донеслось до него.

– Во гробе!

Непутевый тревожно глядел на распростертую у холмиков Стюру.

– Живот... Как это, живот взять да и отдать? Колдует ведьма заречная...

Жутко вдруг ему стало, затрепетала, как осинный листок на ветру, легкая душа Гришки. Он всегда был слаб именно на живот. Он почувствовал, как стало давить ему и резать где-то у пупка. Ему показалось, что земля, из-под которой доносилось надрывное бормотанье, шевелится и колышется вместе с сухими дудками прошлогодней травы.

– Наговаривает! А ну как нечисть какую нашет? Уведут в реку вместе с трактором. Утопят!

Выгаращенные незабудковые глаза Красавчика на минуту жадно вспыхнули.

– А премия?

– Шут с ней с премией! – громко ответил он сам себе. – На что она мне, мертвяку, будет?

Какая-то сила заставила его спешно попятиться, он сдал назад, развернул трактор и погнал по хлябающим остаточной весенней водой лугу к мосту.

Проехав с полкилометра, Гришка встретил ополчение, которое теперь рассыпалось, и всяк шел и бежал вперед, как мог. Женщины уже поняли, что у Красавчика ничего не вышло. Проехав мимо них чуть вперед, Гришка приостановился, высунулся из окна и крикнул:

– Дура ваша Стюра! Все вы тут как были, так остались дураками! Не зря мы ваше Ярунино Дуруниным прозвали!

– Мы вашу Голоёвку еще не так прозвали, – повернувшись к нему, крикнула Ольга, – а всего-то одну букву поменяли!

И женщины, вспомнив это прозвание, огласили дол неударжимым победным смехом.

Гришка поехал дальше, а ополчение двинулось к Стюриному погосту. Когда подошли они, Стюра все еще лежала на земле.

– Настюра, вставай, – сказала моя мать, подходя к Стюре.

– Уехал супостат. Настюра! – победно крикнула Ольга.

Стюра, оторвав от земли раскинутые руки, медленно встала и повернулась к женщинам. На одежде ее, кончиках платка, бортах пиджака и по всей длине юбки налипла мелкая труха прошлогодних листьев, пыль и влажные комочки земли. Лицо,

чуть тронутое улыбкой, было обращено вдаль. Она безмолвно и благодарно поклонилась ополчению и пошла к своему двору. Переглянувшись меж собой, женщины в непривычном молчании повернули в обратный путь.

* * *

На следующее утро Стюра вошла в свою лодку, когда еще солнце не до конца рассеяло туман над Кулундинкой. Агафониха видела, стоя у прясел своего двора, как плыла Стюра на наш берег. В поблескивающей под лучами дырчатой сети тумана возвышалась над лодкой ее высокая прямая фигура, как обычно, мерно и сильно гребла она веслами. Переплыв реку, Стюра подтянула лодку к берегу, вынула из нее свою хозяйственную сумку и пошла по дороге. Она шла твердым шагом, одетая, как всегда, в пиджак и юбку, на ногах – резиновые сапоги, голова повязана темным платком, кончиками вперед. На плечах у нее был продетый через толстые матерчатые лямки на манер рюкзака самшвейный мешок.

Это был тот час, когда в каждом доме на наших приречных улицах топились печи: хоть и весна, а по утрам, если не протапливать, в избах холодно и углы отсыреют. Хозяйки, то и дело отходя от пылавшей дровами печи, выглядывали в окошки.

Пройдя вдоль берега и свернув на нашу улицу, Стюра поднималась по ней вверх. Моя мать, увидев ее из окна, выбежала, вспомнив, что еще не отправила на травку Рыжку, нашего теленка. Она побежала, быстро выгнала Рыжку из пригона, и

тот, задрвав голову и неуклюже перебирая широко растопыренными ногами, направился за ворота. А мать, догоняя Стюру, которая как раз миновала наш дом, всплеснула руками и крикнула:

– То ли ты за цветами поехала, а Настюра?

– Так ведь пора. Неделя до Пасхи осталась, – ответила Стюра, ласково поворачиваясь к ней. – Поеду, Маруся.

И она пошла дальше, а мать тараторила ей вслед.

– Стюра, мне малиновых цветков и фиолетовых. Как в прошлом годе. И свечки поставь. Сама знаешь за кого!

Мать стояла на дороге, глядя вслед Стюре, забыв про телка, который незаметно зашел назад в ворота и уже принялся жевать одиноко висевшее на веревке полотеничко.

Стюра шла и шла прямо по нашей тропке, которая уходила за деревню и сливалась там с дорогой на районное село. Вдали виднелась черта, где земля встречается с небом и словно бы соединяется с ним. Стюра дошла до нее и остановилась, ожидая попутку. Мать видела, как подняла она руку, и темно-зеленый грузовик с высокими бортами кузова, притормозив, подождал, пока она заберется в него. Высокая фигура Стюры перешагнула со ступеньки кабины за деревянный борт кузова, как перешагивала она за борт своей лодки, и скрылась в нем. Грузовик ехал по грязной весенней дороге, надсадно рыча, воняя бензином, швыряясь во все стороны комками грязи, а в небе, вровень с ним, двигались – и это видно было из кузова – стройные, веселые молодые облака в белоснежных рубашках.

Николай Благов (1931 - 1992)

* * *

О чём горюешь, пигалица-птица,
Озерная, плакучая душа?
Твоим пушинкам белоклювым спится
Спокойно под навесом камыша.

Тебе бы только радоваться, виться...
У нас в селе старушка есть – у ней
Никто в доме не скрипнет половицей,
А ведь гремело трое сыновей.

И каждый обещал, что возвратится,
И каждый на груди своей унёс
Пятно большое материнских слёз,
Что, высыхая, морщилось на ситце.

Чужой мужик живет с её невесткой.
(Коль живы, хоть письмо пустить могли б.)
И справки есть с печатью сельсоветской
На каждого – «Действительно погиб».

И всё ж на сторублевую бумажку,
Бочком пробравшись как-то в магазин,
Она купила кремону рубашку,
Мол, вдруг да из троих-то хоть один...

Теперь тропинки до неё забыты,
Она ушла навеки из села.
Крест-накрест окна досками забиты,
Изба кругом бурьяном обросла.

И целый день одна, воркуя глухо,
Там в темноте голубушка живёт.
Душа покойной, верится старухам,
Вернулась это и осталась – ждёт.

И некому на свете удивиться
Пустой избе и травному двору.
Ну что ты ноешь, пигалица-птица?
Зачем ты плачешь? Или не к добру?

Ты знай летай, летай себе высоко.
Теперь в груди у каждого горит –
На кочке, охраняемой осокой,
Твоё гнездо никто не разорит.

Татьяна ЭЙХМАН, член Союза писателей и Союза журналистов России.
Врач, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова.
Руководитель Карсунского районного литературного объединения «Родники».

БЕЛЫЙ РУЧЕЙ

Рассказ

*Посвящается моему деду-фронтовику
Андрею Дмитриевичу Гоношилину*

*Нас не надо жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймет эту правду, она к нам в окопы и щели
Приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.
Семён Гудзенко*

Николай Иванович любил возиться здесь в сарайчике, где у него были столярные и слесарные инструменты, широкий самодельный рабочий стол, тиски и еще много чего, что нужно работающим, все умеющим делать, зудящим от покоя рукам. А когда ладишь что-то интересненькое, то и мозгам работёнки хватает. Ладить же чего-нибудь он обожал.

- Папа, иди в дом, - позвал сыновний голос.

- Что? Чего надо?

- Иди, дед пришел!

- Ну пришел и пришел, поговори с ним, я скоро.

Через некоторое время он услышал, как сын шлепает через двор, повернулся.

- Приду, приду, чего ты?

- Чего, чего, иди быстрей, дед там просит винца налить, а я, сам знаешь, в эти дела не лезу!

- Знаю-знаю, но поговорить-то с ним мог бы о чем-нибудь, ты же не ясельного возраста, есть о чем поговорить девятикласснику с дедом!

- Да, мы поговорили об атомных бомбах, но у нас принципиально разные взгляды по этому вопросу, а он даже он со мной разговаривать не желает.

- Ну знаешь, Вовка, стыдно бы над дедом издеваться, может он, конечно, по сегодняшним меркам чего-то и не знает, но он на фронте был.

- Да-да, остался без ноги, контуженный, надо понимать и так далее, - копируя отца, брякнул Вовка и, опомнившись, осекся.

- Эх, ты, дубина! Да ты понятия обо всем этом никакого не имеешь!

Обойдя сына, Николай Иванович пошел к крыльцу...

Частенько вспоминал Николай Иванович один день на исходе зимы, четко в памяти всплывали все слова и подробности того дня. Мать и четыре младшие сестренки еще спали, он вскочил, внес дров для печи, мать, услышав, что он возится, поднялась:

- Коль, ты бы сегодня в школу-то сходил, сынок, а то вечер учителька ваша наругивала меня, что ты

способный, а я тебя в школу не пускаю.

- Мам, я нынче за дровами в лес, а завтра в школу. Ладно?

- Эх, сынок, что сказать, и за дровами нужно.

А Колька уже хлопнул дверью.

Вскоре они вдвоем с дружкой Мишкой Журковым запрягли Бурана и поехали в лес, что за бьющим в овраге Белым Ручьем. Мишка рассказал, что мать его всю ночь плакала и кричала из-за того, что приезжал вчера в сельсовет человек из военкомата, спрашивал у нее и у односельчан, где Степан Журков, Мишкин отец. Да кто ведь знает. Взяли по повестке, а письма ни одного не получили в семье.

Мальчишки строили догадки, может, эшелон немцы разбомбили, может, в первом бою ранило его, и он в госпитале сейчас. Подробно обсудили дела на фронте, затем разговор перескочил на школу. И, правда, надо-надо в школу пойти завтра, да вот дел мужицких в доме полно.

Буран остановился возле Белого Ручья, захрапел. «Буран, чего еще?» – сердито крикнул Мишка, выбрался из саней.

- Колька, глянь-ко, кто это там?

Ребятишки скатились в овражек, прямо к незамерзающему белодонному меловому ручью. У воды, скрючившись, лежал человек в обтрепанной военной одежде. «Мертвый ведь», - мелькнуло в голове у Кольки, но все-таки стал оттащить человека от ручья, а затем, перевернув, распрямился.

Эй, гляди-ка!!

Мишка вдруг понял, что это его отец! Подбежал, начал дергать его за руки, тереть щеки снегом, открывать глаза, приговаривая: «Бать, батя!». Наконец, до Мишки дошло, что отец мертв.

Они положили Степана на сани, всю дорогу до дома молча думали, каждый по-своему оценивая происшедшее. Мишка как-то судорожно то ли вздыхал, то ли всхлипывал. Возле самого Мишкиного дома Колька спросил: «Может, мне с тобой идти в избу-то?». «Не надо, я сам».

Андрей Дмитриевич Гоношин, фото 1975 г.

Колька увидел, что отец, осунувшийся, серый, вокруг синего рубца на голове пробиваются блеклые волосы (а ведь какой раньше-то был черно-волосый). Опустив взгляд, сын рассмотрел, что на обеих руках у отца по два пальца - большой и указательный, а на месте других пальцев - розово-синие рубцы, левая штанина подвернута, а к голени, ниже колена, пристегнут новенький деревянный костыль. Колька не знал, что и говорить, прижался к груди отца: «Ничего, сын». Клешня-рука по старой привычке начала поглаживать голову мальчика. Колька высвободился: «А у Мишки Журкова отца мертвого нашли». Все разом закричали, поднялись с места и побежали к Журковым...

Со временем Колька привык к новому облику отца, только никак не принимала его душа отцовские слова: «Да, сын, что же я? Я теперь полчеловека». Не мог он согласиться с тем, что его отец, раненый в бою, выживший, награжденный орденом, обмяк и раскиселся, ходил по селу из дома в дом, рассказывал, как там, на фронте, он порошу нюхал, а потом так сильно его жажнуло, что без сознания оказался в госпитале, как оперировали его, сколько их таких, как он «некомплектных», без рук, без ног, и кто из них поехал домой, а кто остался в Саранске на заводе и много еще слезного и жалостного.

Иногда Колька вечером ходил по селу и, разыскав отца, вел его домой. Несколько раз ночью просыпался он от отцовских стонов, видел, как высккивал отец на улицу в исподнем белье, махал руками-клешнями, ругался, скрипел зубами, культяшкой ноги пинал тополь во дворе, падал, потом полз и садился на скамейку под тополем, плакал, курил, вздыхал, выл, а потом затихал.

Подошла пора весенней пахоты. Раненько встал Колька, разбудил отца: «Пошли, выйдем во двор».

Отец закостылял за ним.

- Папаня, собирайся, поедем пахать.

- Ты что, Колька, чокнулся? Мои клешни умеют держать самокрутку, стакан да ложку.

- Пойдем, папаня, мужики пошли, и мы спробуем.

И пошли...

К обеду культяшка натёрла ногу, но отец не соглашался на Колькины уговоры отдохнуть, так и добились они участок: коня водили напеременки, за плугом ходили по очереди.

Сделали дело. Победили! Вот когда она, победа, впервые вполглаза заглянула к ним в дом - весной 1943 года.

И хотя наутро отец не мог подняться, стонал, лежа на постели, и нога его отекала, пощипывали свежие кровавые мозоли на культях, растерлись и кровоточили рубцы на руках, но и отец, и Колька поняли: «Можно жить! Без разных нюней, без слез - можно! Нужно приспособиться, научиться».

...Николай Иванович поднялся на крыльцо, вошел в дом. В кухне за столом сидел отец - старый человек, худощавый, седой, руки-клешни потрескавшиеся, желтые от махорки (так и курит махорку) лежали на столе, костыль зачем-то отец отстегнул.

- Здравствуй, папаня.

- Сынок, Миколай, здорово! Я вот чего - орден Отечественной войны мне дали.

Николай Иванович увидел новенький орден на отцовском пиджачке.

- Давай, сынок, садись.

- Подожди, я всю семью соберу, что ты спешишь?

- Нет, давай, старшой, с тобой сначала.

Лицо старика сморщилось, по щеке заискрилась и, перепрыгивая по морщинам, сползла ко рту соленая слеза:

«Эх, Миколай, девки выросли - разлетелись, ты старшой здесь. Вроде и недавно я с войны пришел, полчеловеком был, да жизнь заставила снова человеком стать! Во! Вот какой я!».

Николай Иванович понял, что отец уже с кем-то отметил получение ордена.

- Папаня, я все-таки соберу своих, все там, на огороде, сейчас крикну.

- Подожди, Миколай, скажи мне, только честно, ты жалеешь меня?

- Тебя? Нет, не жалею, ты ничем не хуже других: детей вырастил, а вспомни, как ты валенки валял, дом строил, печку клал, косил, да всё-всё делал не хуже других! Чего же жалеть?

- А я, сынок, жалею себя и вас, конечно, редко, очень редко, но жалею.

Приснится, что бегу я на Белый Ручей с ведрами в обеих руках, а ты маленький, каким еще до войны был, впереди по тропинке скачешь, покрикиваешь, а мать твоя, моя Катя, красивая такая, в голубом платке, на усаде стоит и смотрит нам вслед. Проснусь, где ведра? Где тропинка? Как же я бежал? У меня и ноги-то нет. Заплачу, жалко мне себя станет, плохо и ой как больно. Но я же мужик!

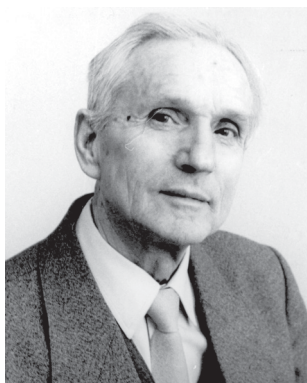
Не хочу, но всегда вспоминаю войну!

Потом отойдет все, успокоюсь. Живу, как все, вместе со всеми живу...

ЧЕРЕМШАН

В Димитровграде талантливые литераторы объединены в писательскую организацию «Слово» (руководитель Раиса Кашкирова). Поэты и прозаики пишут о родной земле, о мире и войне, о том, что по-настоящему волнует душу. Представляем читателям творчество старейшего писателя Мелекесской земли, участника Великой Отечественной войны Евгения Степановича Ларина.

Евгений Степанович ЛАРИН родился 30 октября 1926 года в селе Верхняя Якушка Новомалыклинского района Ульяновской области, а детство и школьные годы его протекли в поселке Красный Яр. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и 12 медалями.

До армейской службы работал в колхозе, а в 1943 году был призван в армию, окончил окружную школу снайперов и летом 44-го года выехал на фронт. Там его определили в 276-й стрелковый полк 77-й дивизии 51-й армии, входившей в состав войск Первого Прибалтийского фронта. Здесь же в минуты затишья солдат Ларин писал стихи и заметки о соратниках, посылая их в газеты «Сын Отечества» и «Во славу Родины».

В декабре 44-го года Ларин направляется в Тульское пулеметное училище, которое через год было расформировано, и дальнейшую службу он проходил в различных воинских частях Москвы и Подмосковья, в основном в рабочих батальонах. А в феврале 1947 года по состоянию здоровья был демобилизован, вернулся в родное село, работал в колхозе, затем поступил в Мелекесское педагогическое училище. Окончил его в 1951 году и работал учителем в селе Адоевщина Радищевского района Ульяновской области.

Летом 1953 года Ларин вернулся в Мелекес и был приглашен на работу в объединенную газету «Сталинское знамя», вскоре переименованную в «Знамя коммунизма», где был литсотрудником и заведующим отдела писем. Весной 1965 года перешел во вновь созданную газету «Знамя труда» Мелекесского района, где был заведующим отдела писем. В период с 1973 по 1987 гг. работал заместителем редактора и редактором этой газеты.

Во время работы в редакции Ларин заочно окончил пединститут, а в Ульяновске и Саратове издал несколько книг для детей: «Первый урок», «Таня и кот», «Нужда научит», «Кузнец», «Сам себя не узнаю», «Дороже золота», «Про Ерему-молодца» и другие сборники сказок. Позже была издана книга Е. Ларина «Сказки мудрого кита», за которую он был награжден по итогам Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого дипломом Московского университета культуры.

Много внимания Евгений Ларин уделял и жанру документальной прозы. Так его документальная повесть «На сельском большаке» о трактористе Николае Уткине получила должную оценку в областной и центральной печати. В частности, высоко о повести отозвался журнал «В мире книг», поместивший рецензию В. Тазова «Борозда навечно». Тепло была встречена и драматическая повесть «Пока бьется сердце» о подвиге врача Марии Мусоровой, погибшей в фашистском плену. По этой повести ульяновская телестудия с участием артистов областного драмтеатра поставила большой (в двух частях) телевизионный спектакль. А в дни 50-летия Победы спектакль по этой повести поставил и коллектив Димитровградского театра драмы.

Евгений Степанович Ларин – автор ряда очерков, поэм, стихов и песен. В печати публикуется со

Члены писательской организации «Слово» в гостях у Евгения Ларина. Ноябрь 2018, г. Димитровград.

школьного возраста уже более восьми десятилетий. Был другом поэта Николая Благова и писателя Анатолия Жукова.

Член Союза журналистов СССР и Союза журналистов России, лауреат областной журналистской премии, член Союза писателей СССР и Союза писателей России. Почетный гражданин города Димитровграда.

РОССИЯ, РОССИЯ – МОЙ ВОЗДУХ И СВЕТ!..

Робинзоны

Когда в глухомани таежной
Мужик свою семью укрыл,
Не ведал чиновник-безбожник,
Что кто-то его обхитрил.

Он сам убеждался в ту пору
Что все перекрыты пути,
Что ни за леса, ни за горы
Тайком никому не уйти.

И все же в глуши непролазной
Таила укрытья тайга,
Куда за столетья ни разу
Ничья не ступала нога.

В тот край, недоступный и дикий,
Пройдя за кругами круги,
Сельчанин Карп Осыпыч Лыков
Пробрался сквозь дебри тайги.

И был это подвиг великий
В двадцатый анафемский век...
Спасибо, Карп Осыпыч Лыков,
За твой легендарный побег.

У всех россиян на помине
Твои робинзоньи дела.
Отваге твоей и поныне
Завидуют люди села.

В краях, от дорог удаленных,
Куда новый век не дошел,
Как в кельях живут робинзоны,
Отшельники брошенных сел.

А в самых глухих деревушках,
Порой в три-четыре избы,
Скрипят старики да старушки –
Невольники горькой судьбы.

Всю жизнь они честно трудились,
Как деды минувших времен,
И с отчей земли не стремились
Ни в город и ни за кордон.

И старые, и молодые
Здесь жили полвека назад.
Теперь только трубы печные
Кой-где одиноко дымят.

По этим дымкам отдалённым
Окрестный народ узнаёт,
Что живы пока робинзоны,
С кем имя деревни живёт.

Они, уповая на Бога,
Как чуда волшебного ждут,
Что если проложат дорогу,
То свет им и газ проведут.

Тогда кое-кто возвратятся,
Кто в город когда-то ушёл.
Тогда и начнут возрождаться
Основы покинутых сёл.

Тогда от Камчатки до Пскова
Запляшут в лесах топоры,
И тишь робинзонскую снова
Взорвут голоса детворы.

Прости

Прости меня, крестьянский двор,
За то, что много лет
И я стрелял в тебя в упор
Через прицел газет.

Прости за юношеский пыл,
За журналистский нрав,
За то, что я с тобою был
В суждениях неправ.

Я целил словом в огород
И желчи не жалел,
Мол, отвлекает он народ
От наших общих дел.

Да и центральная печать
Почти что каждый день
Не уставала осуждать
Подворье деревень...

Послевоенные года
мне больно вспоминать.
Еще работали тогда
В селе отец и мать.

И в них, выходит, я бросал
Упрек обидных строк?
Отец лишь горестно вздыхал
И возражал как мог:

«Да если бы не огород
И то, что он давал,
Не знай бы как в селе народ
И жил, и выживал.

Был огород – села оплот,
А в грозных годах
С пшеничным полем огород
Стоял в одних рядах.

Зачем крестьянский двор клянем?
Ведь до того дошло,
Что молоко и хлеб несем
Из города в село...»

Ушли года не без следа,
Но годы ли корить?
Да как такое мы тогда
Решались говорить?
Нам не подворье б запрещать,
А помнить на века,
Что как нелепо превращать
Кормильца в едока!

Позвольте сказать,
Дорогие поэты,
Кто дышит поэзией
В нашем краю.
Да, многое нами
Воспето и спето,
Когда выражаем
Мы душу свою.

Мы каждый по-своему
В лирике «пашем»,
Но жаль, что порой
Содержанье стиха
Не пахнет ни Русью,
Ни временем нашим,
Хоть ставь под стихами любые века.

Мы жизнь наблюдаем
Сквозь рамы двойные,
Не слыша о чем
За окном говорят.
Не видим того,
Что хапуги России
Химичат, ловчат
И казну потрошат.

Они всю державу
Кольцом окружили,
Чтоб сесть на нее,
Как на лошадь верхом.
Ах, как она ждет,
Чтоб ее защитили
Поэты России
Набатным стихом!

Ах, как она
Ждет от нас
Бурного Слова,
Глыбастой,
Зубастой,
Разящей строки,
Чтоб наши глаголы
Звучали сурово
И были остры,
Как в атаке штыки.

Чтоб слово поэта
Во всю свою силу
Мошенникам гнев
Выражало сполна;
Чтоб верой и правдой
России служило, -
Она ведь у всех у нас
Только одна!

Раздумье

Я много лет стремился к счастью
На крыльях радужной мечты.
И всю юношескую страстью
Считал, что счастье – это ты!

Мне ничего не улыбалось,
Я не обласкан был судьбой.
И счастье дальше отдалялось
С недостижимой тобой.

Но почему, не знаю, право,
Об этом память берегу,
Коль оставались
Ты – на правом,
А я – на левом берегу?

Нас волны Волги разделяли
В те безмятежные года,
И лишь стихи переплывали
К тебе на берег иногда.

Они от строчки и до строчки,
От запятой до запятой,
От многоточия до точки
Насквозь пропитаны тобой.

Наверно, все мои волнения
Зажгли в душе такой костер,
В котором угли вдохновения
Не остывают до сих пор.

Когда об этом размышляю,
Парю в кудрявых облаках
И с грустью лирику читаю,
Как биографию в стихах.

Я знал...

Я знал: любимые уходят,
Хоть их держи, хоть не держи.
И только боли не проходят
От грустных дум в душе души.

Я знал, что время свое скажет
О наступлении конца,
И волжский мост уже не свяжет
Ни души наши, ни сердца.

Но нас незримо разделяли
Не часовые пояса,
Не расстояния и дали -
Совсем иные полюса.

Никто из нас не мог решиться
Свои причалы разломать...
И нам молиться да молиться
За эту божью благодать.

Ты все такая ж огневая,
Такой же милый человек,
И я тебя не осуждаю
За твой разрыв и твой побег.

И все ж в душе,
Как после взрыва.
И мне понятно – почему:
Как с гончаровского обрыва
Тогда метнулась ты к нему.

А он не тот, к кому стремилась
Душой и сердцем в час хмельной,
Не потому ль и поделилась
Своим отчаяньем со мной.

Была нежна ты и шутлива,
Как в те минувшие года.
Как будто не было разрыва
У нас с тобою никогда.

Сверкнула ты
В тот дивный вечер,
Как на закате солнца луч...
Благодарю за отблеск встречи,
Что принесла ты
С волжских круч.

Спасибо, Благов

Порой в такие дебри выйдешь
На литераторском пути,
Что даже видящий не видишь,
Куда идти и как идти.
Тебе в ответ уже ни звука,
Как будто вымер белый свет...
Ох, как нужна тут помощь друга,
Его поддержка и совет.

А ты, наш друг, всегда был рядом
И многим в творчестве помог.
Но и долбал нас без пощады
За пустословье слабых строк.
Ты духом был могуч и крепок,
Как и твой мускулистый стих.
Ты даже внешне был как слепок
С богатырей былин родных.

Ты относился к слову строго
И чистоту его берег.
И по-библейски, как пророкам,
Тебе «И Слово было Бог!»
Оно – души твоей основа –
Всходило солнцем из зари.
Ты в слове видел
Больше слова,
Ты его слышал изнутри.

Твое народное жар-слово
Сияло с множества страниц,
Звеня струею родниковой
Свежее мартовских снежиц.

В стихах и удаль, и раздолье,
И речь, и труд, и быт волжан
С их сельской радостью и болью,
С их вечной должностью крестьян.

И не уйти уже от факта,
 Что ты с талантом золотым
 Шел в одиночку
 Своим трактом
 И пролагал его другим.
 Чтобы и мы строкой сердечной
 Шли за тобою напрямик,
 Сквозь буреломный ветер встречный,
 На пик, какого ты достиг.

И с высоты, как с небосвода,
 Ты учишь лирикой опять:
 Как у природы и народа
 Лицо души изображать.
 И потому отрадно снова
 От осознания того...

Спасибо, Благов,
 За жар-слово –
 Жар-птицу сердца твоего!

Уроки Хмарского¹

Нам часто Хмарский говорил, бывало:
 - В литературе спешка не нужна.
 Уж если Муза вас очаровала,
 Не забывайте – каторга она!

А если душу посвятить решили
 Созданию острых и горячих строк,
 То, значит, вы себя приговорили,
 Как в рудники, на бесконечный срок.

И там, к перу прикладывая руки,
 Убеждаться будете не раз,
 Что добывать пленительные звуки,
 Куда труднее, чем добыть алмаз.

Когда же ваши робкие глаголы
 Протопчут след к печатному станку,
 Со всех сторон посыплются уколы,
 Вонзая иглы в каждую строку.

Суждений – лес: и лестных и нелестных,
 Десятки – «против», единицы – «за».
 Льстецы поднимут до высот небесных,
 А друг вам правду выскажет в глаза.

Возможно, правду дружескую эту
 Терпеть кому-то будет тяжело,
 «Но не к лицу заносчивость поэту», -
 Как выражался классик Буало.

Не спорьте, если критикуют строго,
 Умейте слушать, а не возражать.
 Коль Слово нам даровано от Бога,
 Стремитесь Слово точно выражать...

Ах, дорогой Иван Димитрич Хмарский,
 В литературной группе «Черемшан»
 Умели Вы советом и подсказкой
 Развеять наш лирический туман.

Профессор, критик, журналист, художник,
 Искусствовед, прозаик и поэт,
 Талантом ярким с искоркою Божьей
 Надолго в нас оставили вы след.

Мы замирали и благоговели,
 Воспринимая добрый ваш совет.
 Мы вышли все из Вашей колыбели,
 Окончив лично Ваш литфакультет.

И тут ни льстить не надо, ни лукавить,
 Но мы о Вас сердечно говорим:
 Что рядом с Хмарским некого поставить:
 И несравним он, и неповторим!

Дуб – атлант

Сколько лет за твоими плечами!
 Ты, наверно, и сам позабыл.
 Кто месил эту землю лаптями
 И в дубраве тебя посадил.

Не одна тебя буря качала,
 Про тебя говорили не зря,
 Что за век свой
 Ни много ни мало
 Пережил ты четыре царя.

А весной были здесь лесорубы
 И спилили могучий твой ствол.
 И остался от древнего дуба
 Только пенёк,
 Широкоплечный, как стол.

Но твоя не повержена слава,
 И она от тебя не ушла.
 Ты по праву почетное право
 Заслужил в новой школе села.

Ты послужишь ей многие годы
 Всею мощью накопленных сил.
 Как атлант, ее школьные своды
 Ты на плечи свои подхватил.

А по всей необъятной округе,
 Свои корни в земле закрепя,
 Поднялись твои дети и внуки
 И шуршат, вспоминая тебя.

Вон как ветер листочки полощет,
 И свистит, и звенит, и поет.
 А народ в честь тебя эту рощу
 Величаво дубравой зовет.

За дубами нам всем не угнаться,
 Не шагать далеко за века...

Но хотелось бы тоже остаться
 На земле хоть строкою стиха.

¹ Иван Дмитриевич Хмарский (1914 - 2001), фронтовик, журналист, прозаик, кандидат педагогических наук, руководитель литературной группы «Черемшан».

Александрина ВИГИЛЯНСКАЯ, Москва. Филолог, журналист, сценарист. Окончила историко-филологический факультет РГГУ. Преподаватель Французского лицея им. Александра Дюма. Автор книги «Видимое невидимое». Книга вышла в 2018 году. Презентация состоялась в домовом храме св. мученицы Татианы в Москве. По книге «Видимое невидимое» был снят одноименный фильм (режиссеры И. Васильева, С. Догоров). Премьерный показ прошел в Санкт-Петербурге, затем в Центральном доме литераторов (Москва). В скором времени фильм будет показан на канале «Культура». Александрина несколько раз бывала в Ульяновске, изучала документы по родословной в архиве, здесь произошли замечательные находки. Об этом хорошо рассказано в книге, главу из которой предлагаем вниманию читателей. Александрина Вигилянская - желанный гость «Симбирска».

ВИДИМОЕ НЕВИДИМОЕ

по следам неисповедимых путей
(глава из книги)

Один знакомый монах мне как-то сказал: самое главное – разгадать Волю Божию о себе. Распознать тот путь, который уготован именно нам, и жить в согласии с замыслом Божиим – это и есть осуществить своё предназначение.

Но как же обрести это согласие? Взгляд человека ограничен: нам дана способность воспринимать и осмыслять себя в настоящем и в опыте прошлого, заглянуть же в будущее нам не под силу. Мы движемся вперёд гадательно, далеко не всегда понимая, какое из наших намерений вырастит дерево и принесёт плод, а какое окажется бессмысленным, пустым или даже губительным. Потому и обращаемся мы к Богу со словами: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой».

Потому и повторяем: «Да будет воля Твоя». Потому и восклицаем: «Господи! Ты испытал меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумеешь помышления мои издали, /.../ рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя».

Однако у человека есть одно подспорье, которое помогает ему приблизиться к этой нужной и сложной разгадке. Когда в нашей жизни происходит событие, которое меняет ход вещей во благо и оказывается судьбоносным, то мы обращаем глаза вспять и всматриваемся в цепочку «случайностей», благодаря которым событие – свершилось. И вот тогда-то мы и можем попытаться проникнуть в тайну Божественного Промысла – увидеть пустоту одних наших намерений и шагов и промыслительность других. Вот здесь, в этом, казалось бы, мелком, проходном моменте, в этом случайном стечении обстоятельств и произошёл поворот, – удивляется человек, оглянувшись. В том смутном предчувствии, – догадывается он, – звучали отголоски того самого призыва, которым вёл меня Господь. А вот тут, – разгадывает человек, – была пустота, вопреки моей уверенности, желаниям, планам, ожиданиям и мечтам. Это зерно не дало ростка – упало при дороге, и налетевшие птицы поклевали его. А вон то упало на каменистое место и, не имея корня, засохло...

Всё это человек понимает потом, в обратной перспективе, во взгляде назад. Но – понимает! Значит, в этой оглядке нам всё-таки дано приоткрыть завесу гадательности, и невидимое становится видимым.

Я возвращаюсь к своим прошлым записям ради этой оглядки – чтобы ещё раз спросить себя, обрели ли мои стремления то согласие с Промыслом, о котором говорил мне монах. Какое из моих намерений оправдалось? Какое предчувствие не обмануло? Как распознать этот голос впоследствии и не ошибиться – услышать и не пройти мимо? В сущности, опыт любого из нас – это свидетельство действия Воли Божьей и Его неисповедимых путей, в которые вливается наша дорога, а значит – подтверждение Его помощи, Его постоянного присутствия. В этом смысле любая жизнь – это книга о Божьем водительстве, о руководстве и о подсказках, которые нам дарованы на нашем пути. Эти подсказки – во встречах с посланными нам людьми, в ситуациях, в которые мы попадаем, в проблесках интуиции и внимания, в подаренных нам мыслях и чувствах: как в способности чужать, догадываться и предвосхищать, так порой и в опыте не прямых, окольных путей – в возможности ошибаться, чтобы потом увидеть и уразуметь эти ошибки и вернуться к началу. Но главный дар – в способности истолковать наше прошлое, чтобы выправить будущее. Эта книга и есть попытка такого истолкования.

Свой путь последних лет я в общих чертах записала. Я конспектировала сиюминутное, внезапное, случайное и этим делилась с друзьями и близкими. Всякий раз оно было запечатлено изнутри текущего момента, в режиме онлайн, то есть в том самом состоянии гадательности, в котором горизонтов не видно. Сейчас, когда я оглядываюсь и уже знаю, к каким высотам вела эта дорога, записанное видится мне своего рода документом – фиксацией пути

в его становлении, отражением человека в слепом движении наугад, когда событие ещё не свершилось, когда он застаёт себя врасплох – на полушаге, на полуслове, на переходе, на перекрёстке, в неведении, в предчувствии, в заблуждении, в сомнении, в метании, в темноте. И только теперь, когда проступил дивный узор, сплетённый из прошлых сиюминутностей, они обрели осмысленность и цельность.

Обратное зрение даёт нам увидеть, что узор судьбы, во всех её мелочах, есть отпечаток таинственного и чудесного процесса – процесса соавторства Бога и человека, каким бы неразумным человек ни был. Наделённые свободной волей, мы как образ и подобие Творца получили в наследство от Него дар творчества – уже в самой возможности творить собственное житие. И когда это житие освящается вторжением Чуда – событием нездешнего происхождения, то сотворчество Бога и человека становится очевидным – через Божье участие, через Его мудрую корректуру, выправляющую путаный, сбивчивый и громоздкий черновик. Если и нужно публиковать мои записи, то именно как свидетельство этой силы – проявления большого в малом, значительного в случайном, прекрасного в неприглядном, Божественного в человеческом.

Я начала их вести года три назад: честно говоря, это было попыткой некоторой самодисциплины, способом спасения от мутности и спутанности собственного сознания, поиском избавления от нерасчлененного потока расплывчатых впечатлений и чувств, которые спонтанно накрывают в сумбуре текущей жизни, добавляя в этот сумбур ещё больший хаос недодуманностей и неясностей. Я записывала свои впечатления в бегстве от этого сумбура, чтобы хоть чему-то в своей жизни придать облик оформленности, завершённости и порядка. Это был своеобразный целостный способ остановки в безумной гонке за мчащейся повседневно, которая вдруг стала меня ужасать. Я поняла, что пропускаю что-то важное, пробегаю мимо, не оглянувшись, что я совершенно не слышу себя – хотя бы потому, что не всегда утруждаюсь внимать.

Внимание – это очень точное слово. В толковом словаре оно определяется как избирательная направленность восприятия на тот или иной объект. Но кроме необходимой устремлённости сознания, уже требующей определённых внутренних усилий, внимание связано ещё и со способностью внять – услышать, воспринять, усвоить (то есть буквально – «сделать своими», включить в свою жизнь) те послания-подсказки, о существовании которых знает каждый верующий человек. Я записывала случайности, чтобы войти в состояние внимания – чтобы выловить хотя бы некоторые обрывки мыслей из их непослушной крикливой толпы и не позволить им пронестись, как всегда, мимо, впустую и зря. Вот я сейчас выдерну оттуда эту мысль, это впечатление, это смутное чувство, поймаю его за хвост – и в тишине на него посмотрю, проживу его до конца, с ним поиграю, попробую его назвать, найду для него нужное слово, а там, глядя, может, и станет понятно, откуда оно растёт и куда может вырасти дальше. Я стала так делать, и – удивительно! – моя жизнь потекла по-другому. Постепенно я открыла

для себя чудесное состояние, в котором незначительные подробности жизни, попав в фокус рефлексии, обретают ценность и смысл, потому что умеют вырастать – именно через моё внимание к ним – в потрясающие переживания, погружая в ощущение полноты жизни, когда каждая мелочь важна, насыщена, изобильна, промыслительна и прекрасна. И с этого момента неисповедимые пути повели меня в мир, в котором я ещё никогда не была...

Я расскажу историю, которая случилась со мной, но она не совсем обо мне и не только моя. Она о том, как бывает, когда человек делает маленькое движение, даже не шаг – шагочек, он только заносит ногу, он только соглашается её приподнять, чтобы ступить туда, куда, как ему смутно кажется, его почему-то зовут. Она о том, как бывает, когда человек решается попросить – нет, даже не решается, и даже не попросить – он только позволяет родиться в себе первоначальному импульсу вопрошания, звучащему очень коряво, потому что это всего только импульс, который даже ещё не успел облечься в слова: «Зачем, Господи? Помоги мне понять, зачем я это чувствую? И что мне со всем этим делать?». Оказывается, бывает так, что достаточно только возникнуть вопросу зачем, чтобы мгновенно пришёл ответ в виде оглушительных судьбоносных событий, о которых ещё недавно невозможно было себе даже помыслить. Для меня это история-проповедь, ибо она о бесконечной любви Божией к каждому, даже самому маленькому человеку – сколь бы ни был этот человек неразумен, тёмн и слеп.

Из моих записей станет понятно, как случилось, что я полюбила странствовать – ездить по русским городам, деревням и сёлам в поисках нерукотворной красоты и рукотворной прекрасной старины, как я открыла для себя цельность этих мест и уже не могла без них обходиться. Как я придумала для себя способ спасения от безвоздушного пространства мегаполиса с его ритмами холостого, мёртвого бега: я дождалась выходных, сядила в машину и просто ехала за МКАД – туда, где начинается жизнь, где возвращается и оживает прошлое, где человек обретает совсем другое восприятие себя и мира вокруг. В одном из таких путешествий и произошла встреча, которая повернула мою жизнь, хотя тогда я даже не подозревала об этом.

В городе Вязники Владимирской области, гуляя вокруг дивной кладбищенской церкви Покрова Божией Матери, я случайно набрела на могилу дьякона Петра Вигилянского. С таблички на металлическом кресте на меня смотрел человек с прекрасным лицом, под портретом было начертано имя, а ниже – годы его жизни:

1872-1932. Я ничего не знала о вязниковском однофамильце из прошлого, и, взволнованная, бросилась расспрашивать о нём местного священника, который оказался рядом. Но священник только пожимал плечами.

С этого дня я не могла найти себе покоя. Я знала, что Вигилянские – фамилия консисторская, и было очевидно, что дьякон из Владимирской губернии как-то связан с нашим родом, происходившим из священников. Но как? Какую он прожил жизнь? Кем он приходится всем нам – нынешним Вигилянским? И зачем я его нашла? Все эти вопросы повергли меня в совершенно новое состояние: у меня не получалось пройти мимо и продолжать жить дальше как ни в чём не бывало – мне непременно нужно было найти ответ. Во мне поселилось отчётливое чувство, что незнакомый дьякон с прекрасным лицом меня зовёт, призывает к каким-то шагам, словно хочет, чтобы о нём непременно узнали.

Конечно, я поделилась загадкой с папой, протоиереем Владимиром Вигилянским, и с братом Никой – дьяконом Николаем. Но ни папа, ни брат так же, как я, ничего не знали о могиле за алтарём вязниковской церкви. Зато Ника упомянул о старом семейном альбоме и о сохранившихся там дореволюционных фотографиях наших предков, священников Вигилянских, о которых, кроме подписанных имён, тоже ничего не было известно. Альбом когда-то принадлежал давно покойной папиной двоюродной сестре Елене, и несколько лет назад Ника чудом добыл его у дальних родственников, которым альбом оказался не нужным. Почему-то эта история прошла мимо меня, и я кинулась к родителям – скорее разглядывать неведомые картинки из прошлого.

Прабабушка Ольга Алексеевна Вигилянская с детьми

Я была потрясена: альбом начинался с фотографий конца XIX века, с серии портретов моего прапрадеда, протоиерея Алексея Вигилянского – величественного седовласого старца с роскошной белой бородой, дальше следовали фотографии его жены Анны Вигилянской, моей прапраба-

бушки, их красавицы-дочери Ольги Алексеевны с детьми и мужем Дмитрием Губиным, а потом – уже тех их потомков, о судьбах которых нам было более или менее известно.

После знакомства с этим загадочным фотоархивом вопросов стало гораздо больше: где жил мой прапрадед, священник Алексей? В каком храме он служил? Жива ли эта церковь сейчас? Как складывалась его жизнь? Вообще, кто он такой? Кем были его предки? Как связан он с вязниковским дьяконом Вигилянским? И зачем всё это вышло из-под спуда именно теперь? Почему это происходит со мной? Почему всё это вдруг стало так важно – разгадать, узнать, поднять на поверхность? Это было не просто любопытство и не только зов крови: каким-то незнакомым внутренним чутьём я чувала, что должна воскресить эту память и что это необходимо не только мне. Таинственным образом я уже знала, что за моими поисками кроется что-то великое – какое-то благословение Небес, и Сила, и Слава. Такое творилось со мной впервые – это было предчувствие чудесного, от которого нельзя отмахнуться. Я стала молиться – записала в помянник имена всех неведомых Вигилянских, и мне уже казалось, что они рядом, прямо здесь, со мной, и мне помогают, и времена сомкнулись.

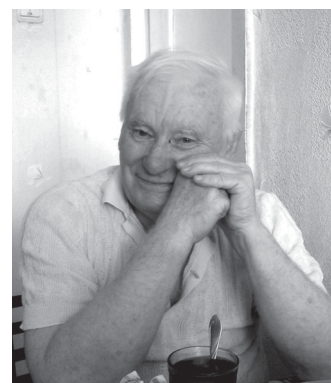
Прапрадед протоиерей Алексей Вигилянский. Симбирск

А дальше начались чудеса. Я набрела на родоведческий сайт, где нашла целый форум о священниках Вигилянских, служивших в XIX - XX веках во Владимирской губернии. Выяснилось, что в Вязниках до сих пор жив краевед Лев Валерианович Вигилянский, внук того самого дьякона, на могилу которого я наткнулась. Ни телефона, ни адреса краеведа-однофамильца на сайте не было, но я уже знала, что его найду. В ближайшую же субботу,

едва дождавшись рассвета, я села в машину и снова отправилась в Вязники, рассчитывая разведать о Льве Валериановиче в местном краеведческом музее. Но на подъезде к Вязникам я поняла, что приехала слишком рано и музей ещё всё равно закрыт, поэтому свернула в соседний городок с прекрасным названием Мстёра: на форуме упоминались священники Авроровы, родственники Вигилянских, которые там служили. В городе Мстёре нет краеведческого музея, зато есть музей мстёрских мастеров – они славились искусством росписи шкатулок. Музей тоже ещё не открылся, но зато я попала в это раннее нежное июньское утро с кувшинками на тихой реке Мстёре и с куполами храмов в рассветном летнем небе. Я бродила по берегу, смотрела на отражения двух мстёрских монастырей, которые

только недавно восстановили после советской разрухи, и молилась – даже уже не о том, чтобы найти родственников, а о том, чтобы научиться благодарить: я совершенно отчётливо чувствовала, что Господь рядом и что происходит какой-то великий поворот – воскрешение памяти, как будто вступил в действие закон равновесия-восполнения, и прошлое возвращается, и забытое оживает.

В музее я пробыла не больше десяти минут и вышла оттуда с номером телефона вязниковского краеведа: так я нашла Льва Валериановича, ещё даже не успев доехать до его города. Через полчаса мы уже сидели вместе

Лев Валерианович Вигилянский

за столом на его кухне, он листал толстую папку с архивными документами и историей вигилянского рода, напечатанной на машинке. Лев Валерианович восстановил свою генеалогию вплоть до мелочей, у него были сведения и о родственных Вигилянским фамилиях – Скипетровых, Авроровых, Кантовых – священников, служивших во Владимирской губернии, от Мурома до Гороховца. Он показывал фотографии и говорил, говорил, говорил... О зверствах большевиков, творившихся на Владимирской земле, об изувеченных храмах, о мученических подвигах священников: никто из них не пережил 1937 год. Я узнала подробную биографию дьякона Петра, деда Льва Валериановича, могилу которого я нашла меньше месяца назад, узнала и о трагических судьбах остальных владимирских Вигилянских, среди которых оказались и канонизированные святые новомученики. Однако сколько ни всматривался Лев Валерианович в лица на фотографиях нашего семейного альбома, который, разумеется, был у меня с собой, но ничего сказать о них не мог. Стало очевидно, что они принадлежат к какой-то параллельной ветви и искать их следы надо в другой губернии.

Я провела у Льва Валериановича целый день. Он разрешил мне перефотографировать портреты священников из его архива и переписать истории их судеб. Я поймала себя на том, что мне уже и не важно, связаны ли эти прекрасные люди с нашим родом: это осколки нашей общей многострадальной истории, которую мы все должны знать. Тем более, что 80-летний Лев Валерианович совершил настоящий подвиг, расследуя дела давно минувших дней ещё старыми способами: не имея Интернета, на протяжении долгих лет он по крупицам добывал сведения, посылая письма в архивы. Его бесценная папка просто лежит в ящике его письменного стола, и эти материалы до сих пор никому не известны. Я предложила ему отсканировать все страницы, перенести текст на компьютере, чтобы сделать его доступным всем нам, чтобы гигантская работа не пропала даром, не потерялась, не канула в Лету. Эти слова растрогали Льва Валериановича до слёз

– пожилой человек сидел напротив меня и плакал. Ему казалось, что прошлое никого не интересует, и моё внимание было для него счастьем. С тех пор прошёл год, насыщенный событиями, о которых речь впереди, и я чувствую, что настало время вернуться в Вязники с ноутбуком, сесть за письменный стол Льва Валериановича, провести несколько дней за несложной работой и дать этому архиву новую жизнь, сохранив для всех нас и наших потомков. И конечно, тем самым хоть как-то ответить проникновенному автору на его открытость и гостеприимство, принести ему благодарность за труды, за возвращение и хранение нашей памяти...

Уехав из Вязников, я, разумеется, сразу написала об открывшихся мне потрясающих судьбах, в которых отразился весь наш кровавый XX век, наша общая боль и вина. И на меня посыпались письма. Получилось так, что, не найдя ответов на свои вопросы, я случайно, сама не подозревая об этом, нашла ответы для других. Через меня люди находили своих предков, восстанавливали лакуны в семейном древе, обретали свою историю. Многие, по моей подсказке, ездили в Вязники ко Льву Валериановичу и возвращались с ответами. Меня это поразило: я поняла, почему не могла усидеть на месте, почему так стремилась в чужой город, наобум, наугад, и откуда эта непреодолимая тяга, которой я не могла найти объяснения. Человек, творя свою судьбу, будучи орудием в руках Божьих, может чудесным образом, даже не зная об этом, влиять на судьбы других людей, стать проводником и посредником, звеном в общей цепочке Промысла, в которой мы все незримо связаны друг с другом. И именно в этот момент я впервые на собственном опыте убедилась в существовании уже упомянутого мной невидимого пути сотворчества Бога и человека, которому мы все удостоены приобщиться в нашей жизни. Мне казалось, что одного этого уже достаточно, чтобы уяснить себе дивный смысл тайного предчувствия, родившегося столь неожиданно и внезапно в моем сердце. Но меня ждало новое открытие, которое обрушилось на меня буквально через считанные дни после чудесной поездки в Вязники.

Среди писем, приходивших ко мне прилетело из города Чебоксары. Некая женщина по имени Елена Окунева убеждала меня в том, что мой прапрадед священник Алексей Вигилянский с фотографии из семейного альбома – брат её прапрабабушки, что жили они в городе Курмыше Симбирской губернии и что мы с ней, видимо, родственники. Папе было достаточно услышать только это название – Курмыш, чтобы он воскликнул: «Да! Мы нашли: это они! Место рождения моего отца Николая Дмитриевича Вигилянского – город Курмыш, теперь я вспомнил!». С Еленой Окуновой мы стали сверять имена и даты: она занималась своим ро-

дословием уже давно и знала об Анне Петровне Вигилянской, моей прапрабабушке, о её дочери Ольге, моей прабабушке, она назвала приблизительные годы их жизни – всё сходилось. Совпадений быть не могло: наши предки вернулись! Дальше стали выясняться подробности: я узнала имя ещё одного Вигилянского – священника Павла, это был мой дедушка уже с тремя «пра», в середине XIX века он служил, как сказала Лена, в Успенском храме села Бортсурманы того же Курмышского уезда. Он-то и родил, кроме прочих шестерых детей, моего седовласого прапрадеда Алексея из альбома и прапрабабушку Елены Окуновой, с которой мы через это родство оказались пятиюродными сёстрами.

В августе 2016 года, то есть всего через полтора месяца после путешествия в Вязники, я уже сидела в машине и мчалась за 600 километров от Москвы, в Нижегородскую область, в земли бывшей Симбирской губернии, в места с таинственными названиями, которые я никогда раньше даже не слышала – в Курмыш и Бортсурманы. Навстречу мне из Чебоксар ехала моя новообретённая сестра Лена. Я добралась на день раньше, 16 августа, до назначенной встречи с Леной в селе Бортсурманы был ещё день поэтому я сначала отправилась в посёлок Курмыш в надежде разыскать храм моего прапрадеда Алексея, как я успела выяснить – в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

До революции Курмыш был процветающим уездным городом с многовековой историей, с десяти тысячным населением, с двумя монастырями и пятью храмами. Когда попадаешь в него сегодня, то испытываешь противоречивые чувства: сердце бьётся при виде голубых куполов белоснежной Покровской церкви с колокольней, которую видно отовсюду – радость, что она всё-таки уцелела и действует! Прапрадедушкин Богородице-Рождественский храм – рядом, стоит, слава Богу! Увы, колокольня разрушена, купола снесены, но главное здание сохранилось – с алтарными апсидами, с окнами, с дубовыми дверьми. Он изувечен, но всё-таки жив: на фоне мерзости запустения и уже узнаваемой печальной картины разрухи советских времён это было счастьем, ведь Курмыш не избежал страшной участи большинства русских городов. От монастырей не осталось и камня на камне, пять храмов сровняли с землёй, Тихвинская кладбищенская церковь превратилась в руины, на которых растут деревья, на месте древнего городского кладбища – сельпо и огороды...

Я вышла из машины и долго смотрела на то, что осталось от церкви прапрадеда. Ходила кругами, прикасалась к кирпичным стенам, и радость сменялась болью – прямо в алтарной апсиде вырублена дверь, над которой табличка: «Курмышский дом культуры». Вскоре начала собираться молодежь, и

Курмыш. Храм, где служил прапрадед

Ольга Алексеевна Вигилянская

из храма слышалась залихватская музыка дискотеки – какой-то жестокий циничный анахронизм, перевёртыш, насмешка, издёвка. Я всматривалась в постройку рядом и чувствовала, как изнутри подымается что-то шемящее: где-то здесь был их дом, моя прапрабабушка Анна, кругленькая, с норювистым характером, активная, весёлая – я знаю её по фотографии – хлопотала тут по хозяйству, звонили колокола к заутрени, прапрадедушка спешил на службу, он ходил по этой самой земле, а за ним – и красавица Ольга Алексеевна, а следом и все мы, родом отсюда, несмотря на всё, что нас разделяет во времени и в пространстве – несмотря на 600 километров дороги, на безумный XX век и на этот нынешний ад дискотеки...

А потом я поехала дальше и глубже, ещё на одно поколение вниз – в село с дремучим и сказочным именем Бортсурманы: именно там родился прапрадед из бедной курмышской церкви, ведь в Бортсурманах служил его отец, иерей Павел – мой дедушка в шестом поколении, и Успенский храм, я знала, возродился и действует.

О селе Бортсурманы нельзя рассказывать мимоходом: это место, в котором скрестилось для меня всё, что связано с представлением о Руси, о глубинке, о прошлом, о Родине, об истоках – о чём-то бесконечно родном, корневом, кровном, нутряном, отеческом, нашем. Надо было проехать каких-то 25 километров, чтобы окончательно отменилось время. Я попала в картинку из хрестоматии, из книжки с названием «Русь изначальная», в Землю обетованную, откуда мы все исходим. Представьте себе: зелёные просторы, деревенские домики, околицы, козы, петухи, и дорога, и холм вдалеке, и белоснежный храм на холме – абсолютно, невозможно прекрасный. Я словно возвращалась домой после долгой разлуки – это чувство узнавания, его нельзя ни с чем перепутать. Я была абсолютно очарована и взволнована, но даже не могла предположить, какое новое потрясение ждёт меня здесь.

Я подъезжала к храму под звон колоколов, вокруг было множество машин и люди – толпа людей, радостных и нарядных, собравшихся здесь явно по какому-то особому случаю, ведь это был обычный будничнейший день, вторник. Заканчивалась полиелейная всенощная, и я в нетерпении бросилась расспрашивать бабушку за свечным ящиком, что же это за

Рака с мощами святого Алексия Бортсурманского

торжество, на которое я попала. Оказалось – канун престольного праздника, Обретения мощей святого праведного Алексия Бортсурманского, священника этой церкви – подвижника, прозорливца, целителя, чудотворца, и мощи его покоятся прямо здесь, в храме. Я заметила раку, украшенную цветами, и припала к мощам неведомого старца – я и имени его никогда не слышала. Я не переставала удивляться: приехать сюда впервые – и попасть в самый день

Как рассказать, что я чувствовала, лёжа с фонариком в тёмной палатке, в ночном лесу, на окраине глухого села? Что может чувствовать человек, который ищет одно, а обретает – всё? Просит малое, а получает сторицею? Как описать, что испытываешь, когда вдруг понимаешь, что вся твоя жизнь – под увеличительным стеклом, на ладошке?

его праздника, какая-то великая милость! Я купила в лавке книжечку с его житием, отъехала в лесочек неподалёку, чтобы устроиться здесь на ночлег в палатке: в окружении происходящих чудес мне уже ничего не было страшно. Перед сном я достала житие, и оно само распахнулось ровно посередине, там, где проходит скрепочка – такая, как в школьных тетрадках. И мой взгляд сам собой упал на строки, от которых забило сердце: «За девять лет до своей кончины отец Алексий вышел заштат и передал своё место Павлу Вигилянскому, женатому на его внучке от старшей дочери Надежды». Так, за один день я обрела родословие вплоть до восьмого колена: иерей Алексий Гнеушев, незнакомый дивный святой, память которого чествовали именно сегодня, оказался моим родным дедушкой с пятью «пра».

Как рассказать, что я чувствовала, лёжа с фонариком в тёмной палатке, в ночном лесу, на окраине глухого села? Что может чувствовать человек, который ищет одно, а обретает – всё? Просит малое, а получает сторицею? Как описать, что испытываешь, когда вдруг понимаешь, что вся твоя жизнь – под увеличительным стеклом, на ладошке? Что не я иду, а меня ведут, что не я искала, а меня нашли? Пере-

Бортсурманы. Успенский храм. 17 августа 2016 г.

до мной мгновенно вновь развернулась вся цепочка «случайностей» на этом пути, все его промежуточные остановки и полустанки, когда ещё не было видно конечного пункта, а слышался только необъяснимый далёкий зов, которому нельзя было не поддаться. Мне опять – уже в новом свете – открылась тайная причина тех странных предчувствий и непонятных порывов, которые мной управляли. Я наконец поняла, ради чего со мной всё это происходит – не только ради воскрешения родословия, но ещё и для того, чтобы этой тёмной прекрасной ночью в глуши, на краю света, я узрела невидимое в Силе и Славе Божьей – через красоту Его Промысла, действующего так таинственно и чудесно прямо здесь, на этой земле, в нашей маленькой жизни. Святой дедушка взял меня за руку – ещё там, в далёкой Москве – и привёл к себе через Вязники, через случайные находки и встречи, чтобы я сейчас не могла сомкнуть глаз, чтобы я лежала в спальнике и повторяла: «Дивен Бог во святых Его!», «Святой праведный отче Алексие, моли Бога о нас!», «Слава Богу!». Это было похоже на второе рождение. Я читала о чудесах святого, описанных в его житии, и понимала, что одно из них, не вошедшее в книжку, творится прямо сейчас и творится – со мной.

Следующий день – 17 августа 2016 года – я никогда не забуду. Весь холм вокруг храма был запружен народом, который не умещался внутри: литургию служили прямо на улице, в лучах восходящего солнца. В Бортсурманы на вертолёт прилетел владыка Георгий, митрополит Нижегородский и Арзамасский, ему сослужили четыре архиерея и священники, съехавшиеся со всей епархии. Мне казалось, что я попала на пир в Горнем мире, что раздвинулись все границы, и уже нет ни времени, ни пространства. Я вернулась к самой себе, к тому состоянию, в котором, наверное, только и должен существовать человек – к оглушительному переживанию веры: с такой силой и глубиной оно – в моём нерадении – могло открыться только при встрече с подлинным чудом, дарованным по милости и любви Божией, незаслуженно, совершенно задаром.

Сестра Лена узнала меня в толпе по выражению потрясения на моём лице – наверное, его нельзя было не заметить. Мы обнимались, и хотелось

Через год, в 2017 году, на праздник в Бортсурманы приехали родители Александрины - поэт Олеся Николаева и протоиерей Владимир Вигилянский. Слева направо: Олеся Николаева, Александрина Вигилянская, владыка Георгий, митрополит Нижегородский и Арзамасский, владыка Зиновий, митрополит Мордовский и Саранский, протоиерей Владимир Вигилянский, Лиза (дочка Александрины).

плакать – настолько пронзительными и острыми были наши эмоции. Эта встреча не укрылась и от журналистов нижегородского телевидения – я рассказывала свою историю перед камерой, чтобы свидетельствовать о чуде и славить Бога. После службы я пробилась к митрополиту Георгию, который с давних пор знает моих родителей и дружит с ними – разумеется, я не могла не поделиться с ним моим оглушительным известием. Он благословил меня, положил руку на мою голову и сказал: «Ну и где же папа и мама? Жду их на службе здесь, в Бортсурманах, в следующем августе, через год: теперь, после такого явления чуда, без них этот праздник будет неполным. Добро пожаловать в гости».

Но папа и мама до сих пор ничего не знали и волновались в далёкой Москве, недоумевая, куда я опять исчезла. В Бортсурманах почти не действовал мой МТС, и разговор прерывался на полуслове. Я кричала в мобильник о чудесах, но они ничего не могли слышать. Они узнали о них уже из «Фейсбука», где я сбивчиво обо всём написала, набирая текст в телефоне, на полдороге обратно. Из Бортсурман я, конечно, поехала прямо к ним, и первым делом мы устроили домашний благодарственный молебен перед иконой святого праведного Алексия, которую я привезла от его мощей, с чтением акафиста и канона в его честь. А потом мы не могли наговориться, удивляясь Промыслу Божьему и Его неисповедимым путям...

Кончился август, началась обычная московская рабочая жизнь, но я чувствовала, что она уже никогда не будет такой, как прежде. Недавние чудеса, упавшие с неба, перевернули мой мир, преобразили его нездешним светом, и к этому свету невозможно было привыкнуть. Чувство бесконечной благодарности Богу подчёркивало и усугубляло ощущение собственной малости, своего недостойнства и абсолютной незаслуженности чуда, которое со мной стряслось – именно стряслось, как вулкан, как землетрясение, как разверзшиеся небеса. Я понимала, что никогда не смогу придумать никакого равновеликого ответа на то благословение Божье, которого я сподобилась в своей жизни. Я чувствовала, что теперь должна как-нибудь послужить, принести какую-то пользу – и стала молиться, чтобы Господь показал мне, чем именно я могу пригодиться, чтобы Он подсказал, что же мне теперь делать. Я обрела нового молитвенника – своего чудесного дедушку с пятью «пра», который, как выяснилось, всегда находился рядом, но теперь я знала его в лицо и стала с ним постоянно общаться. В октябре по внезапному наитию я написала его портрет – чтобы с ним побыть, чтобы оказаться к нему поближе. Я наслела свою картину чудесами из его жития – изобразила святых, которые ему являлись, нарисовала Успенский храм, по которому я уже скучала, и самого праведного Алексия на первом плане: я с трепетом водила кисточкой, а он постепенно оживал, и мне казалось, что он мне отвечает. На рамке я написала самые пронзительные слова из его акафиста – мне хотелось принести ему хвалу, хоть что-то для него сделать: «Радуйся, ведевый дальняя яко ближняя, радуйся, предзревый будущая яко настоящая...» – ведь этот его провидческий дар коснулся меня самой. Я совсем никакой не художник, и моё внезапное вдохновение не имело отношения к искусству в том понимании, какое обычно вкладывают люди

Александрина Вигилянская. Портрет св. Алексия Бортсурманского

творчества в свои художественные задачи – это было порывом любви, поводом пообщаться с дивным дедушкой, который стал для меня родным.

Стоило закончить картину, как мне пришло неожиданное предложение из пресс-службы патриархии – стать автором роскошной книги о Святейшем Патриархе Кирилле, которая готовилась к его юбилею ему в подарок и уже была составлена в виде фотографий: оставалось написать текст, причём – в считанные сроки. Это была неслыханная честь: я никогда не входила в список авторов Московской патриархии, и вопрос, почему издатели обратились именно ко мне, до сих пор для меня остаётся загадкой. Книгу надо было написать за несколько дней – совершенно неосуществимые задачи при моей ежедневной занятости на работе, не говоря уже о сомнениях, хватит ли мне мастерства для такого ответственного, большого и трудного дела. Но отказываться я не имела права: теперь, когда Промысел Божий так откровенно и громко явил свою силу, я больше всего стала бояться ему помешать – своим своеволием и поиском отговорок.

Неожиданно я заболела воспалением лёгких – казалось бы, страшная напасть, на которую впору сетовать и огорчаться. Но именно больничный освободил для меня драгоценные дни и подарил время, чтобы погрузиться в подробности жизни и служения Патриарха, в его проповеди и богословские труды, о которых мои знания, честно говоря, были до этого момента совершенно поверхностными. Я до сих пор не знаю, как это случилось, но через неделю книга была готова. Не раз я уже убеждалась

в чудесном свойстве времени – в умении растягиваться, раздвигаться, останавливаться, расти вверх и вглубь, отменяя линейность: так бывает только в моменты присутствия Божьего, Его участия и помощи. У меня нет никаких сомнений в том, что святой Алексий Бортсурманский неотступно мне помогал – я, конечно, ему всё время молилась. Эта явная помощь свыше умножала во мне стремление как-нибудь послужить, чем-то на это ответить.

Едва дождавшись следующих каникул в моём лице, я стала собираться в новое далёкое путешествие – в город Ульяновск в надежде, что в симбирском архиве найду сведения о священниках Вигилянских, в судьбах которых ещё оставалось много вопросов. Я уже смела уповать на то, что на этом пути я вновь окажусь под крылом Божьим, под заступничеством, под руководством и верила, что путешествие не будет бесплодным. Перед отъездом я стала изучать маршруты и обнаружила, что один из путей лежит через Мордовию, где живёт мой чудесный друг и молитвенник владыка Зиновий, митрополит Мордовский и Саранский. Нас с ним связывает удивительная история, которой я не могу здесь не поделиться как очередным свидетельством Промысла Божьего.

Когда мне было шесть лет, мы с родителями ездили в паломничество к могиле старца Серафима Тяпочкина в село Ракитное под Белгородом и жили при храме Святителя Николая. В те брежневские времена село Ракитное было одним из островков православной жизни, куда стекалось множество народа. Среди паломников там жил и молодой иеромонах, отец Зиновий, с которым мы очень подружились – настолько, что перед расставанием договорились друг о друге молиться. Он научил меня писать записочки «О здравии», и в списке имён самым первым у меня всегда стояло имя иеромонаха Зиновия. Года через два, узнав от мамы, что отец Зиновий оказался проездом в Троице-Сергиевой лавре, куда она как раз отправлялась, я написала ему письмо. Но ответа я не дождалась – как выяснилось впоследствии, отец Зиновий не знал нашего

Едва дождавшись следующих каникул в моём лице, я стала собираться в новое далёкое путешествие – в город Ульяновск в надежде, что в симбирском архиве найду сведения о священниках Вигилянских, в судьбах которых ещё оставалось много вопросов.

московского адреса, и мы совсем потерялись. Постепенно я стала всё реже вспоминать о моём детском обете, а потом и вовсе о нём забыла...

Прошло больше тридцати лет, и однажды папа позвонил мне с известием о моём забытом друге. Оказалось, что через несколько дней на патриаршей литургии в храме Христа Спасителя была назначена его хиротония в епископы: отец Зиновий, увидевшись с папой на каком-то церковном мероприятии, передавал мне своё благословение и приглашение на торжество. Конечно, я тут же вспомни-

ла о нашей далёкой дружбе и не могла не приехать. В конце торжественной службы я пробилась поближе к амвону, где он стоял, и закричала сквозь толпу: «Дорогой владыка, это я, Александра!». Как же он обрадовался! Он буквально за руку вытащил меня из толпы, благословил и пригласил на праздничную трапезу, которая происходила здесь же – в одном из залов храма Христа Спасителя. Я оказалась среди почётных гостей – священников и архиереев, приносивших владыке свои поздравления. В конце трапезы, когда закончились все торжественные речи, мы сели с ним рядышком, в уголке, и не могли наговориться. «А помнишь, – сказал владыка, – про наш уговор? Я – помню! Я молился за тебя все эти

В симбирском архиве время опять потекло по-другому – я назвала это движение «вперёд, в прошлое»: чем дальше я погружалась в былое, тем ближе я продвигалась к самой себе, к чему-то главному в своей жизни. Меня ждала новая радость: клировые ведомости церковей Курмышского уезда за все годы XIX века уцелели!

годы, каждый день, как мы и договорились!». Не рассказать, как сжалось у меня сердце и как сделалось нестерпимо стыдно: в отличие от него я не исполнила своего обета – жила своей суетной жизнью, почти и не вспоминая о прекрасном лете из детства. Я просила прощения у владыки и о том, чтобы мы больше не расставались – чтобы теперь мы могли с ним общаться.

Так и случилось: нам, конечно, не удавалось с ним видаться – он служил тогда в далёкой Калмыкии, но мы иногда переписывались, и я уже знала, что он неотступно со мной, чувствовала его молитвы и помощь. Через несколько лет владыка Зиновий был хиротонисан в митрополиты и возглавил Мордовскую епархию. В трудную минуту я искала с ним встречи – и он отозвался. Мы виделись в московском Зачатьевском монастыре, где он останавливался во время Рождественских чтений 2015 года и куда я бросилась в состоянии глубочайшей тьмы и уныния, накрывших меня внезапно и страшно, впервые в жизни. Тот разговор с ним я никогда не забуду. Владыка сказал мне такие слова: «Скорби нам посланы для того, чтобы душа не остывала. Они нужны нам для переплавки. Иногда в темноте виднее светильник: нам дана эта тьма, чтобы мы стремились к источнику света». Владыка предрёк мне великую милость Божью, которую – теперь я знаю – мне суждено было испытать, и я понимаю, что только его молитвами мне удалось увидеть её в лицо, разглядеть, распознать и жить дальше уже с ощущением постоянного Божьего присутствия рядом. Чудесам в моей жизни я, конечно, обязана молитвенной помощи митрополита Зиновия, его мудрым напутствиям и участию. Поэтому, отправляясь в Симбирск и увидев, что путь мой лежит через Мордовию, я не могла не просить владыку о встрече.

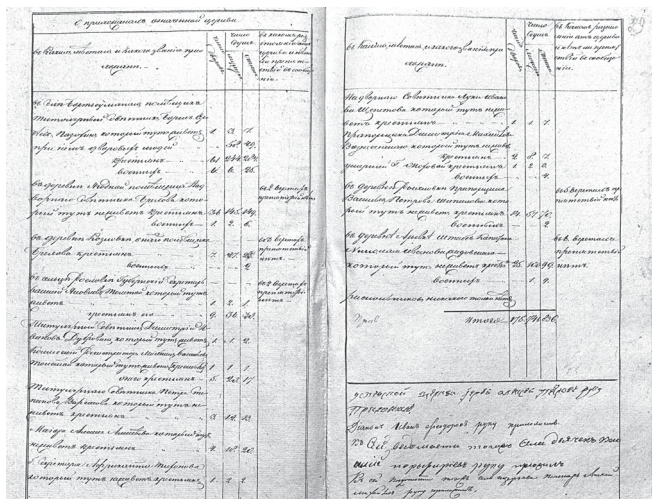
Владыка Зиновий приютил меня в своей рези-

денции – в Иоанно-Богословском монастыре под Саранском. Меня буквально носили на руках: матушки-монахини потчевали сказочными яствами, прекрасный монах устроил мне целую экскурсию по монастырю, сам владыка возил меня на своей машине на службы в фантастический собор-исполни святого Феодора Ушакова и по храмам Саранска, нам звонили колокола и открывали двери церковей, мы провели с владыкой целый прекрасный вечер с глазу на глаз за разговорами обо всём на свете... Мне казалось, что я попала в какой-то царский мир и что всё это не со мной – настолько невероятно, роскошно и совсем не по чину меня принимали. Разумеется, я рассказала владыке о моём чуде и подари-

ла икону святого праведного Алексия. Владыка Зиновий поставил её на престол во время Божественной литургии, а потом и сам выразил желание посетить Бортсурманы – приехать туда в следующем августе на тот дивный праздник, на котором я побывала два месяца назад. Он включил эту поездку в своё расписание – уже тогда, в октябре, в Саранске: для меня, конечно, это было подарком. В Симбирск я уезжала совершенно обласканная невиданными почестями и любовью и уже почувствовала что-то прекрасное: мой путь теперь был освящён благословением «моего личного митрополита» – он так и сказал: «я теперь твой личный владыка!» – и его сугубой молитвой.

В симбирском архиве время опять потекло по-другому – я назвала это движение «вперёд, в прошлое»: чем дальше я погружалась в былое, тем ближе я продвигалась к самой себе, к чему-то главному в своей жизни. Меня ждала новая радость: клировые ведомости церковей Курмышского уезда за все годы XIX века уцелели! Многие считали, что эти документы сгорели во время пожара; кроме того, из-за реформы реформирования губерний в области и уездов в районы произошла путаница, и было совсем непонятно, в каком архиве искать драгоценные сведения. Но они были здесь, и я их читала!

Клировые ведомости – это рукописные кни-

Клировые ведомости. Бортсурманы. 1838 г.

Подпись Алексия Гнеушева (Гневушева).

В документах встречается разное написание фамилии.

ги, в которые вносились сведения о храмах и об их клириках: от их биографии до информации о членах их семей, с перечислением имён и возраста. Иными словами, листая их, мгновенно выясняешь всё – годы жизни священника, его место рождения и учёбы, указания о других храмах, где он служил, его награды, имущество, полный состав семьи, даты рождения домочадцев и даже количество «наставлений» – проповедей, которые он произносил! Это был кладёз информации: я почти полностью по датам восстановила наше семейное родословие, узнала имена жён и детей священников-предков, проследила побочные ветви, даже видела собственноручные подписи моих дедов – их почерк, свидетельство живого дыхания прошлого. Беглое, наклонное, быстрое – от прапрапрадеда: «Священникъ Павелъ Ивановъ Вигилянскій руку приложилъ». Медленное, написанное дрожащей рукой – весточка из 1838 года от святого праведного Алексия: «Иерей Алексей Петровъ Гнеушевъ, священникъ Успенской церкви...» – голос издадека, встреча! И отпечаток по меркам истории совсем недавней эпохи – подпись прапрадеда из семейного альбома, с которого и начались мои поиски: ещё несколько месяцев назад я недоумевала, кто он, а теперь вглядывалась в неразборчивые буквы, написанные его рукой, и дивилась ощущению распахнувшейся двери...

Наконец объяснилась и загадочная связь нашей семейной ветви с «владимирскими» Вигилянскими: прапрапрадед Павел учился во Владимирской семинарии и был уроженцем этих земель, но после учёбы его направили в далёкую Симбирскую губернию, в Бортсурманы, где он и женился на внучке святого и стал его преемником в Успенском храме. Так Вигилянские обосновались в Курмышском уезде почти на целое столетие.

Но главное – мне пришёл ответ на вопрос: что мне делать, чем именно я могу отозваться на все эти благодеяния свыше. Я узнала место захоронения Павла Вигилянского, которое было потеряно. В советское время церковное кладбище полностью уничтожили; благодаря народному почитанию уцелела только одна могила – «батюшки Алексея»: получилось так, что, оберегая память праведного чудотворца и ухаживая за его могилой, жители села спасли от разорения и сохранили для нас его святые мощи, которые впоследствии, после его прославления, суждено было обрести православной церкви. Но остальные захоронения, увы, сровняли с землёй, и воскресить их память до сих пор не представлялось возможным. Теперь же из архивных документов я знала, что отец Павел завещал себя похоронить за алтарём Успенского храма, слева от могилы святого Алексия – эта история сохранилась благодаря пророческому знамению, которое было явлено накануне установления надгробья Павлу Вигилянскому. Некий печник Герасим Чудаков услышал голос, который велел ему воздвигнуть памятник не вплотную, а на некотором расстоянии от могилы отца Алексея, потому что святому суждено в будущем «выходить мощами», и надгробье его преемника впоследствии могло повредиться. Благодаря этому чудесному указанию я теперь знала точное место захоронения прапрапрадеда и догадалась, что восстанавливать его могилу доверено – через

это свидетельство – именно мне. Тогда же я поняла, что обязана взять в свои руки ещё одно сложное и большое дело – попытаться отвоевать у сельского клуба храм прапрадедушки в Курмыше, вернуть его церкви, а потом уже думать и о его восстановлении.

Возвращаться обратно я решила через Бортсурманы: обретя эти дары, я, конечно же, не могла не воспользоваться возможностью снова припасть с благодарностью к мощам святого и просить его помощи в новых делах. На ночлег меня приютит в своём доме гостеприимный отец Андрей, настоятель храма, а наутро мы вместе отправились на службу: я опять попала на праздник – это был день Казанской иконы Божией Матери. После Литургии отец Андрей открыл для меня раку с мощами святого, и со мной произошло нечто такое, о чём я решила рассказать только маме и папе – настолько интимным, глубинным, нездешним и удивительным было моё переживание. Я стояла у мощей и не знала, какими словами молиться: я чётко поймала это ощущение – бессилие слов, их неточность и скудность для выражения целого клубка моих мыслей и чувств, от благодарности до мольбы, чтобы святой всегда пребывал со мной рядом. И в состоянии этой словесной немощи и немоты, не в силах облечь её в форму, я намеренно спустилась в глубину себя – туда, где слова ещё не родились, где ничего не названо – чтобы говорить со святым Алексием прямо оттуда, передать моё чувство, как оно есть, в этом первоначальном, новорождённом, неоформленном, неискажённом виде. Не понимаю, как это передать, но он мне ответил – я это знала, потому что с моим телом что-то случилось. У меня полились слёзы, именно полились – таким бесконечным и щедрым потоком, что от него насквозь промокли на груди моя куртка, шарф и всё, что было под ними. Я сейчас скажу странную вещь: Я НЕ ПЛАКАЛА! Это было совсем не похоже на обычный плач, на то, что бывает с нами от переизбытка чувств, от остроты переживаний, от сердечной растроганности. Слёзы лились сами собой – как реакция на что-то нездешнее, непостижимое и небывалое: видимо, тело просто не знает других способов отзываться, не понимает как себя вести, как иначе ему себя проявить в этой встрече с явлением бестелесного, нематериального, внеземного – это была реакция на очевидность молитвенного отклика, на то, что, наверное, и называется благодатью...

Я ехала домой с новым свидетельством чуда, и меня вновь накрыло уже знакомое двоякое чувство: благодарность, смешанная со страхом – с острым осознанием моей ответственности и долга, который призывает ко встречным шагам с моей стороны, к безоглядному служению Богу. Я боялась, что это мне не под силу. На пути были Вязники: это географическое название стало для меня символическим, говорящим, увязывающим всё со всем – той нулевой точкой, откуда началась моя новая жизнь. Я конечно, не могла проехать мимо Льва Валериановича Вигилянского, посланного мне Самим Господом: теперь я уже знала ответы на все те вопросы, которые мы оба задавали себе в июне, сидя на кухне. Мы опять сидели за этим столом, но теперь уже вместе дивились чудесным находкам.

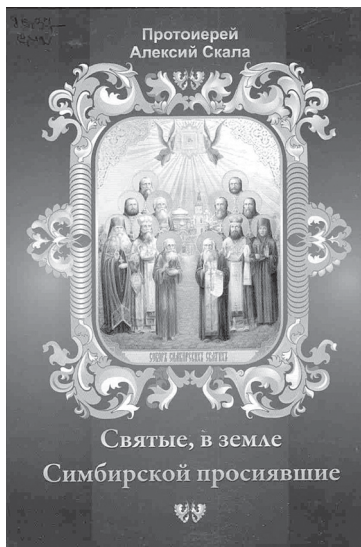
А потом наступила зима, и долгие месяцы я

жила ожиданием новой встречи: я скучала по Бортсурманам и мысленно к ним возвращалась. В конце апреля, как только растаял снег, я наконец повезла туда мою младшую дочку Лизу – мне посчастливилось найти пустующий домик прямо напротив храма: мы просыпались утром, смотрели в окно и не верили нашему счастью. Эти две недели, которые пришлось на самое нежное время – на пробуждение весны, опять связались в моём сознании с ощущением нового начала и возрождения жизни.

На этот раз в Бортсурманах у меня было много конкретных ответственных дел: ещё из Москвы я договорилась о встрече с владыкой Силуаном, епископом Лысковской епархии – я поняла, что настало время с ним поделиться моей историей, которая так чудесно и тесно переплелась с местами его служения. К тому же мои новые задачи требовали его благословения и участия. Наш приезд опять совпал с великим праздником – с днём Памяти святого праведного Алексия, 4 мая. Я знала, что епископ Силуан будет служить в Бортсурманах праздничную Литургию и надеялась поймать его после службы. Но в самый день праздника выяснилось, что владыка уже выделил в своём расписании целый час для разговора со мной в доме у отца Андрея ещё до начала богослужения. Это была великая милость. Я рассказала ему все подробности обретения предков, показала семейный альбом – тот самый, который недавно вызывал столько вопросов, но о котором мне теперь было известно всё, поделилась своими печальями об участии курмышского храма, осквернённого клубными дискотеками, рассказала о найденной могиле священника Павла и о нашем желании её воскресить. Внимание и отзывчивость владыки превзошли все мои ожидания. Он поддерживал меня во всех моих начинаниях, дал своё благословение на любые шаги в деле возвращения памяти – на восстановление могилы прапрапрадеда, на диалог с пильнинской администрацией по поводу передачи курмышского храма церкви и даже обещал этому диалогу содействовать. А во время проповеди после Божественной литургии он повторил мою историю с амвона церкви – уже всем её прихожанам и гостям и даже представил меня как наследницу святого Алексия и свидетельницу его новых чудес. Я опять чувствовала незаслуженность этих почестей и вновь понимала, что мне даётся неизмеримо больше того, чего я дерзала просить. В этот же день владыка познакомил меня с главой пильнинского самоуправления – с человеком, напрямую связанным с решением вопроса о многострадальной церкви в Курмыше, и он пообещал мне, что в считанные сроки, уже в этом году, храм вернёт своё истинное предназначение.

Приехав в Москву, я снова почувствовала, что должна погрузиться в поиски: я уже знала, что с каждым новым витком этой истории я обязана сделать очередной шаг со своей стороны – как ответ на полученные благодеяния. Это было похоже на движение по спирали, где с каждым кругом, с открытием новых высот от меня требовалось очередное усилие, которое впоследствии опять отзывалось чем-то неслыханным. У меня оставался только один вопрос – самый трепетный, интригующий и таинственный из всех, перед которыми я оказыва-

лась до сих пор. Из жития святого было известно о его дневнике, который он вёл при жизни и завещал своим потомкам: он сначала хранился под престолом бортсурманского храма, а потом передавался из рода в род, от одних священников Вигилианских к другим. Последней читательницей дневника, по всей видимости, была жительница Бортсурман, помещица Мария Пазухина – она дружила с правнучкой святого Алексия, Марией Люцерновой, в доме которой и хранились эти записи в начале XX века. В 1913 году Мария Пазухина стала автором самого полного и подробного жизнеописания старца и издала брошюру «Иерей Алексей Гневушев – подвижник веры и благочестия»: её содержание легло в основу нынешнего жития святого. Там-то и приводилось несколько цитат из его дневника, благодаря которым мы знаем о чудесных откровениях – о явлениях Господа и святых Его, которых старец сподобился в своей жизни. Дневник считался потерянным или сгоревшим, потому что с тех самых пор он бесследно исчез из поля зрения. Но меня грела надежда, что он, может быть, всё-таки жив: дневник, заповеданный и предназначенный нам, потомкам, возможно, лежит в каком-то в архиве и ждёт своего возвращения – так же, как это происходило недавно со сведениями о моих предках-священниках, которым суждено было вернуться в нашу жизнь через век пустоты и забвения. Я искала следы дневника в Московской государственной библиотеке, но, не найдя ничего из моего списка, заказала книгу протоиерея Алексия Скалы – сборник жизнеописаний святых

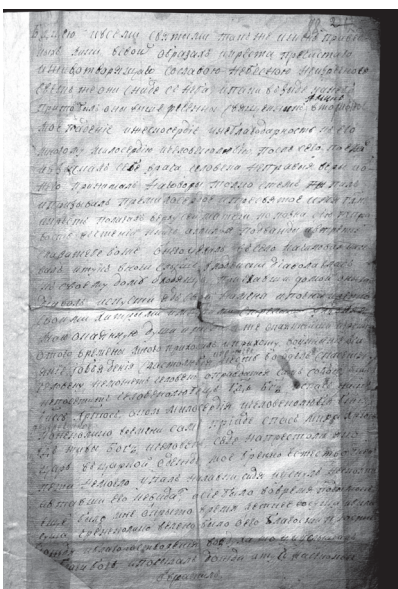

Симбирской земли. В этой книге есть и глава о святом Алексии Бортсурманском. Странное в моём порыве было то, что этот текст я давным-давно скачала к себе на компьютер и его, конечно, не раз читала. Что именно толкнуло меня заказать давно знакомую книгу – я не знаю: по логике вещей, перечитывать её заново не имело смысла, потому что не могло добавить к моим знаниям никаких новых фактов. Но я это сделала – наверное, просто чтобы взять в руки живую бумажную книгу. Я сидела в читальном зале и неторопливо скользила глазами по знакомому тексту. Но ближе к концу я оторопела: в книге была фотография страницы из дневника святого. Меня осенило очевидное: фотография могла возникнуть только в наши дни – отец Алексей Скала, возможно, держал дневник в своих руках, а значит, он всё-таки сохранился! К сожалению, автора уже не было в живых, и выяснить, где именно он нашёл драгоценные записи, не представлялось возможным. Зато я узнала, что жил он в Ульяновске, и ответ напрашивался сам собой: дневник, скорее всего, спокойно хранится в

Ульяновске, скорее всего, спокойно хранится в

том самом архиве, который уже мне так помогал.

С трудом отпросившись с работы и выпросив четыре свободных дня, я опять помчалась в Ульяновск: выяснилось, что архив вот-вот собирались закрыть из-за переезда, и я снова чувствовала, что происходят события, которые нельзя отложить. Тем более владыка Зиновий, которому я в сомнениях написала, не зная как поступить, поддержал моё стремление и благословил на поездку такими словами: «Дневник святого – это послание из Горнего мира, которое нельзя потерять. А с работой ничего не случится». Я поселилась в той же гостинце, что и осенью – она находится в двух минутах ходьбы от читального зала, и надо было всего лишь спуститься из моего временного пристанища с символическим номером 2017, перейти через дорогу, чтобы вновь шагнуть в глубину веков, где меня опять ждала судьбоносная встреча.

Страница из дневника святого
Алексия

Разумеется, об этом расследовании было известно: канонизации святого тогда помешали только лишь исторические катаклизмы – Первая мировая война, революция, а за ней – страшные десятилетия безбожной власти. Материалы той кропотливой работы канули в Лету: в 2000 году, когда снова собирали сведения об Алексии Гнеушеве для возобновления дела о его канонизации, то тех драгоценных документов так и не нашли. А сейчас я держала в руках эту папку, спрятанную от всех на целый огромный век! Среди документов к делу был приобщён и дневник праведного Алексия – не просто свидетельство его жития и чудес, но и святыня всей православной церкви. Масштабы происходящего уже никак не получалось уместить в сознании: меньше года назад я

Фонд № 134, опись №8, дело 999 – эти цифры в каталоге архива стали для меня координатами для самого громкого и предельного откровения на всём пути моих поисков: мне вручили бесценную папку с материалами расследования, которое проводила Симбирская духовная консистория в 1913 году – «О причислении к лику Святых иерея церкви села Бортсурманы Курмышского уезда А. П. Гнеушева».

Владыка Силуан освящает восстановленную могилу
о. Павла Вигилянского. Весна 2018 г.

почти нечаянно, ненароком отозвалась на смутный призыв, необъяснимо явившийся мне ни с того ни с сего, внезапно и странно – чтобы теперь обрести дневник святого праведного Алексия, которого так давно ждёт наша церковь. Я прикладывалась к сокровенным страницам и опять не могла найти слов, чтобы принести мою благодарность. Я воочию убедилась в чудесной природе событий, посланных свыше – в их способности вырастать из самих себя, преобразаться, обогащаться новыми смыслами на каждом витке дороги.

Я переписала дневник от начала до конца, слово в слово. Я почти полностью законспектировала все материалы дела: истории и доказательства чудес, творившихся по молитвам святого, новые свидетельства его пророчеств и исцелений, которые никому до сих пор неизвестны, показания очевидцев, письма самого старца, его потомков и тех, кто имел отношение к его памяти, воспоминания его духовной дочери – игумении Арзамасского монастыря, матушки Марии Ахматовой... Все эти материалы теперь вошли в новое житие святого, работу над которым я только что закончила: обогащённое новыми сведениями, житие выросло почти в два раза.

За алтарём бортсурманского храма уже восстановлены две разорённые в советское время могилы – моего дедушки в шестом поколении иерея Павла Вигилянского и брата святого Алексия дьякона Александра Гнеушева. Храм прапрадеда уже передали церкви. Впереди – долгие, трудные хлопоты по его восстановлению. Но это уже – удел будущего, удел Промысла и неисповедимых путей, в которые я пока только всматриваюсь с замиранием сердца.

Я не знаю будущего, зато могу оглянуться назад. Оглядываюсь и вижу: из кусочков сложилось целое, видимое невидимое покрывало меня Любовью.

Уникальные архивные документы

В Государственном архиве Ульяновской области обнаружены материалы к прославлению (канонизации) Алексея Петровича Гнеушева (Гневушева), священника храма в честь Успения Пресвятой Богородицы села Бортсурманы Курмышского уезда Симбирской губернии (ныне Пильнинский район Нижегородской области).

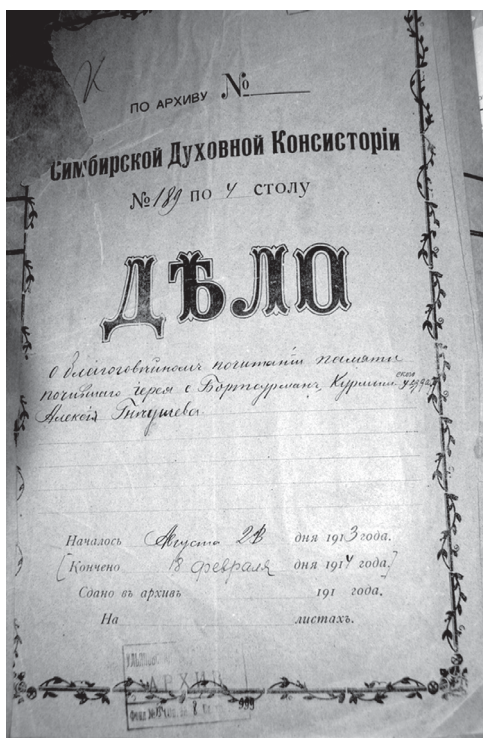
В настоящее время деятельность Государственного архива по использованию документов строится на принципах открытости, доступности и направлена на обеспечение различных категорий пользователей ретроспективной информацией и предоставление свободного доступа к архивным документам. Это особо важно для будущих поколений – достоверные документальные материалы смогут уберечь их от искажений истории. Об этом говорит последняя из уникальных архивных находок.

В 1913 году были собраны рукописные листы дневниковых записей праведного старца (подлинность записей в настоящее время подтверждена), свидетельства его духовных чад, жителей села Бортсурманы, соседних сел и деревень, составлено жизнеописание. Все документы говорили о богоизбранности, величии подвига угодника Божия Алексея Бортсурманского (в миру - Алексей Петрович Гнеушев (Гневушев); 13.05.1762 - 21.04.1848, с. Бортсурманы Курмышского у. Симбирской губ., совр. Нижегородская обл.), св. прав. (пам. 21 апр.). Родился в семье священника, в 1784 г. по окончании Нижегородской ДС рукоположен во диакона к Успенской ц. в с. Бортсурманы, в 1797 г. - во священника к той же церкви. Прославлен Архиерейским собором РПЦ в 2000 г.)

Но завершить процесс прославления помешала начавшаяся Первая мировая война, а после революции 1917 года говорить об этом было совершенно бесполезно. Когда же в конце 1990-х годов к этому вопросу вернулись вновь, то документы не нашли и посчитали утраченными навсегда.

Москвичка Александрина Владимировна Вигилянская вела поиск предков родом из Пильнинского района – село Курмыш и село Бортсурманы. Произошло это в канун 17 августа – дня обретения мощей св. Алексея Бортсурманского, прославленного Русской православной церковью в 2000 году. И здесь происходит чудо: Александрина Владимировна узнает, что она и ее родные являются потомками праведного старца.

Это известие буквально окрылило Александрина, она поняла, что уже не может ограничиться только простой констатацией фактов. Она обращается в Государственный архив Ульяновской области, и там один за другим открылись документы об истории рода Вигилянских, а затем и самое уникальное заветное дело - материалы деятельности комиссии 1913 года: «Документы о причислении к лику святых иерея церкви села Бортсурманы Курмышского уезда А.П. Гневушева».

25 июня после Божественной Литургии в Успенском храме села Бортсурманы древлехранителем Лысковской епархии были переданы владыке Силуану 39 листов с копиями документов, присланных из Государственного архива Ульяновской области. Особо было отмечено, что сделано это было на безвозмездной основе. Это свидетельствует о понимании значимости события и об особом характере плодотворного сотрудничества госархива Ульяновской области и Лысковской епархии.

В конце июня этого года на официальном сайте Лысковской епархии была опубликована благодарность сотрудникам архива за предоставленные копии документов: «Безмерна благодарность Лысковской епархии и всей Русской православной церкви Ульяновским хранителям

истории за содействие в получении бесценного дара!».

Сейчас в Лысковской епархии ведется тщательное исследование копий документов, литературная обработка. В перспективе – издание дневника святого Алексея, в который будут включены и иллюстрации с рукописными копиями из архива. Эти страницы найдут своё место и в музее святого Алексея при храме в Бортсурманах.

В настоящее время ведутся подготовительные работы для внесения «Документов о причислении к лику святых иерея церкви села Бортсурманы Курмышского уезда А.П. Гневушева» в реестр уникальных документов архивного фонда Ульяновской области.

Владыка Силуан, епископ Лысковский и Лукояновский. Нижегородская область

Для справки: целью создания Реестра уникальных документов архивного фонда Ульяновской области является выявление, учет и обеспечение сохранности уникальных документов для передачи их будущим поколениям. Выявление уникальных документов осуществляется по целому комплексу определенных критериев. Уникальный документ должен обладать самостоятельным культурно-историческим значением и единством материального носителя документа, его содержания, авторграфичности (авторства), соотношенным с конкретным историческим временем, обусловившим появление документа.

В настоящее время к уникальным документам регионального значения из фондов ОГБУ «ГАУО» отнесено 29 документов.

«2017 год ознаменовался значительным событием в научной, культурной и общественной жизни нашего региона. 9 сентября 2017 г. состоялось открытие нового, современного здания одного из старейших учреждений Симбирска-Ульяновска – Государственного архива Ульяновской области. Теперь историческое прошлое нашего края, запечатлённое на пергаменте, бумаге, фотографиях и современных электронных носителях, получило прописку в современных архивохранилищах и стало ещё более доступным для изучения, популяризации, использования для социально-правовых и общественных целей. Это событие стало значимым не только для Ульяновской области, но и для архивной службы в целом», - подчеркнула директор учреждения Ольга Ивановна Денисова.

«В фондах Госархива хранятся документальные свидетельства, охватывающие период с XVI по XXI века – без малого половину тысячелетия. В них

Г.В. Романова с документами об иерее Алексии Гневушине

отражена не только история отдельного Поволжского региона, но и всей великой России. И сохранность документального богатства в первую очередь заслуга архивистов. За минувшие десятилетия именно благодаря кропотливому, плодотворному труду архивистов сформировался богатейший архивный фонд. Уверена, что использование современного новейшего оборудования в новом здании архива (ул. 12 Сентября, 7а) будет способствовать качественному формированию архивного фонда области, поднятию престижа профессии», - отметила заместитель директора архива, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Ульяновской области Галина Валентиновна Романова.

РЕКА

ВОСПОМИНАНИЙ

Продолжение. Начало читайте в №11, 12 – 2018 год и №1 – 2019 год

Иван ИНОЗЕМЦЕВ

КАК МЫ ЖИЛИ РАНЬШЕ...

Страницы книги Ивана Иноземцева: «Жаль, что время уходит...»: воспоминания, стихи, публикации / Сост., подгот. текста и коммент. В.В. Ястребова; ред. Н.В. Бороденкова. – Ульяновск: Мастер Студия, 2019.

Фотографическое дело

Фотография – интересное и необходимое дело. Её изобрели во Франции в первой половине XIX в. А у нас в России первая фотография появилась в 1841 году в Петербурге. Фотографией стала широко пользоваться пресса. В 1920-х годах в Ульяновске было несколько фотографий¹. Много было любителей с фотоаппаратами иностранного производства. В 1928 году у школьного товарища я впервые увидел фотоаппарат. Он был очень примитивный, и я решил тогда сделать себе фотоаппарат сам. Сделал маленький ящик, вставил плоско-выпуклую линзу, небольшое отверстие закрыл крышкой. И когда узнал детально о проявлении фотопластинок², стал фотографировать что попало. Снимки получались с искажениями. Потом я случайно купил на барахолке астигматическую линзу от сломанного фотоаппарата. Снимки уже были хорошие. Отец поддержал мои начинания и купил мне фотоаппарат отечественного производства системы «Фотокор».

Потом я накопил много фотоаппаратов разных систем. Были две дорожные фотокамеры. Фотограф М.А. Кубарев удивлялся, что он профессионал, а столько фотоаппаратов не имел. Всего я сделал несколько тысяч фотографий и наклеил десять больших альбомов, но сохранились только пять. Много негативов продал и подарил музеям.

В зеркале времени

Иван Иноземцев

Жаль, что время уходит...

Владислав Ястребов –
составитель книги

А когда был студентом в 1938 году, подрабатывал, занимаясь репродукцией и фотографией в фотолаборатории Военно-медицинской академии в Ленинграде. Мы со студентом Наумовым в громадной фотолаборатории, хорошо оснащённой немецкой фотоаппаратурой, делали очень хорошие репродукции и фотографии. Фотоаппараты были на штативах, и наводка на резкость производилась по шкале. Мы с Наумовым помогли оформить больше двадцати докторских диссертаций и заработали крупную сумму. Сейчас так не работают и допускают небрежность в работе.

Считали, что я был хорошим фотографом, хорошим музыкантом-трубачом, художником-портретистом и оформителем, радиотехником-электронщиком, непревзойдённым часовым мастером и врачом высшей категории. Потом стал писателем и поэтом.

Всё достигалось неутомимым старанием. Ведь так интереснее жить!

Часовое дело

Мой отец до 1917 года был механиком телеграфа. В 1918 году стал начальником телеграфа, а в 1922 году – часовым мастером. Открыл в Мелекесе свою часовую мастерскую. Работы у него было очень много, и с 1924 года он стал приобщать меня к часовому делу. Я чистил механизмы настенных часов и будильников.

В 1931 году я уже мог ремонтировать карманные и наручные часы, вытачивать для часов детали и был настоящим мастером, не хуже отца. До поступления в институт четыре года работал часовым мастером в городе Ульяновске, а потом в Ленинграде. Дома занимался часовым делом всю жизнь и собрал большую коллекцию старинных и современных часов. В коллекции у меня были первые старинные карманные английские часы 1774 года со шпиндельным ходом и цепной передачей. Они имели пружину и заводились ключиком. Больше всего у меня в коллекции было старинных настен-

ных, карманных и наручных часов швейцарского производства начала прошлого века системы Генриха Мозера, Павла Буре, Лонжина, Бореля и Беккера. Они отличались высоким качеством и изготавливались из особой прочной и вязкой полирующей стали. Часы были дорогие, ходили точно и долго.

Железнодорожный мост через Волгу

Он был построен в 1916 году⁴. За три года царское правительство купило его в Америке за три миллиона рублей с доставкой и установкой. Клепали фермы около Сызрани и на баржах их везли в Симбирск. Устанавливали их на быки-опоры при помощи загрузки барж балластом. При кессонных работах погибло много русских рабочих⁵.

В 1958 году⁶ советское правительство сделало к мосту тяжёлый пристрой для гужевого транспорта⁷.

Пироги

В 1927 году наша семья жила в Ульяновске. К нам приехал родственник с женой. Родители приняли их как полагается, накрыли стол. Печь пироги уже не было времени, и мать решила купить пирог в частной пекарне. Был НЭП. Фунт калача стоил 5 копеек, а фунт пирога, в зависимости от начинки, – от 10 до 20 копеек. Пекарям платили мало, по их данным – 10 % от дохода. В городе было тогда пекарен 10.

Затем уже пироги пекли только после войны, когда кончился голод⁸. В 1947 году отменили карточную систему на хлеб, появились булки и пироги. Пироги пекли домовые кухни. Когда умерла моя жена⁹, то я иногда покупал пироги. Пирог с капустой стоил в 1982 году 6 рублей за килограмм, а с мясом – 19 рублей. Сдобы в пирогах было очень мало, а мяса в пироге было трудно найти.

Сердце красавиц

В Ленинграде, когда готовился поступать в институт точной механики¹⁰, я учился на четвёртом вечернем курсе при институте и сидел за одной партой с сыном прокурора¹¹ Дзержинского района Юрой¹². Мы подружились, часто ходили в театры и на концерты.

В то время непревзойдённой оперной певицей была Валерия Владимировна Барсова¹³. Её голос

восхищал. Пели тогда Козловский, Лемешев, Леонид Утёсов с необыкновенным джазом. Начинал он концерт обычно словами: «Выступает не ордена носящий, а ордена просящий Леонид Утёсов» – и с силой ударял ногой в барабан. Потом говорили, что он зарабатывает 500 рублей, да дочь-певица¹⁴ – 300 рублей, да ещё её муж инженер¹⁵ приносит поллучку в сто рублей.

Ходили мы с Юрой и в кино смотреть заграничные фильмы с участием таких замечательных актрис-певиц, как Дина Дурбин, Марика Рёкк и Франческа Гааль.

Однажды были на концерте Сергея Яковлевича Лемешева. Он пел арию «Сердце красавиц» из оперы «Риголетто» Джузеппе Верди. Когда мы, подвыпившие, пришли домой поздно вечером и пошли в первом часу ночи по общему коридору в ванную комнату умываться, Юра не запел, а заорал во весь голос арию «Сердце красавиц склонно к измене и перемене». Тогда из соседней комнаты выскочила молодая учительница Степанова, а за ней полковник с наганом на ремне. Юра разбудил их дочурку. Учительница облаяла его. Она знала, что прокурора уже сняли с должности, а Юра этого ещё не знал, вольничал и обозвал полковника дураком. На Юру подали заявление в суд за нарушение правил общежития. Его судили, и он притих.

Пальто

В 1934 году я жил в Ленинграде и работал на фабрике по реставрации старинных часов. Наступила зима, начались морозы, а у меня не было зимнего пальто, ходил в деми. Решил купить пальто. В магазине пальто стоило 800 рублей, а я зарабатывал 300 рублей. Тогда пошёл на толкучку, Сытный рынок¹⁶, покупать старое пальто. Денег у меня было только 100 рублей. Я увидел старое перелицованное пальто с большим меховым воротником чёрного цвета. Мужчина просил за него 100 рублей. Я предложил ему 50 рублей. Он замёрз, не мог больше стоять на рынке и продал мне пальто за 50 рублей.

Я надел пальто, поднял воротник и пошёл в часовой цех фабрики. Мы иногда работали неполный рабочий день и в воскресенье, чтобы перевыполнить план. Захожу в цех, а мастера с ужасом посмотрели на меня и сказали: «Ваня, что с тобой?» Лицо у меня было чёрное, как у негра. Оказывается, воротник пальто был сшит из меховых лоскутков разного цвета и окрашен в чёрный цвет сажей. Я измазался и стал как негр.

Музей

Наш естественно-исторический музей на Новом Венце имеет самое красивое здание в Ульяновске. Недавно он отметил свой юбилей – 100 лет¹⁷.

Впервые я его посетил в 1927 году. Осматривая тогда экспонаты, я пришёл в восхищение. Было много чучел зверей и птиц, много старинного оружия и часов, коллекция золотых монет. Теперь этого нет. Нет старинной бронзовой пушки на больших колёсах, прикованной на улице цепью к зданию у крыльца¹⁸. Переделали и большое крыльцо из особого камня, скреплённого свинцом. Исчез и фонтан перед музеем с бронзовым мальчиком, державшим

Дом-памятник И.А. Гончарову на Венце. 1915 г.

гуся, из клюва которого била струя воды. Потом я сотрудничал с музеем. Продал музею 180 открыток с изображением старого Симбирска. Знал директора музея Валкина М.Х.¹⁹ С фенологом²⁰ музея Олегом Рождественским²¹ я раньше учился в школе. Часто бывал в подвале у хранителя Долгова Ф.А.²²

Свежее пиво

Одно время в Ленинграде я жил на квартире у буфетчика Орлова. Раньше он был участковым милиционером, но его выгнали за пьянство. Летом я зашёл в ресторан к буфетчику за ключом от квартиры. В это время в буфет как раз привезли бочку свежего пива. Буфетчик попросил меня подойти поближе и закрыть окошечко в разрисованном стекле, а сам взял кран с качком и вышиб в бочке пробку. Накачал два ведра свежего пива, а вместо него в бочку налил два ведра помоев после мытья пивных кружек и объявил о поступлении свежего пива.

Мужики столпились у окошечка буфета, пили «свежее» пиво и хвалили его. А я потащил два ведра пива домой.

Дочь буфетчика работала в этом ресторане официанткой, сливала недопитую водку со столов и отдавала на продажу в буфет. Однажды вечером мужчина заказал в ресторане ужин и стакан водки. Выпил. Ему показалось мало, и он заказал ещё стакан водки. После этого он свалился и упал под стол. В 12 часов ресторан закрывался, и пьяного вытащили во двор ресторана на скамейку. Официантка обшарила у него карманы и взяла деньги. Утром мужик орал, просил вернуть ему деньги, но тщетно. Остался без денег и с большой головой.

Всё лето мы пили с буфетчиком свежее пиво и хвалили его.

Профессор Космодемьянский

В Ленинградский медицинский институт поступала девушка из Эстонии Лариса. При поступлении она, как медалистка, сдавала только один предмет – физику – и провалила. Получив двойку, она рыдала во дворе института. Мимо проходил профессор Космодемьянский²⁷. Увидел рыдающую девушку и подошёл к ней. Она попросила помочь ей и

даже сказала, что согласна выйти за него замуж. Он принял это за глупость: ему было около пятидесяти.

На Западе принято выходить девушкам замуж за мужчин гораздо старше себя, с положением в обществе и материально состоятельных. У профессора умерла жена, оба сына погибли на фронте. Он помог Ларисе поступить в институт, а она вышла за него замуж. После института работала на его кафедре и стала профессором, а их сын – доцентом. Говорила, что она очень счастлива.

Студентка-красотка

В Ленинграде я уже заканчивал военный факультет²⁸ и стал думать о женитьбе. И вдруг встретил студентку-красотку с биохимического факультета. Жили мы в общежитии, оба на седьмом этаже. Пригласил её сначала в театр, потом в ресторан. Подарил ей хорошие духи

и коробку конфет, сделал предложение. Она согласилась, но сказала, что беременная, на пятом месяце. Я сразу сник, а она с улыбкой смотрела на меня, как будто была довольна, что меня убила. Я подумал: вот какая озорница. Оказывается, у неё на кафедре был любовник, доцент. Он обещал на ней жениться, а я после этого дрожал и чесал затылок.

Профессор Лихачёв

В Ленинградском медицинском институте заведовал кафедрой фармакологии Алексей Алексеевич Лихачёв²⁹. Ему было 69 лет. Он хотел уйти на пенсию, но ассистентка кафедры фармакологии Рожкова уговорила его остаться и согласилась ему помогать. Необходимо было выждать время: её муж, доцент этой кафедры, ждал, когда утвердят его докторскую диссертацию и он станет профессором.

Профессор Лихачёв поселился в своём кабинете, и ему наняли уборщицу. Лекции чаще всего читала ассистентка Рожкова. За красоту её прозвали Белладонной³⁰, а за лекции – непревзойдённой. Она помогала профессору проводить экзамены, на которых он обычно засыпал. Рожкова ставила двойки беспощадно. Её боялись как огня.

Когда началась блокада Ленинграда, почти все из института разъехались по разным городам, профессора Лихачёва оставили одного. Его дочь была профессором в Ташкенте. После войны она приехала в Ленинград и отца найти не смогла. Сторож сказал, что профессор умер, и он бросил его в овраг у речки Карповки³¹ за институтом. После войны дочь похоронила останки отца и поставила ему красивый памятник с надписью: «Люблю тебя, ты сделал меня человеком!».

Как Архимед напоил гидрохиноном³²

В Ленинградском медицинском институте я жил одно время в студенческом общежитии. В комнате нас было трое. Однажды в субботу вечером все ушли, и я решил заняться фотографией. Мне нужно было отпечатать негативы, чтобы на следующий день (в воскресенье) их вручить. Специальной посуды у меня не было, и я развёл проявитель в чайнике. Использовал тарелки и стаканы. После работы я всё убрал, а чайник с проявителем спрятал себе под кровать и заснул.

Ребята пришли поздно. Женька проголодался и стал ужинать. Вынул из тумбочки хлеб и селедку и стал искать чайник. Нашёл и хотел выплеснуть воду, но увидел, что жидкость коричневая, как заваренный чай. Выпил два стакана с сахаром, ничего не заметил, только подумал, что Архимед (так меня ребята прозвали за то, что я как будто бы всё знал) – жадюга, раз заваренный чай спрятал, и лёг спать.

Ночью Женьку затошнило, началась рвота. Вначале не поняли в чём дело. Но когда я увидел чайник, то понял, что Женька выпил гидрохиноновый проявитель. Но на следующий день Женька – верзила – был уже как штык.

Пушка-гаубица

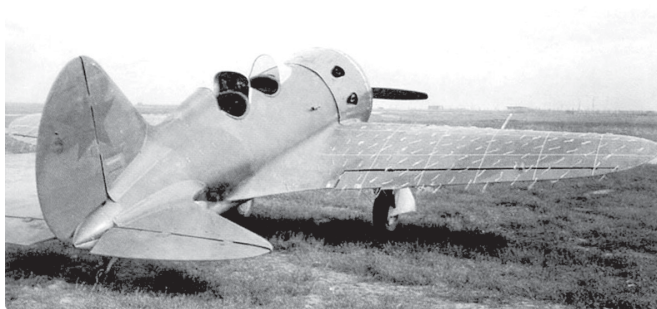
Когда я готовился в институт точной механики и оптики, военная кафедра стала обучать нас артиллерийскому делу, начиная с изучения пушки-гаубицы. Тогда в большом зале военной кафедры на первом этаже стояла большая 203-миллиметровая пушка на двух резиновых колёсах с коротким 152-сантиметровым стволом и длинным лафетом.

Капитан кафедры нам подробно объяснял устройство мальки. Мы закладывали в пушку пустой снаряд до выпадения клинка: клали с условным порохом в мешочках из шёлка, вставляли чашку с пробитой капсулой и закрывали пушку поршневым затвором.

Весной поехали на полигон смотреть, как стреляет пушка и как она наводится на цель при помощи буссоли и трубки. Пушка стояла в овраге с высоко поднятым кверху стволом. Она должна была стрелять из оврага навесным огнём по невидимой цели. Ориентиры наводки давал сам капитан, находясь далеко на возвышенном месте.

Солдаты зарядили пушку снарядом весом в 62 килограмма, предварительно сняв предохранительный колпачок с взрывателя. Нам приказали отойти подальше и зажать уши. По телефону прозвучал приказ командира «Огонь!», и сержант при помощи длинной верёвки дёрнул за спусковой крючок. Из пушки вылетел язык пламени и раздался оглушительный выстрел. Звук ударил всем в уши, некоторые упали на землю. У одной девочки из уха потекла кровь. Она не стала сдавать выпускные экзамены в институте.

Высший пилотаж

Одно время как врач я обслуживал истребительный авиационный полк. Я уже много летал на санитарных и учебных самолётах, и мне захотелось испытать себя в высшем пилотаже на учебно-тренировочном самолёте УТИ-4³³.

Лётчик-истребитель, улыбаясь, взял меня в тренировочный полёт. Я залез в заднюю кабину и пристегнулся ремнями. Самолёт мгновенно взмыл в воздух и стал набирать высоту. Затем с большой высоты сделал крутое пикирование и вывел, сделал небольшой подъём. У меня потемнело в глазах. Лётчик, капитан Рябцев, посмотрел на меня и стал опять набирать высоту. Сделал переворот через крыло. Меня ударило о борт самолёта. Пахнуло пылью и выхлопными газами. Закружилась голова. Капитан посмотрел на меня, а я рукой показал ему вниз. Он заулыбался и сделал двойной переворот через крыло – двойную бочку³⁴ и пошёл вниз на посадку.

Самолёт плавно сел на аэродроме, и я вылез из самолёта. К нам шагал командир полка, майор Кондратьев³⁵ с лётчиками. Я был бледен как полотно, и меня тошнило. Командир спросил: «Как Вы себя чувствуете?». Я сказал, что отлично. Все засмеялись. Командир сделал выговор капитану Рябцеву, а меня тошнило целый день.

Вон отсюда!

Перед войной и в начале войны я занимался лечением курильщиков. Их сильно мучил кашель. Я каждый день смазывал им язык раствором ляписа, и они не могли курить. Начальника пожарной охраны гарнизона капитана Крутько я вылечил при помощи его собственной воли. Он уже не курил целый месяц. Но однажды я шёл мимо пожарки и увидел капитана, сидящего на крыльце. Во рту он

держал громадную козью ножку³⁶ и дымил как паровоз. Я ему крикнул: «Что это такое?». Он ответил: «Доктор, у меня утром было потрясение». Капитан Крутько рассказал, что фашисты стали бомбить Севастополь зажигательными бомбами, и он приказал команде очистить чердаки зданий, а сам полез на высокий Михайловский равелин³⁷ по сломанной железной лестнице. Возбравшись, он заметил, что кто-то мелькнул на чердаке. Непревзойдённый матерщинник, он стал орать трёхэтажным матом. Когда подошёл ближе, увидел двух фашистов-корректировщиков. Они отдали ему честь, а у него задрожали колени и отнялся язык. Он только и мог крикнуть: «Вон отсюда!».

Роковая чашка чая

*Анастасия
Иноземцева*

Летом сорокового года я приезжал к матери в Мелекесс. Когда возвращался из Мелекесса, купил билет в Ульяновске на пароход до Сталинграда³⁸. Но пароход прибывал в Ульяновск в час ночи, а времени было только пять часов вечера. Нужно было где-то скоротать время, и я вспомнил, что когда-то меня как холостяка приглашала в Ульяновске соседка посмотреть её дочерей³⁹.

Когда я пришёл, все пили чай после бани. Они топили баню в своем большом саду. Дома была старшая дочь Настя.

Она окончила в том году сельхозинститут, была замужем за инженером танковых войск⁴⁰, который служил в Финляндии⁴¹, и на этот раз приехала одна навестить родителей. Я выпил чашку чая и болтал с Настей на разные темы и даже шутя приглашал её прокатиться со мной. Настя мне понравилась. Прошло пять лет. Моя мать сообщила навестившей её Насте, что я нашёлся, а был без вести пропавшим в плену⁴². У Насти муж погиб, и она написала тогда мне письмо. Чашка чая оказалась роковой⁴³.

*Составление текста и комментарии
Владислава Ястребова
yastrebov73@gmail.com*

- ¹ Подробнее см.: Сытин С.Л. Симбирские фотографии в начале XX века // Симбирский вестник : Ист.-краевед. сб. Вып. 2 / Гос.-ист. мемор. заповедник «Родина В. И. Ленина». – Ульяновск: Симбир. кн., 1994. – С. 177–203.
- ² Фотопластинка (сокр. от Фотографическая пластинка) – небольшая стеклянная пластинка, покрытая с одной стороны светочувствительным слоем фотографической эмульсии, на котором запечатлевается изображение.
- ³ Михаил Алексеевич Кубарев (?–1978) – сын Алексея Евсеевича Кубарева (1879–1935), родоначальника династии симбирских-ульяновских фотографов. В конце 1930-х гг. он для Дома-музея В.И. Ленина сделал сотни фотографий «ленинских мест» г. Ульяновска, предметов обстановки и интерьеров Дома-музея. В 1952–1953 гг. некоторые его снимки были использованы для серий фотооткрыток с видами города.
- ⁴ Торжественная закладка моста через р. Волгу (мостостроитель Николай Аполлонович Белелюбский (1845–1922)) состоялась в воскресенье 3 [16] марта 1913 г. Торжественное открытие крупнейшего на тот момент в Европе моста произошло в среду 5 [18] октября 1916 г. В этот же день по нему состоялось пробное движение, а 1 [14] декабря 1916 г. – временное пассажирское движение.
- ⁵ Так в тексте. 1) «Особо сложной оказалась установка оснований моста с помощью кессонов. Однако следует отметить, что мост был построен без единой человеческой жертвы – факт по тем временам довольно редкий» (источ.: Мерло М. Самое яркое событие в жизни... // Ульяновская правда. – 1976. – 26 сент. – С. 4); 2) «Стройка шла чётко и быстро. Не погиб ни один рабочий, а между тем на объекте было занято 4 тысячи тружеников» (источ.: Саблин Ю. История одного моста. – Москва: Железнодорожное дело, 2007. – С. 10).
- ⁶ Торжественное открытие крупнейшего сварного автотранспортного моста через р. Волгу состоялось 10 августа 1958 г. См.: Шкотов В. Мост через Волгу вступил в строй // Ульяновская правда. – 1958. – 12 авг. – С. 3.
- ⁷ Гужевого транспорт – наземный транспорт, в котором используется тяговая сила животных (лошадей, волов, верблюдов, ослов, оленей, собак и др.), перевозящих людей и грузы на повозках (гужом, отсюда название). Но в данном случае под гужевым имеется в виду и автомобильный транспорт (первое время мост так и назывался – автогужевой). Автомобильный мост был построен к северу от железнодорожного пути. Реконструкция Императорского моста происходила в 1952–1958 гг.
- ⁸ Имеется в виду массовый голод в 1946–1947 гг.
- ⁹ Анастасия Николаевна Иноземцева (урожд. Ефимова, род. 15 декабря 1914 г.) скончалась 29 октября 1982 г.
- ¹⁰ В 1933–1992 гг. – Ленинградский институт точной механики и оптики (ЛИТМО). Ныне Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО), адрес: г. Санкт-Петербург, Кронверкский пр-т, 49; <http://www.ifmo.ru/> (дата обращения: 22.03.2018).
- ¹¹ Сергей Георгиевич Вележев (1885–1971).
- ¹² Юрий Сергеевич Вележев (1907–1996).
- ¹³ Валерия Владимировна Барсова (наст. Калерия Владимировна Владимирова, 1892–1967) – оперная певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог и общественный деятель.
- ¹⁴ Эдит Леонидовна Утёсова (1915–1982) – эстрадная певица (лирическое сопрано).
- ¹⁵ Так в тексте. В действительности Э.Л. Утёсова (1915–1982) была замужем за кинорежиссёром и сценаристом Альбертом Гендельштейном (1906–1981).
- ¹⁶ Сытный рынок (первоначально Обжорный рынок) – старейший рынок г. Санкт-Петербурга, открытый ещё в 1711 г. После Октябрьской революции 1917 г. был закрыт, но возобновил свою работу в 1934 г. Адрес: г. Санкт-Петербург, Сытнинская пл., 3/5.
- ¹⁷ Симбирский областной естественно-исторический музей был открыт во вторник 7 [20] апреля 1909 г. на основе коллекций, собранных при библиотеке семейно-педагогического кружка. В настоящее время большая часть его коллекций хранится в фондах Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова (адрес: г. Ульяновск, б-р Новый Венец, 3/4; <http://www.ulmus-art.ru/> (дата обращения: 26.03.2018)) и в зоологическом музее Ульяновского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина (адрес: г. Ульяновск, б-р Новый Венец, 1; <http://www.ulsau.ru/> (дата обращения: 26.03.2018)).
- ¹⁸ «Симбирскую Городскую Управу пожертвована старинная большая чугунная пушка; длина ея 3 аршина (ок. 2,1 м. – В.Я.), диаметр в замке 3 четверти (ок. 53,3 см. – В.Я.), у дула 5 вершков (22 см. – В.Я.); вес – около 60 пудов (ок. 983 кг. – В.Я.). Интересно то обстоятельство, что пушка эта до поступления в музей была врыта в землю вместо тротуарной тумбы на углу Лосевой (ныне (с 1918 г.) ул. Федерации. – В.Я.) и Ярмарочной (ныне (с 1951 г.) ул. Можайского) улиц у здания 2-й полицейской части (в настоящее время здание занимает Институт экономики и бизнеса Ульяновского государственного университета, адрес: г. Ульяновск, ул. Федерации, 29/2. – В.Я.)». Источ.: Отчет о деятельности Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1898 год. – Симбирск: Губ. тип., 1899. – С. 10.
- ¹⁹ Марк Харитонович (Хащкелевич) Валкин (1922–2012) был директором Ульяновского областного краеведческого музея в 1950–1982 гг.
- ²⁰ Фенолог – специалист по фенологии, разделу биологии, изучающему периодичность явлений в жизни растений и животных и соотношение этих явлений с климатическими факторами и сменой времён года.
- ²¹ Олег Вячеславович Рождественский (1915–1989) работал (с 1941 г.) научным сотрудником отдела природы Ульяновского областного краеведческого музея. На протяжении многих лет ежемесячно публиковал в газете «Ульяновская правда» миниатюры из цикла «Заметки натуралиста».
- ²² Феликс Александрович Долгов (род. 30 марта 1942 г.) работает в Ульяновском областном краеведческом музее с 1969 г.
- ²³ В.Н. Космодемьянский (?–?) – профессор 1-го Ленинградского медицинского института.
- ²⁴ Имеется в виду военно-морской факультет 1-го Ленинградского медицинского института.
- ²⁵ Алексей Алексеевич Лихачёв (1866–1942) – советский токсиколог и фармаколог, доктор медицины (с 1893 г.), профессор (с 1899 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1933 г.). С 1899 г. и до конца жизни – заведующий кафедрой фармакологии Женского медицинского института (после Октябрьской революции 1917 г. – 1-й Ленинградский медицинский институт). В 1906–1929 гг. – декан и руководитель учебной части этого института.
- ²⁶ Беладонна (или Красавка обыкновенная, или Красуха; лат. *Atropa belladonna*) – многолетнее травянистое растение, вид рода Красавка. *BellaDonna* (итал.) – красивая женщина.
- ²⁷ Карповка – один из рукавов р. Невы, разделяющий Аптекарский и Петроградский острова. Санкт-Петербургский государственный медицинский институт им. И. П. Павлова находится на левом берегу р. Карповки.
- ²⁸ Гидрохинон (гидро+хинон) – раствор хинона, представляющего собой бесцветные кристаллы из коры хинного дерева, в сернистой кислоте. В фотографии применяется в качестве проявителя.
- ²⁹ Учебно-тренировочный истребитель УТИ-4 – модификация советского одномоторного истребителя-моноплана 1930-х гг. И-16 (ЦКБ-12) (или «Истребитель шестнадцатый», прозвище: ишачок), созданного в Опытном конструкторском бюро авиаконструктора Николая Николаевича Поликарпова (1892–1944).
- ³⁰ Бочка – одна из фигур пилотажа, при выполнении которой самолёт поворачивается относительно продольной оси на 360° с сохранением общего направления полёта.
- ³¹ Так в тексте. Скорее всего, имеется в виду Герой Советского Союза (с 21 апреля 1940 г.), лётчик Пётр Васильевич Кондратьев (1909–1943). Но он с 1941 по 29 июня 1942 г. командовал 5-м истребительным авиационным полком ВВС ВМФ, включённым в состав авиагруппы Береговой обороны Балтийского района (БОБР), и действовавшим в интересах Северо-Западного и Ленинградского фронтов. Командиром же 8-го истребительного авиационного полка ВВС ВМФ с 1939 г. по февраль 1943 г. был полковник Константин Иосифович Юмашев (?–?).
- ³² Козья ножка (разг.) – свёрнутая вороночкой и согнутая пополам самодельная папироса; самокрутка.
- ³³ Михайловский рavelин – вспомогательное крепостное сооружение – получил в честь великого князя Михаила Николаевича Романова (1832–1909), младшего сына императора Николая I (1796–1855). Ныне Музейный комплекс «Михайловская батарея», филиал Военно-исторического музея фортификационных сооружений в г. Севастополь.
- ³⁴ Ныне (с 1961 г.) г. Волгоград, адм. центр Волгоградской обл.
- ³⁵ Анастасию (род. 15 декабря 1914 г.) и Зинаиду (род. 15 марта 1919 г.)
- ³⁶ Анастасия Николаевна Ефимова (1914–1982) была замужем за гв. инженер-полковником Алексеем Степановичем Обрубовым (1913–?). Официально брак прекращён 12 ноября 1952 г.
- ³⁷ После войны с Финляндией (с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г.) часть её территории (ок. 40 тыс. км²) отошла к СССР.
- ³⁸ «Извещение. Ваш сын военврач 3 ранга Иноземцев Иван Павлович уроженец Тат. АССР г. Бугульма пропал без вести на Севастопольском уч. фронта». Источ.: Извещение за подписью интенданта 3 ранга В.П. Пустыльника (976). И.П. Иноземцев (1913–2006) находился в плену с июля 1942 г. по январь 1944 г.
- ³⁹ 12 ноября 1945 г. Иван Павлович Иноземцев (1913–2006) и Анастасия Николаевна Ефимова (1914–1982) сочтались законным браком.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Фёдор ГОРОБЦОВ – член Союза писателей России. Адвокат Ульяновской областной коллегии адвокатов. Поэт, бард. Автор изданных в Ульяновске поэтических сборников «Встречи с Фемидой», «Дело. Не уголовное». Написал на свои стихи более 200 песен. Живет в Ульяновске.

КАЛОШИ

Рассказ

Мне в жизни всегда везло на хороших людей. О том, что это были действительно хорошие люди, я узнавал значительно позже. И чем дальше отодвигаются события, тем отчетливее вспоминаются они и тем сильнее хочется сказать этим хорошим людям - спасибо. Но, увы, где эти люди? Они, может быть, уже и не помнят меня. Но я помню их и говорю им - спасибо.

По окончании девятого класса я уже довольно хорошо сформировался. Турник, брусья, гантели сделали свое дело. Плечи раздались вширь, появились бицепсы, контурно обрисовались квадраты брюшных мышц, сорок третий размер воротника красноречиво свидетельствовал о мощи моей шеи. Но нет предела совершенству. Глядя на могучие фигуры борцов, боксёров и штангистов, мне хотелось уподобиться им во всем. Десятикилограммовые гантели были для меня уже чересчур легки. Мне нужны были гири. Но они стоили денег, а денег у меня не было, да и гири тоже не было в свободной продаже. Гири были в школе. Ими я занимался, но занятия в школе меня не удовлетворяли. Мне было нужно, чтобы гири стояли дома и чтобы я имел к ним постоянный доступ. У меня созрел дерзкий план: похитить гири. Но моя совесть не была настолько сговорчивой, чтобы позволить мне воровать в родной школе. Я решил украсть гири в соседней деревне. До ближайшей деревни было семь километров. Я стал думать о том, как осуществить свое преступное намерение. Для начала я приехал к школе. Выяснил, где стоят гири. Выбрал окно для проникновения. В ходе рекогносцировки мне постоянно казалось, что все уже знают о моем преступном желании, но подозрительно

молчат и лишь загадочно улыбаются, чтобы в самый ответственный момент появиться за спиной и сказать: «А, гири воруем?» Я краснел и отводил глаза и от дворника, и от завхоза, которые, кстати, меня хорошо знали, так как мой отец работал в школе учителем. Я стал ужасно подозрителен. Мне казалось, что и отец мой уже знает о предстоящей краже. Но почему он молчит?! Почему все молчат? Наступил этот страшный день. Решиться на кражу, даже в соседней деревне, было мучительно. Я целый день маялся, нервничал, метался, прятал от всех глаза. К ночи пошел сильный дождь. Сверкали молнии, гремел гром. В одной рубашке и в калошах на босу ногу я вышел во двор. Мне встретилась соседка тетя Маруся. Мысли роем заметались в моей голове:

«Она всё знает! Расскажет, кому следует, что видела меня в столь позднее время. Но откуда она может знать? Пустое».

- Ты куда собрался? – спросила тетя Маруся.

- Корову искать, - поспешно брякнул я.

- Она же во дворе стоит, - сказала тетя Маруся и ткнула пальцем на корову, которая стояла у сарая и мирно жевала сено.

- Ой, не заметил. И когда она только пришла? – деланно удивился я и вернулся обратно в дом.

Спустя минут пятнадцать я вновь вышел во двор. Погода неистовствовала. Пройдя по улице и никого не встретив, я решил отправиться на дело. «Это же здорово! – подумал я, - все следы смоем дождь». Это придавало мне уверенности, и я отправился в путь. Дабы не быть замеченным, я пошел по лесопосадке. Ветки хлестали меня по лицу, под ноги попадали сучья, и лишь вспышки молний освещали мой тяжкий путь к физической красоте и нравственному падению. Идти по заросшей лесопосадке я устал и, пройдя четыре километра, вышел на грейдерную дорогу. До деревни оставалось ещё три километра. При появлении встречных или попутных машин я нырял в кювет. Справа открылось мусульманское кладбище. Ужас овладел мной. Каменные надгробья, мавзолеи с полумесяцами при вспышках молнии являли собой такую жуткую картину, что волосы мои, промокшие насквозь, вставали дыбом. Мне казалось, что за моей спиной уже движутся умершие старики в белых саванах, протягивая ко мне свои костлявые руки. Оглянуться я боялся. Бежать боялся тоже, поскольку знал силу паники. Очередной громовой разряд был настолько оглушительным, что здравый смысл покинул меня. С перепугу я заорал и рванул так, что потерял калоши. Я бежал уже босиком по дороге, усыпанной острым гравием, но боли при этом не чувствовал. В темноте я слетел с насыпи, упал и весь измазался в глине и земле. Пока я барахтался в черноземе, вернулось спокойствие. Страшных стариков не было. Дойдя до деревни, я прошел мимо другого кладбища, уже с крестами. Мне вспомнилось лицо последнего покойного в нашей деревне, и ужас вновь овладел мной. Наконец я добрался до школы. Свет в школе не горел, людей не было. Выставив стекло, я проник в коридор, ощупью добрался до спортзала, взял две двухпудовые гири и тем же путём выбрался обратно. Дождь к тому времени уже прекратился.

Под тяжестью двух гирь я отправился в обратный путь. Ноша, прямо скажу, была не из легких. Шестьдесят четыре килограмма давили мне на плечи и прижимали к земле, мои босые ноги разъезжались в стороны и скользили по грязи. Я мужественно преодолел семь километров. Войдя в родную деревню, я успокоился и уже с радостью представлял, как утром начну заниматься этими железками. Поставив гири у кровати, я потянул изможденные мышцы и уснул богатырским сном.

Увы, утро было совсем не радостным. Проснулся я от голосов. Когда я открыл глаза, новый ужас, но теперь уже ужас близкого возмездия, овладел мной. За столом сидели участковый инспектор и мой отец. Они о чём-то оживленно беседовали и на меня не обращали никакого внимания. Я вжался в кровать и замер настолько, что стал ощущать себя многотонной, неподъемной колодой. Вероятно, глаза я захлопнул с таким грохотом, что участковый, сидевший ко мне спиной, сказал отцу: «Ну наконец-то сынок проснулся».

- Вставай, жулик, - обратился участковый уже ко мне. Сгорая от стыда, я вылез из-под одеяла и замер у кровати.

- Ну что? – продолжил участковый, - гири будем возвращать?

- Будем, - жалко пролепетал я.

- Бери и выноси. - И добавил, обращаясь уже к отцу: - Спасибо, Андрей Николаевич, мы, пожалуй, поедем.

Я с гирями, а следом участковый вышли из дома. У двора стоял мотоцикл «Урал» с коляской. Полог у коляски был откинут. Обрадованный, я положил гири в коляску и с глупой улыбкой торопливо уселся на заднее сиденье.

- Э, сынок, - хитро прищурился участковый, - на чём ты их домой приволок?

- На себе.

- Так возьми и отнеси туда, где взял их.

Выбора у меня не было. Я достал гири из коляски, взвалил их на плечи и отправился в тяжелый маршрут. За мной следом на своем «Урале», включив первую передачу, молча ехал участковый. Со стороны это была, наверное, презабавная картина. Мне казалось, что все встречные односельчане знают о краже и осуждают меня. Семь километров я мужественно и стоически преодолел. Вошел в школу, где меня встретили и ученики, и учителя. Директор школы, друг моего отца, так выразительно покачал головой, что я едва не провалился от стыда под землю. Поставив гири в спортзале, я вышел на улицу и бросился прочь. За спиной опять зарокотал «Урал».

- Сынок, калоши твои? – участливо спросил участковый.

- Мои, - горько ответил я.

- Забери их и не разбрасывайся вещами, не ты же их покупал, - продолжил участковый и милостиво разрешил сесть в коляску, где и лежали злополучные калоши.

- Да, сел ты в калошу, - сострил капитан, - высаживая меня у дома.

Я ждал, что отец устроит мне головомойку, но он мне и слова не сказал и после никогда не вспоминал этого случая, а я на этом прекратил свою воровскую деятельность.

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. И.А. Гончарова, лауреат Всероссийской премии им. святого благоверного князя Александра Невского, автор книг «Самые счастливые», «Багульник», «Небесные посланники», «Федор Абломов».

КАРАНТИН

Из книги «Таня Бочкарева никогда не врет. Осины рассказы»

Непонятно, зачем мама дала мне глупое имя Осип, если с рождения называла Оськой. И в детском саду меня звали Осей, а теперь и в школе. Ирка Чумуркина, которая сидит со мной за одной партой, придумала обидную кличку Оса. Говорит, что у меня нос тонкий и длинный, как у насекомого, и голос противный, как у настоящей осы: вз-вз-взыкаю у нее над ухом.

На самом деле я к ней не лезу и вообще терпеть ее не могу. Я люблю Таню Бочкареву, нашу соседку. Мы живем с ней на одной лестничной площадке на втором этаже.

Таня меня старше. Она в пятом классе, а я во втором. Ну и что? Она большая и добрая, а возраст любви не помеха. Вот только жаль, что учится в другой школе. Ездит на специальном школьном автобусе. В нашей школе нет своего автобуса, а у них – есть. Потому что школа у Тани не простая, а для одаренных детей. Об этом мне сказала мама, но Мишка – он живет на третьем этаже – завидует Тане и врет, что ее школа – вовсе не для одаренных детей, а для тупых. Я ему не верю, он все время врет, а Таня Бочкарева никогда не врет.

Она приезжает вечером в пять часов – у них там продленка. Я сажусь на подоконник в кухне и жду, когда покажется Танин автобус. Квартира у нас старая, подоконник – размером с туалет, не то что у Ирки Чумуркиной. Я был у нее на дне рождения: комнаты огромные, а подоконники – узкие дощечки. У нас всего одна комната, зато подъезд просторный, лестницы широкие, перила на них – кататься не хочу!

Я люблю сидеть на подоконнике. Сейчас осень, и с тополя – он разросся до самой крыши – медленно спускаются листья. Покрасовались наверху и спускаются, такие грустные возвращаются с бала. Мне хочется их задержать: пусть еще потешатся на вершине блаженства – и тяну из форточки руку. Я уже не маленький, понимаю, что красоту поймать невозможно, красота – она сама по себе, никому принадлежать не может, а все равно тянусь за искринками счастья.

На моем подоконнике даже спать можно. В детстве я так и делал: сижу, сижу один, жду маму – и засну. Однажды во сне я кормил тощую собаку, и вдруг прилетели воробьи и склевали весь хлеб. Я стал махать руками, чтобы их разогнать, да так сильно махал, что свалился с подоконника, и как закричу от испуга. Прибежала Мишкина мать, стала колотить в

дверь и орать: «Я лишу эту драную кошку родительских прав!»

Драная кошка – это моя мама. Точнее, мамин воротник на зимнем пальто. Очень старый. Он, правда, на облезлую кошку похож. Мне воротник тоже не нравится. И мамину начальнику не нравится. Мама главным помощником директора работает. Прошлой зимой этот директор Сергей Иванович дал маме конвертик и сказал: «Вот, Нина, тебе маленькая премия, купи нормальное пальто – не позорь меня перед заказчиками». Мама в конвертик заглянула – там пять тысяч рублей. Она сказала директору: «Сергей Иванович, на пять тысяч приличное пальто с воротником не купишь. Я лучше Оське зимнюю куртку или коньки куплю». Мы с мамой подумали и остановились на коньках. Сергей Иванович с ней две недели не разговаривал.

Так вот, про подоконник. Окна нашей квартиры выходят на проезжую часть улицы, поэтому мне видно, когда Таня из автобуса вылезает и к подъезду идет, сутулится от тяжести ранца. Еще бы: у одаренных школьников много учебников.

Я сразу бегу вниз, встречаю Таню вопросами:

– Ну как? Что в школе было?

Она вздыхает тяжело и говорит:

– Карантин у нас.

Карантин... Слово-то какое! Завораживает. Таня рассказывает:

– Уроки отменили. Нам халаты выдали, повязки на рот и белые колпачки на голову.

– А колпачки зачем? – спрашиваю с придыханием.

– Ну как у врачей. Видел у врачей колпачки на голове?

– Видел. А вам зачем?

– С инфекцией бороться.

– А-а-а... Ну как, побороли инфекцию?

– Ещё как! Шприцами – тык-тык – и все!

– Как шприцами? Куда «тык-тык – и всё»?

– Какой ты, Осип, непонятливый. – Таня усиленно вертит головой, и её желтый сноп волос смешно приподнимается, как парик у клоуна.

– Всем ученикам старших классов выдали самые настоящие шприцы с лекарством от смертельной инфекции, – растолковывает она терпеливо, – и мы эти шприцы вонзили в попы своим учителям.

– Как это – учителям? – У меня от страха начинает болеть горло.

– Инфекция всегда исходит от взрослых! – тоном знающего врача уверенно заявляет Таня Бочкарева.

В этот момент дверь ее квартиры открывается, оттуда выглядывает большое и круглое, совсем как у Тани, лицо ее мамы.

– Чего ты тут торчишь? Марш домой!

Прежде чем исчезнуть за дверью своей квартиры, Таня успела сунуть мне в руку мягкую булочку, которую она всё это время держала в кармане своего пальто.

Я не обиделся на тётю Марусю, хоть она со мной и не поздоровалась. Она нормальная, только толстая и больная. Тане повезло: у её мамы гипертония, она на инвалидности. У них всегда вкусно пахнет пирогами. Иногда тетя Маруся и меня угощает пирожками с капустой. А сегодня Таня подарила мне булочку. Сама не съела – мне привезла.

Радостный, бегу домой, разглядываю подарок, подношу к носу и делаю глубокий вдох. Ароматная, свежая, только немного грязная – в Таниных карманах скапливается много всякой всячины: записки, обезглавленные мухи, сушеные листья, дохлые тараканы, конфеты – мало ли для чего могут пригодиться карманы!

Я обдуваю булочку и надкусываю... Здорово! Моей маме некогда готовить и печь, она работает на Сергея Ивановича и домой не может уйти раньше него – только когда ему надоест трудиться. А ему никогда не надоедает. Сергей Иванович любит, чтобы было много заказчиков, он готов жить в своем кабинете на большом кожаном диване под пальмой, но только при условии: мама должна подавать ему чай и кофе.

Прошло полчаса, как Таня вернулась со школы: я все это время смотрел на часы – тренировал выдержку. Набравшись храбрости, подошел к квартире Бочкаревых. Долго не решался нажать на звонок, а когда нажал, никак не мог почему-то сразу оторвать руку. Гудок получился длинный, угрожающий. Дверь открыл Танин папа. Сдвинул лохматые, как у медведя, брови, чтобы лицо было зверское: подумал, наверное, что разбойники ломаются. Увидел меня – подобрел:

– А, это ты, Осенок... Чего тебе?

– Извините, пожалуйста. Таню позовите, пожалуйста.

– Воспитанный мальчик, хоть и никому не нужный, – дядя Федя погладил меня по голове, будто я сирота какой-то. Глупости! Я маме нужен. И бабушке – просто она живет далеко. А вежливый, потому что всегда помню мамины слова: «Вежливость – страшная сила!»

Наконец появилась Таня. Большая, как сервант. Нос картошкой, улыбка до ушей. Волосы густые – не расчесать... А может быть, у нее и впрямь парик? – подумал я. Для оригинальности. Она же необыкновенная девочка. Захотелось ей походить на клоуна – купила парик...

– Чего пришел? – Таня прервала мои фантазии.

– Где колпачок?

– Какой колпачок? – Ее мысли были заняты другими мировыми проблемами.

– Тот, что вам в школе выдали. Как у врачей.

Почему я об этом спросил? Потому что с самого детского сада мечтал стать врачом. Белый халат и у санитарок, и у медсестёр есть, а колпачок – это ого-го!

– У тебя, Осип, голова варит? – укорила меня подруга. – Неужели надо объяснять простые вещи: колпачки – в больнице!

Она хотела закрыть дверь, но я подставил ногу и продолжил допрос. Признаюсь: иногда Танины рассказы вызывали у меня некоторые сомнения.

– А шприцы?

– Шприцы увезли в больницу! – И добавила через паузу: – Вместе с учителями.

– Как с учителями?

– Их лечить надо, – нахмурилась Таня Бочкарева.

– А кто же вас учить будет?

– Завтра разберёмся!

На этот раз мне не удалось задержать дверь, и она захлопнулась. Я остался один в холодном подъезде и стал думать про Танину школу. Одаренная школа – от слова дарить. Повезло Бочкаревой: каждый день – неожиданные подарки. Вот и сегодня: ка-ран-тин!

Мама пришла поздно. Я уже был в постели и сквозь сон слышал, как выключатель радостно задрал свое ухо. Хотелось встать, чтобы обнять маму и сказать, как я ее люблю и хочу есть, но сил не было, а в голове уже мелькали забавные картинки киносна.

Утром я попытался вспомнить, что видел, но память зачем-то стерла захватывающую ленту ночных приключений.

Занятия в школе тянулись долго, было очень скучно. И вдруг на уроке охраны окружающей среды учительница стала рассказывать о злых и полезных бактериях. Я сразу же взбодрился. С трудом дождался, когда она сделает паузу, и поднял руку.

– Чего тебе, Приборкин?

– Не Приборкин, а Придуркин, – прошипел сзади Петька Ванечкин.

Я на Петьку не в обиде: пусть себе обзывается – лишь бы не дрался.

– Анна Ивановна, не кажется ли вам, что плохих бактерий в школе стало слишком много? Пора объявить карантин, – сказал я важно.

Учительница вытаращила на меня глаза. Она очень похожа на филина: у неё огромные, страшные глаза нависают. Жутко становится, когда Анна Ивановна замирает у доски с поднятой вверх указкой и тарашит глаза. Весь класс в такие минуты затихает и ждёт, что будет дальше.

– Может быть, Ванечкин прав, когда искажает твою фамилию? И тебе надо учиться не в девятой школе, а в девятнадцатой? – Голос у неё низкий, трубный. Кажется, что говорит она, прижав к губам стеклянную банку.

– Я не против...

Конечно же, я обрадовался, когда Анна Ивановна назвала номер Таниной школы. Представил, как буду ездить в одном автобусе со своей соседкой, надевать белый колпачок на голову во время карантина и кушать ароматные булочки с золотистой спинкой.

– Вот-вот... – Анна Ивановна грустно покачала головой.

– Оса, ты дурак? – Ирка Чумуркина покрутила пальцем у виска и понизила голос, наклонив голову к парте. – Какой карантин? Все здоровы, эпидемию гриппа не объявляли.

– Но Анна Ивановна сама только что сказала, что плохие бактерии побеждают. – Я тоже опустил голову, чтобы не нервировать учительницу. – Надо же как-то бороться с ними!

– Хорошо, после уроков скажу, что делать, – заявила Ирка. – Я же дочь медиков.

Обычно, когда заканчиваются занятия, Чумуркина проверяет, все ли задания я записал в дневник, а утром заставляет меня показывать тетради. Смотрит и комментирует:

– Та-ак, это сойдёт, тут – тяп-ляп, а здесь – ужас. Исправляй! – и тычет пальцем в ошибки.

Ирка похожа на учительку: на носу у нее очки, а на голове – шишка из скрученных длинных волос. Когда Ирка командует, она резко поднимает подбородок и вскидывает голову, будто у нее в шейных позвонках какая-то пружина срабатывает.

Я начинаю возмущаться, но она пресекает любое сопротивление:

– Не взыскивай, Оса! Переписывай.

В душе я ей благодарен: если бы не Чумуркина, я бы оброс двойками, как ель иголками. К тому же у нее родители – врачи, и я немного завидую.

На этот раз, проверив мой дневник с заданиями на завтра, Ирка объявила:

– Сделаю уроки и приду к тебе. Будем избавляться от бактерий.

Я был счастлив: наконец-то и в моей жизни свершится что-то необыкновенное!

Так хотелось спросить Чумуркину, можно ли пригласить на этот сеанс соседку, но вредина уже убежала: у нее музыкалка и уроки...

Ирка пришла в пять вечера – как раз в тот момент, когда подъехал автобус и я встречал в подъезде Таню Бочкарёву. Поначалу я растерялся, но потом подумал: а здорово, что мы втроём столкнулись.

– Это Таня! – я представил Ирке мою подружку. – Можно, она будет нам помогать?

Ирка ничего не ответила. А Таня обрадовалась.

– Я щас... – Засуетилась, сбросила с плеч ранец и нажала на кнопку своего звонка. – У мамы отпрошусь...

– У меня времени мало. Пошли! – скомандовала Чумуркина, тряхнув головой. – Балкон есть?

Балкон у нас есть, но крохотный, узкий, мы туда почти никогда не выходим.

Ирка нахмурилась. Застыла, руки в боки, будто ей не балконную дверь показали, а операционную, где невозможно поместить стол для больного.

– Ладно... – Она взяла себя в руки и расстегнула тряпичную сумку. Извлекла оттуда металлический ящичек.

– Настоящий хирургический инструмент, – объявила Ирка торжественно и сняла с ящика крышку. Там лежал шприц, похожий на тот, что нарисован в руках Айболита в моей любимой книге Корнея Чуковского: огромный, с длинной иглой! А еще – скальпель и ножницы.

– Что мы будем делать? – спросил я, с трудом скрывая волнение.

В это время в дверь позвонили. Пришла Таня. Она уставилась на инструмент: её, опытную карантинщицу, тоже поразил масштаб предстоящей операции по обезвреживанию злых бактерий.

Чумуркина потребовала акварельные краски и баночку. Я предоставил всё необходимое. Она налила воду в банку и добавила красную акварель, затем высыпала туда какой-то порошок и тщательно размешала.

– Ну вот, антибактериальный препарат готов, – сказала удовлетворённо и набрала шприц. – Держи! – Сунула инструмент в руки Бочкарёвой.

Таня смотрела на нее с восхищением.

– Чего стоишь? – Ирка открыла балконную дверь и продолжила командовать. – Ложись на пол, ползи к балкону. Как только увидишь внизу людей, дави на поршень и выливай содержимое на их головы.

– Зачем? – Таня была напугана, я тоже.

– Понимаете... – Чумуркина резко вскинула голову. На этот раз пружина в ее шее сработала чересчур резко: шишка разлетелась – толстый хвост волос описал дугу и тяжелой волной упал ей на спину. Эта неприятность не остановила Иркину готовность идти до конца в борьбе с инфекцией: – Мы не должны объяснять всем прохожим, что им угрожает опасность. Доброе дело не требует огласки. Ползи! – Она подтолкнула Таню к балкону.

Пока моя любимая подружка совершала подвиг, Ирка готовила следующую порцию вакцины.

Вскоре под моим балконом собралась толпа народа. Люди неистово кричали. Одна женщина возмущалась:

– Изверги! Испортили мне новое пальто! В тюрьму засажу!

– Мне пора, – Чумуркина противно заморгала длинными ресницами и, как опытный фокусник, мгновенно исчезла вместе с медицинским инструментом.

Мы с Таней растерянно смотрели друг на друга.

– Не надо было добавлять в шприц краску, – сокрушенно сказала моя подружка. – Достаточно было порошка.

И тут дверной звонок загудел, как милицейская сирена, то есть полицейская: на пороге стоял самый настоящий полицейский, а за его спиной – разъяренная женщина.

– Ты хулиганил? – спросил меня страж порядка.

А женщина закричала, указывая на Таню:

– Нет, это она, глупая девчонка! Я видела...

– Это я, я... Таня не причем! – завопил я и разрыдался.

Стыдно, конечно, что пустил слюни, но Таню я не сдал. Так поступают настоящие мужчины.

Сижу в темноте на подоконнике, чувствую холод стекла. Завтра нам с мамой идти в полицию. Меня посадят в тюрьму. Жалко маму: на кого я ее оставляю? Сергей Иванович за себя постоять не умеет, постоянно кричит: «Кто защитит меня от налоговой?»

Ветер носится за упавшими листьями: что-то он знает, о чем я не догадываюсь.

Лидия ФЕДЯКИНА, врач. Пишет прозу. Автор романов, повестей, рассказов. Публиковалась в альманахе «Симбирлит» и сборнике «Золотое зеркало».

ДЕВОЧКА И ЛУЧ

рассказ

По прямой, как стрела, сельской улице, покрытой зелёным лужком, с протянутыми вперёд руками бежала девочка. Заходящее солнце заливало улицу алым светом, окрашивая белое платье девочки в розовый цвет. Розовыми были дома, деревья и даже лужок, а далеко впереди солнечный луч сгустился в такой яркий алый свет, что, казалось, его можно было взять в руки и потрогать. И девочка бежала за лучом с протянутыми руками, чтобы поймать и потрогать это прекрасное чудо природы. Она бежала за лучом, а он убегал от неё всё дальше, она видела, как впереди идущие люди находились среди этого яркого алого света, словно купаясь в нём.

«Какие они счастливые», – думала она и продолжала бежать.

Она уже обогнала людей, которые уже не купались в солнечном луче, их лица были не счастливыми, а хмурыми и озабоченными.

«Наверное, расстроились, потому что луч убежал от них», – подумала девочка и продолжала догонять луч.

Она бежала до тех пор, пока солнышко не скрылось за горизонтом и луч не погас. Тогда она села на траву и горько заплакала.

Опустились сумерки, и всё вокруг: дома, трава, деревья – стали серыми. Девочка встала, ладошками вытерла слёзы и направилась домой, твёрдо решив, что завтра она обязательно поймает солнечный луч. На следующий день повторилось то же самое, и девочка бегала за лучом до тех пор, пока не поняла, что он прекрасен только тогда, когда видишь его издали, что люди, идущие по улице далеко позади неё, должны были видеть её, купающейся в алом солнечном луче, а она этого не замечала. С тех пор девочка каждый вечер на закате солнца выходила на улицу полюбоваться алым солнечным лучом, но уже больше не бегала за ним.

Прошло время, и девочка превратилась в юную девушку, красивую и стройную. Теперь она жила в постоянном ожидании, и сама не знала, чего ждала, а только чувствовала, что должно случиться что-то прекрасное, как тот алый солнечный луч. И оно случилось: девушка увидела незнакомого паренька, и он показался ей лучше всех на свете. Она ходила в те места, где он мог быть, для того чтобы только встретиться с ним, а когда это ей не удавалось, она горько плакала. И вот... однажды они встретились: он посмотрел в её глаза и утонул в них. Он раньше никогда не встречал такой девушки, от неё исходила колдов-

ская сила, подчинившая его. Теперь, кроме неё, для него ничего не существовало. Он постоянно искал встречи с ней, и они встречались и подолгу гуляли, держась за руки. Она была счастлива и не скрывала своих чувств, ей казалось, что она поймала тот алый солнечный луч, за которым бежала в детстве. А он боялся прикоснуться к ней, боялся обжечься об её чувство, и пальцы его дрожали, когда он брал её за руку. Она же околдовывала его всё больше и глубже, сама того не подозревая.

И он наконец не выдержал, испугался её чар, и решил больше с ней не встречаться, и прямо сказал ей об этом. Для девушки это было тяжёлым ударом. Алый луч ускользнул от неё, и всё вокруг стало серым.

Он же страдал сильнее: ведь он своими руками разрушил их счастье.

И вот уже он любыми средствами старался обратить на себя внимание, здоровался с ней при встречах, но она не отвечала: ведь девушка была гордой.

А годы шли своим чередом. Девушка повзрослела, вышла замуж, вырастила детей, были у неё и ненастные, и солнечные дни, но первая её любовь всегда светила ей, как алый солнечный луч.

«Хорошо, – думала она, – что мы тогда расстались, иначе любовь превратилась бы в привычку, бытовая рутина разрушила бы её, а то яркое чувство согревает меня всю жизнь. Недаром же я где-то читала, что «только утро любви хорошо, хороши только первые робкие встречи».

На закате солнца тёплым августовским вечером на ветхое крыльцо вышла бабушка, чтобы посидеть и полюбоваться алым солнечным лучом, который заливал прямую, как стрела улицу, отчего дома, деревья и даже лужок казались розовыми. И вдруг вдалеке она заметила бегущую девочку с протянутыми вперёд ручками, её белое платье казалось розовым от солнечного луча. Когда девочка поравнялась с ней, она узнала свою внучку, которая бежала всё дальше навстречу солнечному лучу. Вот она уже купается в алом свете, но не замечает этого и бежит дальше. Солнце закатилось, и луч ускользнул и погас, а девочка села на траву и горько заплакала.

«Глупенькая, – думала бабушка, – а впрочем, людям свойственно не замечать своего счастья и начинать ценить его только тогда, когда наступают сумерки».

ЮБИЛЕИ

Алексей Жданов.
Фото Павла Шалагина

В ОКРЕСТНОСТЯХ ПЛАНЕТЫ АЛЕКСЕЯ ЖДАНОВА

В феврале 2019 года, в день юбилея члена Союза писателей России Алексея Жданова, в Голубом зале Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина состоялась презентация его новой книги «В окрестностях Афин». В ней собраны повести и рассказы, миниатюры, письма, дневниковые заметки, эссе, воспоминания за двадцать лет жизни – с 1996 по 2016 годы.

Алексей Жданов появился в окрестностях Ульяновска в 1992 году. На талантливого фотографа, журналиста и прозаика сразу обратили внимание в редакциях местных газет и журналов. Фотоработы и очерки Алексея охотно публикуют периодические издания, миниатюры, рассказы и повести – журналы «Мономах», «Симбирскъ», «Карамзинский сад», «Беседка муз», «СимбирЛит», а также альманахах «Московский Парнас» и воронежский журнал «Веста».

Алексей Жданов родился в Архангельске 15 февраля 1949 года в семье военного врача. Семья жила в Восточной Германии, в Ростове-на-Дону, в Ташкенте, где Алексей окончил Узбекский государственный университет физической культуры и факультет журналистики Ташкентского государственного университета. Без малого сорок лет Алексей Жданов проработал фотокорреспондентом многих узбекских и российских периодических изданий. Его фотографии можно найти в московских газетах,

в престижных изданиях «Курьер ЮНЕСКО» и «Вокруг света».

В 2000 году вышла его первая книга «Бархатный сезон». Через год Алексей Жданов стал лауреатом конкурса газеты «Комсомольская правда» и Российского телевидения «История любви» и был награждён десятидневной поездкой в Рио-де-Жанейро. Несколько его рассказов переведены на португальский язык и напечатаны в старейшей бразильской газете JORNALDOKOMMERCIO.

В 2006 году в издательском центре УлГТУ вышел сборник повестей и рассказов «Романтик из Урюпинска, или Долгая дорога в Рио-де-Жанейро». В 2017 году выпущена книга «Подхватить зеркало», вобравшая в себя воспоминания прожитых лет, впечатления и размышления автора. Друг юности Алексея, писатель, сценарист и публицист Александр Тюриков, проживающий в Нью-Йорке, писал: «Я перечитываю его вещи и, действительно, как

будто смотрю в зеркало, в котором вижу и себя, и те далекие уже годы, людей, которых он описывает. Восхищаешься его пристальным, цепким до самых мелких деталей взглядом и в описаниях улочек Потсдама, и в интонациях еврейской старушки, и в атмосфере ульяновской забегаловки, и в переборе старой гитары, на которой он сам прекрасно играет... Будучи профессиональным фотожурналистом, он прекрасно видит кадр, и это помогает ему так дотошно воспроизводить детали. Картинки получаются необыкновенно живые... Вкусные, как тот ферганский плов, который он описывает...».

На презентацию книги Алексея Жданова пришли его многочисленные друзья, писатели, поэты, журналисты и фотокорреспонденты местных изданий, художники и даже целый табор цыган!

Было много крепких рукопожатий, дружеских пожеланий, подарков, песен и цветов. Собратья по перу прочитали отрывки из произведений Алексея Андреевича, и сам юбиляр блеснул прекрасной игрой на гитаре.

Творческий вечер Алексея Жданова удался на славу.

Поверим известному ульяновскому журналисту Ольге Ронжиной, которая в предисловии книги «В окрестностях Афин» отмечает: «Описывая события собственной жизни, автор создаёт солнечный и справедливый мир, такой мир, каким его обычно видит человек в юности. Даже в самые тягостные

С коллегами-писателями. Фото из архива автора

моменты жизни, когда на душе полная чернуха, звучит на втором плане повествования нехитрый русский девиз «Пробьёмся!».

Эта книга – о жизни. «А что, скажите мне, может быть интереснее жизни?.. - уверен автор».

Подготовил А. Лайков

Алексей Жданов

ПИСЬМО БАБЫ МАРУСИ

Здравствуйте, голубушка моя Галина Олимпиаевна!

Извините, что долго не отвечала, немного приболела. Вы спрашиваете, как я живу. Да разве ж это жизнь! Думала, что с внучкиной семьей жить будет полегче, куда там! Одной-то спокойней было.

Теперь каждый мой шаг, каждое слово сопровождается ядовитыми замечаниями и злыми комментариями. Лёнька (Валькин муж) совсем обнаглел. Нигде не работает, а пьёт каждый день, занимает у меня деньги (а как не дать, если это единственная душа, с кем покалякать можно, пока он трезвый) и всё время врет! А я терпеть этого не могу!

К примеру, чую, мясо жарит (это пока Валька-то на работе), а он, фальшиво так, громко объявляет: «Вот, что-то лучку жареного захотелось!» Или поставит курицу варить, и тут же: «Картошечку варю!» И так чуть не каждый день.

А недавно нализался где-то, подошел как милиционер, впёрся в меня зенками и зло так говорит:

- Не Машенькой тебя надо было назвать! Не Машенькой!

- А как же? - спрашиваю.

- Варенькой!

- Это почему же?

- Да потому, что больно ты любопытная! Чего ты суёшься в нашу комнату? Чего всё подглядыва-

ешь да подслушиваешь? Забыла, что любопытной Варваре нос оторвали?

Откуда он это взял, что я за ними подглядываю? Никак «белочка» начинается.

А третьего дня поставила я варить яйца. Крупные такие, отборные. Подхожу минут через пять... глядь! А в ковшике-то уже другие! Мелкие-мелкие, прям голубиние! Я к Лёньке!

- Ты что ж, ирод, вытворяешь? Зачем яйца подменил?

- Какие еще яйца! Совсем сбрендил! Ничего не знаю, это у тебя глюки, оптический обман на почве атеросклероза.

Никому мы старики не нужны. Мешаем мы всем. Путаемся у них под ногами. Все только и думают, как бы нас скорее в ящик законопатить. Они, пока молодые, здоровые, не думают, что их то же самое ждет. Только и слышишь: «Да мы не доживем до твоих лет, да лучше и не надо, чтобы, как ты жить. Как ни придешь, только и видишь тебя в обнимку с палкой. Сидишь тут, как памятник. Уже давно всех твоих годков на Ишеевскую гору свезли. А сколько в последнее время молодежи похоронили! А ты все сидишь. Может, ты и нас решила пережить?»

Да разве ж я виновата, что до девяноста лет дожила? Что мне теперь, живой в могилу ложиться?

Вот такие мои новости. Пишите. Ваша баба Маруся.

Во Дворце книги открылась выставка работ художника-иллюстратора Ирины Абуталиповой

ВЕРЮ В ЧУДО

В самом начале весны молодой художник-иллюстратор Ирина Абуталипова представила свою первую персональную выставку «Верю в чудо», в которую вошли избранные, наиболее интересные акварельные работы, иллюстрации, скетчи, графика за прошедшие пять лет.

Экспозиция оригинальных работ размещена в выставочном зале Дворца книги и включает в себя серии «Акварельный Шерлок», «Акварельная Зима», а также графические иллюстрации к произведениям международного литературного конкурса «Верлибр».

На открытии присутствовали ученики Ирины и коллеги из детской школы искусств № 7, где она преподаёт, сотрудники Ульяновского художественного музея, близкие друзья, читатели Дворца книги и почитатели творчества художницы. На открытии выставки побывал губернатор Ульяновской области Сергей Морозов.

«Эта выставка – первая для меня, и она стала для меня настоящим испытанием. Спасибо всем, кто пришел на эту встречу. Спасибо друзьям и коллегам за поддержку. Это дорогого стоит», – сказала Ирина.

Надеемся, что многие посетители выставки сделают для себя открытие. Открытие мира художника.

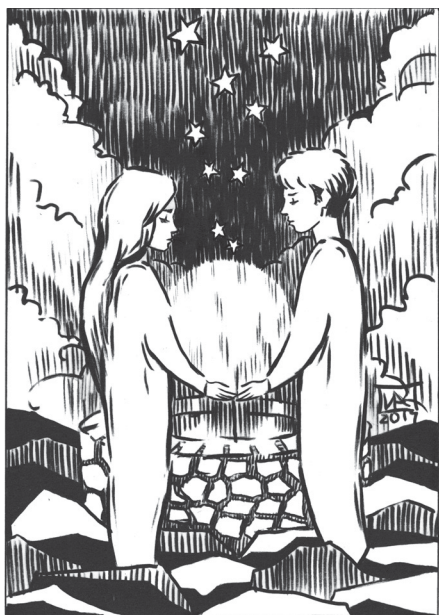
Всех обнять... Ирина Абуталипова (в центре)

На открытии выставки побывал губернатор С.И. Морозов

Наша справка:

Ирина Абуталипова родилась в Ульяновской области, занималась в ДШИ № 8 у Евгения Чевачина (художественное объединение «Левый берег»), окончила с отличием Ульяновский государственный университет по специальности «дизайн интерьера». Член ВТОО «Союз художников России», преподаватель ДШИ № 7. Победитель и финалист региональных и всероссийских конкурсов.

Иллюстрации к произведениям Международного литературного конкурса «Верлибр»

Весна в душе.
Работы Ирины Абуталиповой

Весна

Держись за меня

Маленький принц

Касание душ

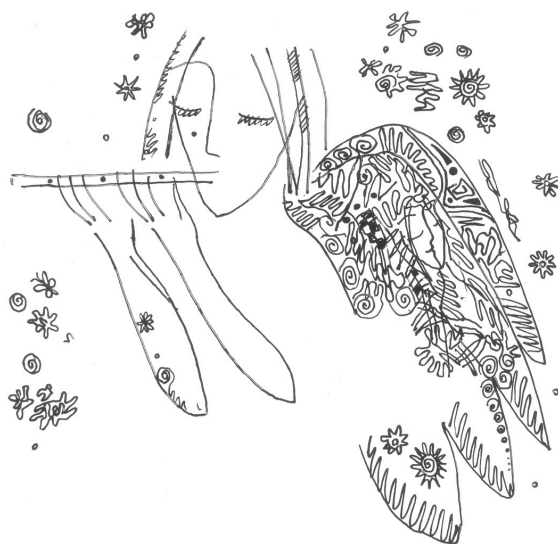

Весна в душе

Ангел летит. Работы Анны Минаковой

Пишу письмо

Ангел с флейтой

Мелодия

Хороший год

Песня для рыб

Возвращение

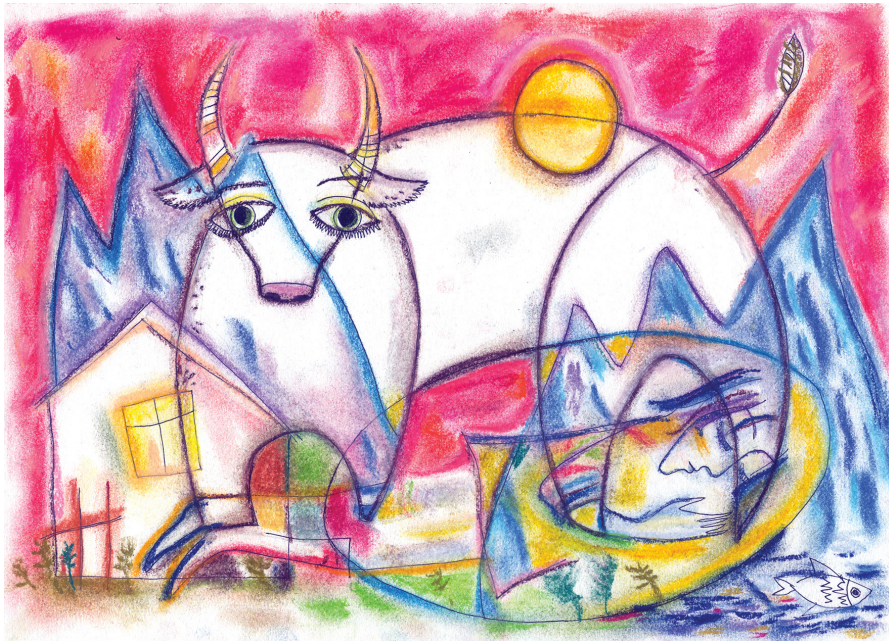
Души летающие

Вход в Иерусалим

Ангел летит

Белая корова

Девушка на холме

Анна МИНАКОВА, музыкант, поэт, художник. Родилась в 1985 году. Автор книг стихотворений и рисунков «Золотая зола», «Дорогое моё», «Ода радости», «Сны стеклодува». Лауреат Всероссийской литературной премии имени Сергея Есенина и других литературных премий России и Украины. Рисунки экспонировались в Русском музее (С.-Петербург), Музее современного русского искусства (Джерси Сити, США), Центральном доме работников искусств (Москва) и др. Создатель, руководитель, аранжировщик и концертмейстер рок-коллектива «Хор одиноких сердец сержанта Пеппера». Живет в г. Харьков.

Рассказы из книги «Сны стеклодува»

Эффект командора

Мы шли по аллее – я и Гвоздик.

И вдруг он спрашивает:

– А что бы ты делала, если б я сейчас умер?

Тут-то я и призадумалась. (Я всё время призадумываюсь.)

– Ну, наверное, не пошла бы на музлитературу, – говорю и шебуршу листьями кленовыми, которыми весь наш путь густо усеян.

Засмеялся Гвоздик, а сам куда-то вдаль глядит и глядит. И остановился.

Я тогда осмотрелась – и вижу: рекламный щитяра. На нём, вижу, – девушка модельная, куколка-балетница (с кремом каким-то, кажись) смотрит на нас провокативным даже взглядом. Гвоздик выразил недовольство: «Чего она смотрит? Скажи ей!» И продолжил: «А фотограф у них невдалый, да! Вот смотри – ракурс дурацкий какой!» И как почесал: «А что за осанка? и нос... кривой; или мне кажется? нет, кривой всё-таки. А кисть! непропорциональная... Ой, кажется улыбка у неё начала сползать...»

– Ага.

(А я это раньше него заметила.)

– Что, точно?

– Угу.

– Слушай, она меня не отпускает, я не могу сойти с места, – и окаменел.

Я задумалась и тихонько так говорю, ненавязчиво:

– Давай, может, она тебя отпустит?

– Ну, если ты попросишь... У тебя ведь особые полномочия и божественная сущность.

С последним тезисом я решила не спорить, однако предпоследний меня несколько смутил.

– Ты хочешь, чтоб я попросила?

– Ну, можешь идти, а я здесь стоять буду. Три дня. Потом замёрзну, умру... – и стоит, как вкопанный.

А она – смотрит, снежная королева.

Тогда я собралась с духом:

– Ладно, щщщас.

Подхожу к щиту этому, задираю башку. А та, которая там, – здоровенная такая, страшная. И начинаю: «Де-е-евушка-девушка» (как пушкинский Лепорелло: «Преславная, прекрасная статуя!»). А она не слушает совсем и бровью не ведёт, не снисходит до нас, грешных. Я тогда и думаю: шо за фигня, и ну её вообще.

А Гвоздик там леденеет, ждёт. Поглядела я на него, на неё поглядела, нашла звёздочку посимпатичнее, над её башкой, и говорю:

– Пожалуйста, Господи, о пожалуйста, Господи, о пожалуйста, один Ты, Господи, можешь выручить нас, спаси нас, Господи, без Тебя ж мы – ничто: прах, грязь, бессмысленная пыль, с Тобой же мы – Твои люди, прости нас всех, уродов.

И вернулась.

Гвоздик говорит:

– Ну что?

– Я обо всё договорилась. Пойдём.

Снежок

– Алло. Да!.. Да-а?! (Это я говорю.)

– Малыш-Карандаш на проводе!

– Привет.

– Приве-е-ет!

– Ага, привет.

(Тишина, секунд на десять).

– И шо? (Это опять я говорю.)

– Шо? Все будет хорошо – если следовать советам Джона Кишо.

– Кого-кого?

– Джона Кишо! Это был такой сумасшедший поэт. Он ходил по городу, завернутый в клетчатый плед, на голове у него был цилиндр, поняла? В плед, значит и в цилиндре... и с моноклем в глазу... вот. А когда у него случилось вдохновение с просветлением – чертил вокруг себя линию.

– Ну ничего себе...

– Это из книжки детской.

– А-а-а...

Джон Кишо

и бесчисленными,

Ибо я благословляю Господа своего Иисуса в его бесчисленных творениях».

Или вот еще:

«Да возрадуется Иаков младший с трескою, принесшей денежку Иисусу и Петру,

Ибо из глаз Божьих падают сети, уловляющие людей к их спасению».

Ну, в общем, такое...

Это тебе не Джон Кишо!

- Да-а-а. А там еще в той книжке кроме Джона Кишо были два чувака — Турп и Торп. И хомяк. Ну... Хомяк. Хомяк, поняла? Причем Хомяк, через букву А. И был Дракон Сопер. Он громко сопел, вот, и страшно комплексовал по поводу того, что не умел дышать огнем...

- О-о-о, как я его понимаю... (Еще одна тишина, секунд на семь.) А у нас снежок пошел. Снежок. Да... Так вот.

Уолт Уитмен, Вэн Клайберн, Джонни Виер

Как было бы здорово научиться писать умные, навороченные эссе, повторять в них слова «метафизический», «космогонический» и «трансцендентальный», не дрогнув ни единым мускулом довольно круглого лица. Я бы лёгким пером и парящим бы сердцем написала тогда о НЕКОТОРЫХ американцах — убедительно, проникновенно и сокрушаю-

- А ты думала — исторический деятель?

- Да.

- Ге-ге. Прикольно... Хочешь ириску?

- Хочу. По телефону.

- Я принесу, принесу.

- Ты смейся, смейся, а вот жил в Англии в восемнадцатом веке поэт Кристофер Сمارт, не из книжки детской, а именно «исторический персонаж». Его, Кристофера, засадили в дурдом — за то, что молился везде, на улицах всяких, и всем говорил: молитесь. И писал такие штуки:

«Да возрадуется Симон с кильками, чистыми

Кристофер
Смарт

ще! Ведь вот что меня удивило в мировом устройстве!

Как известно, в славянском мире сложилась ощутимая неприязнь к американской нации, да ведь? Из-за убиенных братьев индейцев, из-за Косово-Сараево, иракской нефти, из-за дяди Тома, из-за поверхностности и стандартности, из-за жЫрного наследия МакДональдса, из-за презренных попкорна и пепси-колы, из-за боевиков-ужастиков, Эминема и Бритни Спирс, из-за вопиющих золотворных денег.

Продолжи этот скорбный перечень сам, дорогой читатель.

Но помни, что раз в сто тысяч миллионов триллиардов лет эта нация путём благодатных немислимых генных комбинаций рождает и являет нам, всему миру, НЕКОТОРЫХ, особых. Эти люди мучительно отличаются от своих собратьев по родине, не утрачивая, однако, ментальной принадлежности. Да-да, они именно американцы, а не инородные тела в контексте своей страны. Но мы, славянские народы, любим этих НЕКОТОРЫХ всей своей широченной славянской душой. Они вызывают в нас ощущение тёплого, сокровенного, своего. Они становятся: как ржаной хлебушко — калачу дедушко, как «догорай, моя лучина» или «что-то слышится родное в долгой песне ямщика», они нам уже роднее почти любого русского. И мы говорим, вдыхая радостной широкой грудью запах то разгулья удалого, то сердечной тоски и, закусив золотой пшеничный колосок, с любовью говорим: эти добрые американские люди — из огромной прекрасной страны Америки, где по прериям скачут молодые мустанги, а бобры строят плотины в устьях рек (или где они их строят?), где большой пёстрый дятел барабанит по гулкому стволу поднебесной секвойи, где Колорадские горы (не жуки, заметьте) алеют бурым пламенем пурпурного оттенка на фоне тревожных далёких небес, а в полноводных речугах рыбы поблёскивают перламутровой чешуёй.

Я думаю, дорогой читатель, теперь тебе понятно, о каком явлении я толкую, о каких таких до боли родных нашему сердцу американцах. Я думаю, ты и сам теперь вспомнишь ТАКОГО американца (Одри Хепбёрн, к примеру). Вспоминай, дорогой читатель, вспоминай.

Мне лишь остаётся добавить, что Вэна Клайберна я в последний раз видела на конверте пластинки (запись концерта в зале Московской консерватории, где народ ликовал и, ликуя, оглушительно аплодировал). А в предпоследний раз я видела его в фильме Никиты Михалкова «Пять вечеров». Он там — в маленьком телике — играет «Споёмте, друзья, ведь завтра... чё-т-там... уйдём в предзвездный туман», потом говорит с умопомрачительным ак-

центом что-то очень хорошее. Кажется: «Я вас люблю!»

И Джонни Виер так говорит. «Спасибо, Расийа! Я тебя люблю!» — убедительно и вразумляюще. Джонни Виер — фигурист. При случае — посмотри его катание обязательно, дорогой читатель.

Он катается так, словно у него тёплый родничок бьёт из самого сердца.

Хор Евгения Сергеевича

Катъке

Я думаю: если бы не было этого хора, наше учебное заведение, сокрушённое Божьей карой, вскоре превратилось бы в огненный столп. Но хор есть — и оно стоит (по счастливой случайности — рядом с кондитерским магазином «Ведмедик», рядом с вафельными трубочками и мармеладом).

Что, конечно, припевать лучше хором — это все знают. И слух становится тоньше, и петь начинаешь чище, внимательнее, и многоголосие слышишь рельефнее, и ощущение ансамбля реанимируется (так говорят), в общем — всё оживает и приходит в чувство. Да, именно в чувство. Но не чувствительность приобретаемая пленяет нас, не острота слуха, не обновлённая, усугублённая полифоничность мышления нас восхищает и даже не пресловутое ощущение ансамбля вкупе со взявшейся невесть откуда симпатией к коллективному (да-да) творчеству — не это всё тянет нас на наш хор и удерживает руку Господа от метания испепеляющих молний. Главная радость, достояние и спасительная сила хора — его руководитель Евгений Сергеевич.

«Лёха! Представь, что ты поёшь в маленький горшочек!» — так говорит Евгений Сергеевич, учит. И мы смеемся ему, искреннему и простодушному. Наше пение — неисчерпаемый клондайк для его беззлобных смешных шуток, мгновенно нарождающихся и неизменно веселящих. И мы смеемся. Нам по душе его доброе личностно-индивидуальное отношение к каждому поющему — без перехода на братание и фамильярничанье, да ещё — стерженёк внутри, благодаря которому наш балованный хор не превращается в балаганище, галдящее скопище людское. Как он держит нас, как он нас радуется!

Евгений Сергеевич не старикан какой-нибудь, как вы могли подумать поначалу, а очень даже молодой человек. Консу (нашу) он закончил в прошлом году. Вот приходили на днях духопёры (в смысле — играющие на духовых инструментах) какие-то здоровенные однокурсники его и давай к Сергеичу приставать: «О, Жека, ну шо ты, Жека? Ха-ха-ха», — это один. А второй: «Ты Жеку не трожь, он у нас теперь педагог!» А Евгений Сергеевич: «Да, я — педагог», — тихо говорит.

Евгений Сергеевич — маленький. Почти с меня. Или — где-то с меня. (А я — метр пятьдесят восемь.) Его рост является неотъемлемой частью творческого процесса. Сергеич даже на стул иногда влезает и всегда честно, мужественно, недрогнувшим голосом спрашивает: «Всем меня видно?» Маленький, хорошенький — так мы говорим втихаря и улыбаемся, подмигивая друг дружке.

Реснички. Может, это кому-то покажется не важным поначалу, но мне-то, сидящей в первых альтах под самым его носом, под самой дирижёрскою рукою, эти реснички в глаза лезут, эти реснички ох как важны. И реснички, и камертончик, и дырка однажды на клетчатом рукаве, и бляшка на ремне, и обалденная сиротская голубенькая футболочка, и свитерки с пиджачками, и шутки-прибаутки, и Бог знает что ещё.

Когда басы не строят фразу, а поют грубо, делят музыку на бессмысленные слогги, Евгений Сергеевич говорит: «Ребята! (да, так и говорит) Это же не музыка! Это колбасный цех!» И передразнивает их, всё так дирижёрски-доходчиво показывает, что мы уж точно знаем, после какого слога очередная колбаса отправится в жизнь.

Басы — они вообще уязвимые ребята. Евгений Сергеич говорит, что это у них из-за толщины связок. Мол, у них связки длиннее, толще, чем у остальных нас, поэтому все процессы медленнее протекают (умственные тоже). Это на дирижёрско-хоровой кафедре известное поверье. А у самых-самых басов такие связки длинные, что утам-от в горле всё пространство занимают, аж дышать трудно — говорит. И ржёт. А уж мы-то как ржём. Мы просто-таки давимся смехом.

Басы у нас не нежные. Евгений Сергеич с ними каждый раз убивается, из себя выходит, краснеет, увещевает, а потом поёт им тоненько, как надо поёт, тендитно поёт, заливаётся. А я тогда обопрюсь щекой о ладонь — и слууууушаю. А он уже не знает, чем помочь этим басам толстосвязочным. И говорит: «Мужики! Ну представьте, что вы пришли к любимой девушке и целуете её! Как вы её целуете? Не так же!» И показывает, как они её целуют. И как надо целовать — показывает. (Для справки: на воображаемом объекте.) И тут лучше вспевают басы. И обрадован Евгений Сергеевич: «Ну вот! Ну вот! Вот видите — помогает!», — смеётся, а через две минуты снова кричит: «Басы! Что за звук?! Легенды шансона!»

Признаться, не только басы приносят Евгению Сергеичу неприятности. Бывает, он вздохнёт, обопрётся измождено руками о дирижёрский пульт (или о спинку учительского стула), тряхнёт головой буйной и исподволь проникновенно речь заводит: «Девушки, вы все очень красивые и все мне очень нравитесь... (С удовольствием цитирую.) Но представить себе не можете, какие вы красивые, когда хорошо открываете рот. Открывайте шире, ещё шире, а то звук плоский получается!» И девчонок из сопрановой партии передразнивает, писком пищит: «Ле-е-ета, многая ле-е-е-та! Что? Ле-е-ета? Что за ле-е-ета? Какая ле-е-та? Какая-какая? Много-гая?»

И мы поём, хорошо рты открываем. Щедрик-щедрик, щедрибочка, прилетела ла-а-астивочка. И Евгений Сергеевич говорит: «Ууу, какая у вас ластивочка здоровенная, жирная ластивочка».

«На меня! — кричит Евгений Сергеевич, — На меня! Вы что, издеваетесь? Все — на меня смотрите! Я же только что говорил: не дышать! А вы — дышите!» И так расстраивается и бледнеет, что хочется воскликнуть: «БЫы, родной! Прости нас, родной!»

Иногда мы очень стараемся, зажмуриваемся

почти (а всё равно видим, как дирижёр наш изгаляется, — то корчится в муках, то порхает вдохновенно), и теперь уж поём хорошо. Особенно здорово выходит, когда тихо поём, тихонько, чистенько, жалобно, душевно. Ненадолго нас хватает, но Евгений Сергеич всё равно радуется, как дитё малое: «Ну вот! Умнички! У меня аж всё перевернулось тут вот, внутри, аж комок к горлу подступил! Правда!» И правда. Веки у него на самом деле краснеют и припухают. Я-то в первых альтах сижу и вижу всё, мне его слёзы прямо в лицо сейчас брызнут. «Умнички! Я... готов каждого подойти и расцеловать сейчас... Кроме вас, мужики!»

Грешным делом я подумываю, подумываю — и крепнет во мне уверенность, что именно в этой — явленной нам — ипостаси руководителя хора Евгений Сергеич максимально распахнут, расправлен широкой грудью для вдохновения воздуха Божьего; не как друг, не как сын, не как певец, не как муж, и так далее, и тому подобное, а именно как руководитель хора он удивительно целен, прекрасен и незаменим.

Умные люди разное говорят, всё изъяны какие-то находят в хоре нашем, административные и психологические. И вроде бы аргументированно, внятно доказывают — почему всё так. И я понимаю, почему они так говорят. Я принимаю их правоту. Но не могу отделаться от мысли, что если бы не хор... гореть бы консе пламенным огнём.

На теперешней земле мне спокойно, может быть, только под крылом Евгения Сергеича, под его локтём дирижёрским, на нынешней земле, где я без смысла и света, где я собираю грязь на подошвах ботиночек и коплю на ресницах серую скверную мрячку, и отчаиваюсь, и боюсь. Только у Евгения Сергеича на хоре — хорошо. Как стоит он за пультом, как смотрит он, как говорит он, как поёт — всё важно, всё умиротворительно, всё благо. Золотой, тёплый Евгений Сергеич. Откуда вы такой взялся? Откуда такой хороший? И не важно, что басы не запоют чисто и стройно, не важно, что теноров мало, что альтов много, что сопраны пищат. Сколько б мы ни фальшивили, сколько бы ни лажали, сколько бы ни пищали, ревели, галдели и кукарекали, сколько бы ни возили грязюку туда-сюда по четверть- и полутонам,

ничто не испортит, никто не посмеет, не поругает, никто не омрачит наш хор, о Руководителю наш драгоценный, потому что мы вас любим и вы нас любите. Потому что вы заходите в хоровой утренний класс со светом на лице.

Чем, чем ответить на всё его доброе, родное, дышащее потрясающей жизнью? Лучшее, что я могу сделать — написать вот этот вот рассказ. Ну и всё. А Евгений Сергеич, живой, самый настоящий, приходит к нам два раза в неделю. Два раза — каждую неделю. Живой! И два важных часа поёт с нами, встаёт на цыпочки, подпрыгивает, кричит, разрывается, смеётся, дышит и плачет.

Боже мой, неужели всё это когда-нибудь закончится?

На Пасху

Притча

Христос Воскрес, пока мы спали, пока мы в поезде тряслись, пока грохочущие дали во тьме за окнами неслись — это мы ехали в Крым, в поход, в поезде Харьков — Симферополь, ехали с субботы на пасхальное Воскресенье. И звезда с звездой говорила.

Утром мы бодренько вскочили с верхних и нижних полок, стали доставать из рюкзаков у кого что было. В основном — пасочки, то есть куличи. И стали резать. И делить. И крошить сильно. И смеяться. И смотреть в пыльное-пыльное окно, где такое солнце! Нас было человек восемь в одном купе. Из соседнего пришёл прекрасный широкоплечий рыжий Антон. Христос Воскрес! Воистину Воскрес!

Антон осветил своим умным лицом всех нас, роняющих сладкие крошки на вагонный трясущийся пол и на себя (словно оставляя сие крошево для Духа Святого в голубином обличье).

Антон сказал: я от своего куска паски отказываюсь. Мне бы только можно бы кусочек сладенькой беленькой макушки, посыпанной весёлой разноцветной пудрой.

Мы сказали: можно! И отломил кусочек сладенького-беленького замечательному умному доброму Антону.

Из одноразовых стаканов мы пили красное вино, и солнце утреннее било в большое грязное окно. Вот в наше купе вошёл и друг Антона Сергей, тоже умный, добрый и замечательный, а к тому же — знаток испанского и мастер айкидо. Христос Воскрес! Воистину Воскрес!

Сергей сказал: а мне, спасибо, не надо пасочки. Я только отломлю сверху вот это самое беленькое-сладенькое...

Рисунки автора

Николай ТОЛСТИКОВ

Родился в г. Кадникове Вологодской области. После службы в армии работал в районной газете. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького в 1999 году (семинар Владимира Орлова). В настоящее время – священнослужитель храма святителя Николая г. Вологды. Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Горизонт» (США), журналах «Наша улица», «Русский дом», «Вологодская литература», «Север», «Лад», «Карамзинский сад», «Симбирскъ», «Крещатик» (Германия), «Новый берег» (Дания), «Венский литератор» (Австрия), коллективных сборниках, выходящих на Северо-Западе. Член Союза писателей России. Автор книг «Прозрение», «Лазарева суббота», «Пожинатели плодов». Победитель в номинации «Проза» международного литературного фестиваля «Дрезден-2007», лауреат «Литературной Вены» 2008 и 2010, лауреат международного конкурса, посвященного 200-летию Н.В. Гоголя, победитель конкурса имени Ю. Дружникова на лучший рассказ журнала «Чайка» (США).

УБОГИЙ

Рассказ

Нина Ивановна, спустя много-много лет, все-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучок простеньких свечечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших.

Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далекой юности...

Тогда все ее еще звали просто Нинкой-Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда ее отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмоскovie перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулся совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе – бывшем купеческом особняке в центре городка - домой не мчалась как угорелая – не мелочь пузатая уже, а вышагивала не торопясь, в окружении сверстников, форсисто задрав носик и помахивая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свернутая в тяжелую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге вдоль жидкого перелеска до бараков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась, как последняя трусишка. Еще бы – в продуваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными включенными космами волос на голове. Незнакомец, выглядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка хоть и боялась попрестальнее взглянуть в его сторону, все-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала – не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось – тряхнула косой, и тут же побежали наперебой. По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

- Яшки, что ли, боишься? - спросил один из провожатых кавалеров. - Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправду Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал ее, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию.

Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим неожиданным «поклонником».

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развернутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной еще почти летним солнцем улице, но передвигался довольно быстро, наклонив вперед голову с нечесаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлепками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие черные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили ухватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка хоть бы что, скаля зубы, упрямо пер вперед...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчик, а тот так в нем и остался. Старушонки прихожанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве – пруд пруди.

Вот так же, жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провожала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила – на осенний бал в городковском Доме культуры. В новом платье, стесняясь накинутаго на плечи старенького мамино пальто, она старательно обходила лужи, стараясь не

запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни, взрослый бал. К Дому культуры, расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, перешагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже были наглухо забелены, но лики святых все равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанной ми наспех в духе времени лозунгами.

Молодежь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей – кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча, костюме, с аккуратно причесанными волосами и подстриженной бородачкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, все с прежней своей блаженной улыбкой поднял над клавиатурой руки с длинными пальцами и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами, по упраздненному властями Божьему храму закрутились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлеченная танцем, она все время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всем на свете, без устали играя весь долгий вечер.

Все остались довольны: и танцоры, и любители просто поглазеть, подперев плечом стенку. Только непонятным было Нинке: почему это в своем углу, что-то шепча, украдкой крестилась бабка-билетерша...

Яшка после того вечера куда-то пропал; Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги ее как-то сами собой принесли к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка – мало что накажут, но и еще за свихнувшуюся посчитают.

У ворот Нинке встретилась та старушка-билетерша из Дома культуры.

- Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! - воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

- А кто она была?

- Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в еще не облетевших кустах у ограды.

- Перед войной, в тридцать седьмом, их всех забрали. Настенька-то от отца не отреклась – и ее тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, «заскребышку», особенный талант к музыке Господь дал. Парня

даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже — в тюрьму... - старушка заговорила еще тише. - И вот Яшка вернулся, то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибег домой, а родных никого в живых нет. Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя. Грех смертный задумал совершить — самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обрученной. И ты — вылитая она!

- Где сейчас он... Яшка? - спросила растерянная и потрясенная старухиным рассказом Нинка.

- Лежит, вон, в сторожке едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжело. Вот ведь судьба — памятью от прежней жизни одиноким у него остался, и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему приходится. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела уж пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала ее:

- Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он еще хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

- Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!..

Через пару дней немудреный семейный скандал был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сиденье открытого виллиса рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади.

Миновав околицу городка, машины вывернули на «большак». И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигурку, ковыляющую наперерез по полю.

Яшка застыл на дорожной обочине как вкопанный и, когда мимо, набирая скорость, проезжали машины, так же, как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался, и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко, оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго еще стояла у кануна, дожидаясь, пока не погаснет огонек поминальной свечки. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой ее юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм — несть им числа.

Фото Владимира Ламзина

Татьяна ЛОТОЦКАЯ,
член Российского Союза профессиональных литераторов

«БЛАЖЕН, В КОМ СЕРДЦЕ В ТАКТ С ЛЮБОВЬЮ БЬЁТСЯ И В ЧЬЕЙ ДУШЕ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА!»

Вечер памяти барда и поэта Евгения Белянина

В воскресный февральский день 2019 года в музее И.А. Гончарова, в белом зале торжественных событий прошёл творческий вечер, посвящённый памяти Симбирского – Ульяновского поэта, члена Союза профессиональных литераторов, композитора, автора и исполнителя Евгения Белянина (творческий псевдоним Гранд).

Белянина, смогла привлечь к созданию этой книги многих друзей-литераторов.

На вечере памяти Евгения Белянина собрались его родные и близкие, собраты по перу, библиотечные и музейные сотрудники, творческая интеллигенция родного Симбирска - это только небольшая часть тех людей, чьи судьбы каким-то образом пересеклись с судьбой Евгения и для которых он и его творчество стали неотъемлемой частью жизни.

Однажды он пришёл в наш поэтический Союз, в гостеприимный и творческий дом Токарчуков, в Салон поэта Елены Токарчук (1976-2007). И эта встреча, это содружество определило вектор развития души и песен Евгения Белянина (Гранд).

Понять святое таинство Вселенной ...

Безропотно принять свою судьбу...

Маяк души - прекрасная Елена !

Твой Божий свет я в сердце берегу.

(Евгений Белянин)

13 февраля 2019 года ему исполнилось бы всего 65 лет. Два года назад его не стало.

Уходят люди, их не вернуть,
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать.

(Евгений Евтушенко)

И именно Её величество Поэзия приоткрывает нам тайны бытия и тогда веришь:

Нет, весь я не умру - душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит,
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...

(А.С. Пушкин)

Ко дню памяти Евгения Белянина вышла из печати книга Нины Дубовик «Со мною вместе песенная Русь».

Нина Дубовик – писатель-краевед, поэт, человек, умеющий тонко почувствовать и передать всю красоту и гармонию русской речи - смогла собрать воедино страницы жизни и творчества Евгения

И в дальнейшем вся творческая жизнь Евгения Григорьевича была освещена Божественным светом, он был наделен талантом и огромным любящим сердцем!

Лишь был бы день событиями отмечен,

Была б душа, как небеса, чиста.

Я был любим, любил, а значит вечен

В сердцах детей, России и Христа.

(Евгений Белянин)

Еще в его жизни были литературные «Четверги», где встречи вела председатель ульяновской организации Российского Союза профессиональных литераторов поэт Лилит Козлова. Цветаевед, профессор, просто необыкновенная Личность, Человек Мира. Лилит Николаевна обладает удивительной способностью объединять людей. Книга со стихами Лилит попала когда-то в руки сыну Евгения Артёму. И здесь произошло удивительное сотворчество! Сейчас и Артём входит в Союз профессиональных литераторов, пишет и прозу, и стихи. На вечере в музее Гончарова он показал свой видеоклип, посвящённый памяти отца.

Вся семья Евгения - это удивительный творческий союз, его жена Любовь – поэт, и любовь освещала их путь! Старший сын Алексей сейчас в

Москве, а долгожданная и любимая доченька Анна жила рядом с отцом. Именно ей посвящены такие душевные стихи, которые невозможно читать без слёз.

Помню, давно ль засыпала, уставшая,
Ты у меня на руках.
Я целовал ноготочки, попавшие
В дырочку на ползунках...

Анюта пришла на творческую встречу, любимая всеми благодаря песням папы!

А сколько песен было спето за творческую жизнь Евгением Беляниным в библиотеке № 12, носящей имя В.И. Даля, в Клубе друзей и перед студентами электромеханического колледжа! Когда выступал Евгений Григорьевич мест в читальном зале не хватало, приносили стулья из детского абонемента. И читатели любили его слушать, всегда интересовались: «А когда будет выступать Евгений Белянин?».

Он полностью отдавался любому делу, и это ощущение радости и праздника жизни дарил просто самим собой!

А его работа в «Молодёжке» - это просто отдельная песня! Кем он только там не был! И журналистом, и художником, и охранником, и просто большим другом для всех! Невозможно не вспомнить его выступления и в геронтологическом реабилитационном центре, где ведущей клуба была любимая всеми нами Любовь Грязнова, поэт и просто человек героической судьбы! Скольким людям помогли эти выступления! Дали поддержку и надежду.

Выступает Татьяна Толоконникова

Книга Нины Александровны Дубовик «Со мною вместе песенная Русь» просто восхищает! Автору удалось показать Евгения Григорьевича глазами его друзей, собрать по перу, таким, каким он был в жизни! Книга позволяет представить зримый образ главного героя и вмещает все 62 года его жизни.

Нина Дубовик проделала большую работу, это самоотверженный благородный труд! В книге мы можем проследить историю жизни: от человека, ищущего свой путь, до преображенного и созидющего творца, живущего на стороне света, протягивающего руку помощи ближним.

Чудесный вечер был наполнен песнями на стихи и музыку Евгения Григорьевича.

В сотрудничестве с Ульяновским областным краеведческим музеем им. И. А. Гончарова, совместно с поэтом Ниной Климко Евгений Белянин осуществ-

лял проект «Со мною вместе песенная Русь», просто грандиозный по масштабу. Это был запомнившийся многим цикл встреч, где Евгений Белянин представлял свои многочисленные аудиодиски, исполнял свои песни. А в них было всё - и лирика, и философия, и патриотизм, и любовь к родному краю, к Родине, России!

Поэта, барда и патриота Евгения Григорьевича вспоминали в своих выступлениях библиотечные сотрудники (он во многих библиотеках города был родным человеком) и офицеры запаса, председатель правления Общества инвалидов «Союз Чернобыль» Николай Пряхин и Андрей Вениаминович Куликов, советник главы города Ульяновска, атаман ульяновского отдела Союза казаков - атаман ульяновского отдела Союза казаков - воинов России и Зарубежья и другие участники вечера. Выступали друзья, собратья по перу: Лилит Козлова, Любовь Токарчук, Нина Климко и многие другие.

Песни Евгения помогают молодёжи найти опору в современном бушующем мире, укрепляют их нравственно и духовно!

Я читаю «Алатырь»,
Понимаю «алтарь».
Дым отечества сладок
И приятен, как встарь.
Коль живут береги,
Нивы будут родить.
Русь и Богом, и хлебом
Будет жить !!! Будет жить!!!

И в городском Клубе поэтов при Центральной библиотеке имени И.А. Гончарова Евгений Белянин всегда был желанным гостем. Его песни любили и пели. Руководитель клуба - поэт, учитель школы № 66 Татьяна Толоконникова приглашала выступать Евгения много раз, и это всегда был праздник и радость для слушателей! И на вечере Татьяна Толоконникова поделилась своими воспоминаниями о друге.

А какой цикл песен написал Евгений Белянин на стихи Татьяны Карповой! В них пронзительно звучит афганская тема.

А сколько ещё неспетых душевных строчек, их допоют друзья, дети, внуки и правнуки!!!

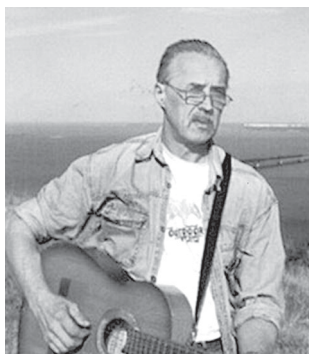
Я не ухожу, я остаюсь.
Всё такой же добрый и большой,
Обнимаю я тебя, моя святая Русь,
Сердцем обнимаю и душой.

Андрей Куликов

Участники встречи

Евгений БЕЛЯНИН (ГРАНД), поэт, бард. Родился 13 февраля 1954 года в Ульяновске. Окончил художественную школу и художественно-графическое отделение Ульяновского педагогического училища №1. Свою первую песню поэт написал в пятнадцать лет. Автор более 500 песен на свои стихи и 2000 песен на стихи ульяновских и современных российских поэтов, автор четырех сборников стихов и прозы. Член Российского Союза профессиональных литераторов. Умер 12 февраля 2017 года. Постановлением главы города в 2018 году одной из улиц и двум переулкам Ульяновска присвоено имя Евгения Белянина.

*Посвящается лучшей сестрёнке
на свете Аленьке*

Как годы быстро пролетели, не заметил,
Они не повторятся никогда.
Я с грустью вспоминаю годы эти,
Померкла надо мной одна звезда.
Куда ушло сиреневое детство?
В какую даль умчал его поток?
Где жили люди с облаками по соседству,
Где цвёл мой маленький,
Мой аленький цветок.
Ты вспоминай же, как мы любовались,
Смотря вослед пылающей заре.
И солнцу утром вместе улыбались,
Встречали первый дождик во дворе.
Там старый тополь с белою порошей,
И я бегу к тебе, я маленький бегу,
Твоей косынкою в оранжевый горошек
Играет ветер на песчаном берегу.
Бывали радости, бывали и ошибки.
О них присядем на минутку и споём.
Мы вспомним слёзы и счастливые улыбки,
Пусть эта песенка напомнит обо всём.
Мы детство позовём из тех дорожек,
Оно помашет нам издали.
Твоей косынкою в оранжевый горошек
И тополиным духом у виска.

Святая Мария Египетская

Как часто хотим мы душой в искушениях
выстоять,
Но тело бунтует, а совесть покорно молчит.
Марии Египетской слышу я горькую исповедь
В мерцанье иконы и в шёпоте воска свечи.

Печалится взор твой, Царицы Небесной
избранница –
Мой вестник расплаты, мой спутник
бессонных ночей,
Святая Мария – моя одинокая странница
В пустыне второй, неприкаянной жизни моей.

А где то далёко, Христовой дорогою вешнею,
Сквозь правду и ложь, сквозь зарю
и прибрежный туман,
Великим Постом между жизнью святою
и грешною

Несёт свои воды, как слёзы Небес, Иордан.
Из жизни земной что душою ослепшей
уносим мы? –
Насильем и ложью добытое в поте лица...
Святая Мария! Я иннок твой преданный, Зосима,
Прошу, научи покаянию наши сердца.

Дождусь ли зари я, души поднебесную житницу
Дождусь ли рассвета в мерцанье
пасхальной свечи?
Святая Мария, ты наша судья и защитница,
Надежду и веру в душе сохранить научи.

Как часто хотим мы душой в искушениях
выстоять,
Но тело бунтует, а совесть покорно молчит.
Марии Египетской слышу я горькую исповедь
В мерцанье иконы и в шёпоте воска свечи.

Я не уйду

Я не уйду, я остаюсь.
Пётр-привратник, отложи ключи .
Не хочу, чтоб в доме вашем поселилась грусть
В полумраке плачущей свечи -
Я не уйду, я остаюсь.
Преданный красавице земле,
Веткою берёзы вам я низко поклонюсь,
Той, что посадил я в сентябре.

Я не уйду, я остаюсь.
Снова будоражить вашу кровь,
Майскою сиренью обернусь.
Полыхнёт на ней моя любовь.

Что из праха превратится в прах?
Что от Бога, то бессмертно в ней...
Я в волшебных дочкиных руках,
В ласковой улыбке сыновей.

С вами остаюсь я навсегда,
И по мне не стоит горевать.
Тихо охраняя ваши вёрсты и года,
Я не стану вам надоедать.

Только над вечерней тишиной
Посвечу вам отблеском костра.
Прозвеню серебряной гитарною струной,
Буду петь до самого утра.

Я не уйду, я остаюсь
Трепетным дыханьем ветерка.
К платью твоему тайком я нежно прикоснусь,
Поцелую локон у виска.

Я любил тебя и в жизни той,
Уходя, тебя не покидал.
И своей молитвою над спящею тобой
Звёздочки удачи зажигал.
Даль пред нами, светлые миры...
Видишь, как сияет небосвод?
Соблюдая ход великой, шахматной игры,
Дальше нас вселенная зовёт.
Стоя у распахнутых дверей,
Сбросив тяжести земных оков,

Я прощаю всех своих любимых и друзей
И давно простил уже врагов.
Я не ухожу, я остаюсь,
Всё такой же добрый и большой.
Обнимаю я тебя, моя святая Русь,
Сердцем обнимаю и душой.
Я не ухожу, я остаюсь
Отблеском лампадного огня...
Как же я люблю тебя, моя святая Русь!
Если что, и ты прости меня.

Евгений Белянин (Гранд)

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

(опубликовано в книге Нины Дубовик
«Со мною вместе песенная Русь»)

Моя матушка, Белянина Валентина Павловна, в девичестве Евстифеева, накануне Прощёного воскресенья, поведала мне историю о строгой свекрови своей, Евдокии, уж много лет как ушедшей в мир иной.

Я помню грубоватые черты моей бабушки по отцовской линии, поэтому живо представил её рассказ, воплощённый в светлые образы далёкого детства

- Знаешь, Женька, а ведь раньше всё было не так, как нынче - позвонили по телефону, поздравили с праздником, попросили прощения у пластмассовой трубки и успокоились на том. В этот день бабушка Дуня всех детей и внуков требовала к себе, дабы все вспомнили о словах и делах своих обидных, сказанных и сделанных за целый год. И чтобы каждый, вспомнив, в порядке очереди испросил у неё прощения. В ответ она вспоминала, сколько сама успела нагрешить, гневаясь на нерадивых, непослушных детушек, и с поклоном просила прощения у них. И не дай Бог, Женька, если кто не придёт к ней на этот обряд. Ты знаешь, и хотелось вернуться от этой бабушкиной прихоти, просто пойти в гости к друзьям и за богатым закуской столом отгулять последний день перед Великим постом, да, видно, боялись, а может, уважали её верность семейным традициям. Шли и выстраивались у порога, и просили прощения, и слушали её покаяние.

Я спросил тогда матушку:

- Ну, а в душе-то прощали? Ведь, получается, вроде как по принуждению приходили.

У матери дрогнул голос, и нотка слезы прозвучала в телефонной трубке:

- Прощали, Женька. Ещё как прощали. Будто тяжёлый груз сваливался с души... которого и не замечали, к которому вроде и привыкли за год. И только когда он исчезал, мы понимали, каким он был тяжёлым и как легко сейчас душе и радостно без него. Вот на этих крыльях мы и летели уже к своим друзьям.

- А что же нам-то вы не передали эту традицию? - невольно вырвался упрёк из скверных уст моих. - Глядишь, может, не распались бы семьи ни у меня, ни у деток моих.

- Да кто ж его знает, сынок. Поменялись тогда традиции. Время другое настало.

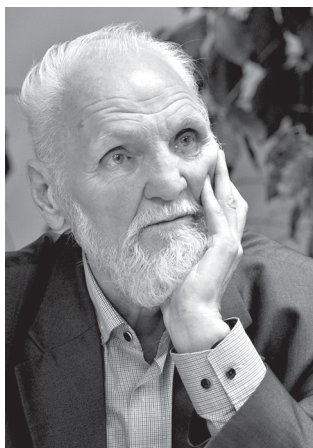
И подумал я в очередной раз, как легко развалить дом. Надо просто забыть о его святых углах, и он сам рассыплется. Но сколько же нам потребуется времени, чтоб восстановить всё по брёвнышку! Сколько потребуется духовных сил, чтобы вновь засияли образа, освещая его тёмные углы, наполняя их светом, любовью и прощением друг друга.

- Мам! Ты меня спрашивала, зачем мне всё это надо - ездить за свой счёт на маршрутке во все концы города и области и петь бесплатно для молодого поколения свои песни. Я не знал, что ответить тебе. А теперь понял. Какие деньги?! Я же долги свои отдаю, мам. И свои, и ваши, и наши. Не могу я с ними предстать перед Богом, коли дал он мне возможность душою своей рассказать о забытой нами любви. Коли дал Он мне возможность испросить прощения у внуков за порушенные когда-то образа, за забытые традиции, что сохраняли и семейный очаг, и государственность, и матушку-землю нашу многострадальную, превратившуюся ныне просто в источник потребления, пока не высосет её технический прогресс до последней кровинки. Но это уже другая история. А пока... прости меня, мама, за то, что не был заботлив и ласков, как бы ты хотела. Простите, дети и внуки, за то, что не смог вам дать того, что определено вашими желаниями.

Хотелось бы оправдаться: мол, я учился любви у времени. Да голос души не позволяет сказать эту ересь. Не время виновато. Виноваты мы сами во времени. Так простите же меня. А я вас давно простил.

С любовью, сын, брат, отец и дедушка, друг, сосед и просто незнакомый человек.

Евгений Гранд

Владимир КРУПИН родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. В 1974 году выпустил первую книгу «Зёрна», за которую был принят в Союз писателей СССР.

Автор повестей «Великорецкая купель», «Живая вода», «Во всю Ивановскую», «Ямищцкая повесть», «Слава Богу за всё», «На днях или раньше» и др. Автор книг «Православная азбука», «Русские святые», «Детский церковный календарь», «Освящение престола», «Ловцы человеков» и др. Лауреат Патриаршей литературной премии. Живет в Москве.

Владимир Николаевич Крупин несколько раз бывал в нашем городе, принимал участие в традиционных Гончаровских праздниках, был желанным гостем в музее И.А. Гончарова, в ульяновских библиотеках. Писатель откликнулся на просьбу редакции журнала «Симбирск» и прислал для публикации свои рассказы, предпослав им сердечное вступительное слово.

«В день памяти святого блаженного Андрея, ангела-хранителя Симбирских пределов, пишу свою благодарность читателям Ульяновска. Здесь я бывал неоднократно, здесь так особенно прекрасна наша Россия, умываемая матушкой Волгой, здесь бережно хранится память о прошлом и создается будущее. Таков град Ульяновск и его люди. Такова Елена Викторовна Кувшинникова, прошедшая опыт издания журналов «Мономах» и «Карамзинский сад», а теперь вот - полнометражный «Симбирск». Замечательный, сердечный поэт, очень болеющая за сохранение традиций русской литературы.

Здесь родина моего любимого прозаика Гончарова и «огончарованные» им труженицы на ниве культуры.

Всегда помню ваш и мой город. И представляю: вот в комнату, выходящую окнами на реку, вносят журнал с моими рассказами и садятся с ним в кресло. И закатное солнце освещает страницы. И я ощущаю внимание к моему тексту и очень надеюсь, что оно доброжелательно. И мне, и читателю становится легче жить в наше нелёгкое время.

Сердечно, Владимир Крупин»

ИЗ КНИГИ «БУМАЖНЫЕ ЦЕПИ»

Книга о детях для детей и взрослых

Детство больше всей остальной жизни. Детство – главное время нашей жизни. Оно навсегда. Его царапины, обиды, переживания со временем забываются, и остается одно – всесветное сияние счастья быть на Божьей земле.

«Дети, дети, куда вас, дети?» - так весело и ласково говорила нам мама. Такое у нее было присловье. И во мне навсегда те теплые зимние вечера, когда мы залезали на печь и на полати, а мама читала нам книги. Когда я стал взрослым и вспоминал, как мы замирали, слушая ее, мама сказала, что очень жалела наши глаза: свет был плохой - коптилка или керосиновая лампа, и вот, чтобы сохранить наше зрение, она читала вслух. Но мама сохранила не только наше зрение, она сохранила и наши сердца. Ведь она читала книги удивительные: русские народные сказки и былины, Пушкина, Тютчева, Кольцова, Сурикова, Некрасова, Жуковского. Вся жизнь я помню свою первую книгу «Родные поэты». Вначале я ее услышал. Потом прочел сам.

И всегда мне хочется, чтобы в наших семьях были такие минуты, а может, и часы, чтения, когда взрослые читают, а деточки слушают. В этом - редчайшее единение душ и сердец.

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ МАЛЕНЬКОГО ВАНЕЧКИ

(страницы из повести в рассказах)

Как бы до лета дожить

Мальчик Ваня очень любит, чтобы ему читали сказки. Он думает, что всё, что происходит в сказках, происходит с ним. Это он всегда побеждает и Змея Горыныча, и Бабу Ягу, ведь он смелый. Из-за сказок, и еще из-за того, что у Вани есть сестра Алёнушка, его стали звать братцем Иванушкой. Когда Алёнушка была маленькая, она была хорошая. Дома немного пищала и ела, а на улице спала. Но стала подрастать, научилась ходить и говорить, ведь Ваня же и учил её говорить (а лучше бы не учил), и стала всё про Ваню рассказывать. Выдаёт, например, что Ваня не ест мясо, а потихоньку уносит во двор собаке Буське.

Сейчас весна. Ваня сидит дома, потому что, как говорят, он «гулять, как все люди, не умеет», что его одного на улицу нельзя отпускать.

- Вот придёт Коля из школы, с ним можно, — говорит бабушка.

- А с дедушкой? - спрашивает Ваня.

Бабушка молчит. Ваня идёт к дедушке. Дедушка работает в боковой комнате, он столяр.

- Дедуш, можно мне на улицу?

- Конечно!

- А бабушка не отпускает.

Дедушка идёт к бабушке на переговоры. Ваня знает, что дедушка скажет: «Я - старый солдат! Будущему мужчине нужна закалка!» А бабушка ответит: «Ты-то солдат, да внук-то ребёнок». - «Почти пять лет! - закричит дедушка. — Какой это ребёнок? Я в его годы...». Но дедушке и слова не дадут сказать о том, что он делал в Ванины годы, их обоих сажают за стол.

И кормят, и кормят! Дедушка ест почти без замечаний, а на Ваню они сыплются непрерывно:

- Ногами болтать нельзя! Разговаривать нельзя! Без хлеба есть нельзя! Один хлеб есть нельзя! Компот нельзя пить перед супом! Без супа обедать нельзя! Громко жевать нельзя!

- Кто такое издевательство выдержит? - спрашивает дедушка, бросает ложку и выходит на крыльцо.

- Арбуза хочу! - сердито говорит Ваня.

- Вот и хорошо, — радуется бабушка, — скоро лето, скоро огурцы вырастут и мёд свежий будет. Разрезать огурец, полить мёдом - будет лучше любого арбуза.

Приходит из школы старший брат Коля. Его за стол сажать не надо, садится сам. Ест всё подряд, и ногами болтает, и говорит с полным ртом, и глотает, не пережёвывая пищу. Ему всё можно.

- Вот пойдёшь в школу, — говорит бабушка Ване, — узнаешь, как тяжело грамота достаётся.

Но по Коле что-то незаметно, чтоб в школе было тяжело. Наоборот, тяжелее сидеть дома.

Также никаких замечаний бабушка не делает Лене. Хотя Лена тоже болтает ногами, а суп вообще не ест, только молоко.

Но, оказывается, ещё кое-кто не обедал. Он проснулся и о себе напоминает громким криком:

- Забыли Цезаря! - кричит он. — Цезарь хороший! Посмотрите на Цезаря! Цезарь красавец! Хороший Цезарь!

Это попугай. Папа привёз его из города, когда ездил на областное совещание механизаторов. Он говорил, что привёз попугая в подарок Ване, но это обман-попугай сразу стал маминим и бабушкиным. И назвали его вовсе не Петькой, а каким-то Цезарем. Кормить его приходится тайком. Но за это ругают. И выдаёт Лена.

Ваня быстро пьёт компот, благодарит за обед и идёт во двор. Там дедушка, у него и во дворе мастерская, он делает рамки для ульев. Дедушка даёт Ване настоящий рубанок, кладёт поверх Ваниных рук свои, и они вместе строгают доску. И Ваня успокаивается. Хорошо с дедушкой.

- Баню надо истопить, — говорит дедушка, когда они садятся отдыхать. — Баня — это да. Не то что какая-то ванна.

- Дедуш, — спрашивает Ваня, — почему это так: все говорят, что я большой, и ничего не разрешают?

- Терпи, — отвечает дедушка, — меня до сих пор твоя бабушка за человека не считает.

- Говорит что?

- Говорит, что я хуже маленького.

- А это хорошо или плохо?

- Для меня так хорошо, — отвечает дедушка.

- Я не хочу быть большим, хочу быть маленьким.

- А я хочу быть большим! - упрямо говорит Ваня.

- Будешь!

- Когда?

- Когда вырастешь.

- А когда вырасту?

- Летом, — отвечает дедушка. — Летом быстро растут.

«Скорей бы лето», — думает Ваня.

Баня

Суббота. Холодно. Дедушка топит баню. Баня маленькая и старая, дров просит много. Дрова в баню идут берёзовые. Они жаркие. Дым от них густого молочного цвета. Его так много, что он не успеваешь выйти в трубу, и дедушка распахивает дверь. Ване жалко тепла, но дедушка объясняет, что самый жар не в огне, а в углях и накалённых камнях. Печка в бане сложена из речных камней и называется каменка. Дедушка объясняет, что бане скоро сто лет и что он свой век доживёт с баней.

- А они как хотят, — говорит он.

Близится вечер. Над посёлком встаёт полная красивая луна. Дедушка собирается в баню. Бабушка наказывает, чтоб он не мучил ребёнка. Коля уже слазил на чердак за веником, но в баню не идёт, он моется в ванной.

- Может, и ты не пойдёшь? — спрашивает бабушка Ваню.

- Дело его, — говорит дедушка, но видно, что рад, когда Ваня молча одевается.

И вот они на улице. Морозит. Дедушка сажает Ваню в санки, кладёт ему на колени сумку с бельём и веником; Ваня едет в санках и смотрит, как луна вместе с ними едет над лесом, как санки убегают от своего блестящего следа.

В предбаннике разделись. В саму баню дверь примёрзла, и дедушка ударил её пяткой. Вошли, зажгли свет.

- Привыкай, — сказал дедушка и стал в большом тазу кипятком заваривать веник.

Сразу запахло лесом.

Ваня привык к жару и хотел мыться, но дедушка не велел мочить голову, зачерпнул ковшем воды и плеснул на каменку. Так рвануло, что отодрало снова примёрзшую дверь. Дедушка придержал её и снова поддал. С потолка закапали холодные капли. Уши у Вани загорелись от жара. Ваня присел, а дедушка полез на полук.

- Ну-ка, ну-ка, солдат, не гнишь под огнём, иди на передовую! — позвал дедушка.

Как ни страшно Ване, а виду не подал, тоже полез наверх. Дедушка, жалеючи, немного похлестал его и отправил вниз, а сам принялся бить себя по спине, по бокам, по груди.

Когда Ваня вымылся, то подумал, что сейчас дедушка окатит его и отправит одеваться, но, оказывается, дедушка ещё только-только начал париться, и Ване бросать дедушку никак нельзя — он нужен старому солдату.

Дедушка так поддавал на каменку, она так взрывалась, что баню только чудом не разносило по брёвнышку. А Ванина работа была такая: зачерпывать ковшем воду из бочки у дверей и лить её дедушке на голову. Вверх — вниз, вверх — вниз. Ваня так разогрелся, что и на себя плескал воду, чтоб охладиться. А когда дедушка кричал «Отдохни!», а сам поддавал на каменку, то Ваня подползал к дверям и утыкался лбом в обледеневший порог. Лёд под головой таял.

Долго парились. Даже луна сдвинулась, это Ваня заметил, когда оделись и вышли. Дедушка старался поильнее закутать Ваню, а Ване хотелось бежать по морозу в одной рубашке, вот уж напарился! Зато и чаю они выпили за ужином! Дедушка хвалил Ваню за выносливость. Ваня сидел гордый и, конечно, не сознавался, что ещё немного — и просил бы пощады.

- А дедушка как обольёт меня! — хвалился он перед Колей. — А я хоть бы что!

- С гуся-лебедя вся вода, с нашего Ванечки вся худоба, — добавляла мама.

На печке

Баня и печка вылечивают от всех болезней. Почти от всех. Так считает дедушка. И даже бабуш-

ка, всегда несогласная с дедушкой, в этом с ним соглашается.

Простуда лечится так. Ребёнка, и дедушку тоже, поят чаем с мёдом или малиной и посылают на печку, а там ещё укрывают шубой. Потом потного, распаренного ребёнка переодевают в сухое бельё и на руках относят в кровать. Дедушку нести не надо, идёт сам. Вот и всё лечение.

Живот лечится ещё проще. Надо лечь голым животом на горячие кирпичи и терпеть. На животе потом долго остаются отпечатки щечок, а опилки приходится выковыривать.

Но если бы даже печка ничего не лечила, Ваня всё равно бы любил её. На ней всегда хорошо. Ваня сидит на печке и выдумывает про себя, что он — Емеля и что его печка может сама ездить по улицам.

- Разве можно было такую красоту ломать? — спрашивает дедушка.

Это он о соседях, о Санькиных родителях. Они сломали печку, перешли на паровое отопление. У них в избе пусто.

В дальних углах печки стоят старые валенки. Их не выбрасывают. В них осенью кладут помидоры, не успевшие вызреть на грядке. В огороде у помидоров скорее краснеет серединка, а в валенках — поверхность. Ваня раз по пять, по десять тревожит помидоры, проверяет, не покраснели ли. Иногда съедает и жёлтыми.

Зимой на печке сушатся валенки. Вечером их забрасывают, а потом Коля или чаще Ваня залезают на печку и расставляют. В середину ставятся высокие, толстые валенки отца и короткие, огромные валенки дедушки, а по бокам лепятся валенки поменьше. Если днём пилили дрова, то на валенках остаются опилки, и на печке пахнет смолой. Мамины выходные валенки-чёсанки всегда чистые и аккуратные, а бабушкины — грязные, подшитые. Их сушат отдельно. В них бабушка ходит в хлев.

Иногда зимой бывает такой счастливый вечер, когда они почти всей семьёй собираются на печке и читают вслух.

Читает Коля. Читать вслух полезно, считает бабушка. Но если что-то Коля прочёл заранее, то вредничает, торопится, пропускает слова. Ему неинтересно. А Ваня — наоборот, он может много-много раз слушать то, что понравилось. Выучивает наизусть, берёт в руки книжку и как будто бы читает: «Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!»

Верба

Весной самой первой среди кустов и деревьев зацветает верба. Ваня долго не мог привыкнуть, что её называют по-разному: ива, ветла, ракитник, тальник, краснотал... А это всё верба. Мальчишки лезут за ней по ещё глубокому снегу. Намаывают полные руки и тащат домой. В другой бы раз мама ругала за мокрую обувь и одежду, а тут нет. Она берёт веточку, на которой сидят крохотные серенькие зайчики, и проводит ею по ладошке, по щеке.

Веточки ставят в воду. Вскоре вербные серёжки становятся пушистыми, желтеют и, осыпаясь, золотят скатерть.

Этой весной и Ваня ходил за вербой. Весна взялась разом, таяло дружно. По улицам неслись просторные быстрые ручьи. Ребята бросали в ручей щепочки и бежали рядом, следя, чей корабль плывёт быстрее.

Потом ручьи измельчали и вовсе пересохли. Зеленеющие заречные луга дымились под солнцем.

- Скоро дикий лук вырастет, - мечтали ребята.

Весной они досыта наедались сиверихи - нежных, покрытых жёлтыми лепесточками сосновых зародышей. И вообще, кажется, весной ребята ничего и не ели, кроме этих шишечек, да дикого лука, да хвоща, и ничего, кажется, не пили, кроме берёзового сока.

Вербные веточки не выбрасывали так просто. Они очень живучие, и их втыкали во влажную землю на берегу. Другими веточками выгоняли в поле коров. Дедушка сказал, что таков старый крестьянский обычай.

А ещё бывала забава, про которую дедушка сказал, что она тоже очень древняя и что они тоже так в детстве играли, эта забава - в шутку стегать друга друга вербой. И при этом кричать:

- Вербохлёт — бей до слёз!

- Верба бела бьёт за дело!

- Верба красна бьёт напрасно!

Земля высыхала и становилась тёплой.

Растем

Летом многое переменилось во дворе. Увели колхозное стадо телёнка Февралика. Но это-то не беда, ему там хорошо, и его можно увидеть. А вот Цезарь улетел совсем. Виновата Лена. Она выпросила клетку с попугаем погулять, а во дворе открыла дверцу. Она говорила, что открыла её, чтобы Цезарь подышал свежим воздухом. Как будто воздух не проникал сквозь прутья. И Цезарь улетел. И не вернулся. Где он теперь? Кому он кричит, что его забыли, что он красавец, чтоб на него посмотрели? Понимают ли его лесные птицы?

А вот козлёнок Прыгун хоть и убегает со двора, но молодец - всегда вернётся. Он пролезает в любую дырку, он очень хитрый. Он убегает пасти в дальние огороды, свой не трогает. Возвращается довольный. Бывают за ним и погони, но Прыгуна не догнать.

С Буськой у Прыгуна плохие отношения. Когда Буська лает, Прыгун выставляет на неё крепкие, растущие рожки. Так проходит несколько минут, потом Буська и Прыгун расходятся, каждый считает себя победителем.

Прыгун весь избегался, исхудал, и вредный Санька стал звать его Скелетом. Мало того, он даже звал его Барабанная шкура. Своем горькое, что Прыгун откликался на эти прозвища. А на собственное имя отзываться перестал. Уж как Ваня ни кричал, козлёнок уходил играть с Санькой. Буська при этом радовалась, она подбегала и валилась на траву сверху лапами, чтоб с ней поиграли. Но Ване хотелось играть вместе со всеми.

Однажды Ваня стоял во дворе и смотрел на небо, а Прыгун разбежался сзади и ка-ак поддаст Ване под коленки, Ваня даже на него верхом сел, а Прыгун и рад-радехонек. Встал Ваня на ноги, не рассердился на Прыгуна, а изумился: и это тот

самый козлёнок, который умещался в мотоциклетном шлеме, которого Ваня таскал на руках? Неужели это он? Ну конечно! Попробовал Ваня поднять Прыгуна на руки, тот прямо сам на руки скачет, а поднять его тяжело. И всего за полгода? Вот это растёт!

Смотрит Ваня вокруг - все растут. Цыплята давно ли вылупились, а уже гребешки обозначились, и уже стараются петь, как петухи. Кролики у Саньки такие толстые, еле по двору перешлёпываются. Всю капусту соседей съели. О телёнке Февралике можно и не говорить, это просто бык. А давно ли этот Февралик родился? В феврале. Давно ли Ваня кормил его из соски, давно ли Февралик топал ножками так, что Ваня думал, что это оленёнок Серебряное копытце из сказки. Казалось, телёночек сейчас топнет ножкой - и из-под копытец вылетят разноцветные искры. Давно ли Ваня смотрел в глаза телёнку и думал, что телёнок видит больше, чем он, потому что глаза у телёнка большие. Да, давно ли?

А деревья? У тополя листья больше, чем Ванины, ладошки, а давно ли были одни липучие почки? А уж лопухи! Такие огромные, что под ними в жару прячется Буська, а недавно Алёнушка заблудилась. Но и Алёнушка растёт. Дедушка ей делает новую кровать. И Коля растёт, мама с папой говорят, что к осени ему нужна новая форма, из прежней вырос.

Всё растёт, всё. Огурцы давно ли были с ноготок мизинца, а теперь сорвёшь - и в кармане заметно. Морковь растёт, давно ли были мышинные хвостики, а теперь потянешь за ботву - и она отрывается: такая большая морковка в земле.

Что и говорить, всё растёт и все растут, все! Кроме Вани. Ваня не растёт, застрял. Застрял на одном месте. Вот беда так беда!

Пошёл Ваня к бабушке:

- Бабушка, чего это я совсем не расту?

- А ты ешь получше, - ответила бабушка, - вот и все дела. И будешь расти. Смотри, как Коля молотит, скоро отца перерастёт. Деда уж перерос.

- А дедушка плохо ест?

- Он всю жизнь плохо ел.

- А как же тогда вырос?

Бабушка засмеялась.

- Бабушка, дай мне поесть.

- Поешь, миленький, поешь. А чего тебе дать?

- Чтобы я вырос.

- Возьми хлебушка кусочек.

- Отрежь мне большой-большой!

Бабушка отрезала Ване большущий кусок ржаного хлеба. А ещё разрезала свежий огурец и полила мёдом. Огурец Ваня съел, не отходя от бабушки, а с куском хлеба вышел во двор. Посмотрел на кусок, сел на лавку и стал есть. Ел, ел. Подошёл дедушка, спросил:

- Чего больно маленький ломоть-то взял?

Ваня поделился с дедушкой, отщипнул кусочек. Подошли к Ване курицы и петухи. Ваня и им покрошил хлеба. Подошёл Прыгун. И его Ваня угостил. Тут пришла пора Декабринку из стада встречать. Ей Ваня скормил оставшийся кусочек хлеба.

- Растите все, - говорил добрый Ваня, - растите большими, а я уж как-нибудь...

Рассказы

Прошли времена, остались сроки

«Прошли времена, остались сроки», - это так бабушка Лиза говорит.

Стала она так говорить, когда заметила, что в ее «годовой» лампаде стало больше масла. То есть не больше масла, а его стало хватать на большее время. Раньше лампаду заправляли на Пасху, и она горела до следующей Пасхи, ровно год. А сейчас масла наливается столько же, а лампада горит до Вознесения, то есть еще больше месяца. Какой отсюда вывод? Отсюда бабушка выводит, что времена сократились, ускорились, все начинает торопиться к концу света.

В этом с бабушкой согласен ее внук Сережа, а также бабушкин «допотопный», как она говорит, знакомый, старенький отец Ростислав. Он уже не служит, живет недалеко и потихоньку, с палочкой, приходит в гости.

Они сидят с бабушкой за многочасовым чаем и вспоминают прошлую жизнь. Сережа сидит тихонько и слушает старичков - и приходит к такой мысли, что раньше жить было тяжело, но хорошо, сейчас жизнь стала легче, но тяжелее. Как так? А вот так.

- Раньше, сестричка, - говорит бабушка, - служишь литургию и не знаешь, дадут ли слуги антихристовы дослужить. Но уж зато и знаешь, что Христос во всех твоих прихожанах, а сейчас служишь-служишь, а потом своих же прихожан на каком-нибудь дьявольском сборище видишь.

- Грех на них, - успокаивает бабушка Лиза. - Уж нам с тобой за землю не надо держаться, нам на небо со страхом взирать.

- Сгорит, сгорит вся земля, - говорит бабушка и с трудом поднимается. - А проводи-ка ты меня, раб Божий Сергей, до обители отца Виктора.

Сережа этому рад-радехонек. Обитель отца Виктора - это большая квартира в большом доме. Но какая бы ни была квартира, она, конечно, мала для семейства бабушки. В ней столько людей, что Сережа не смог их ни разу сосчитать. Даже детей, не говоря о взрослых. Жена отца Виктора, попадья матушка Зоя, называет семейство табором, а отец Ростислав - колхозом.

Отец Ростислав часто останавливается, но на встречные лавочки не садится: потом тяжело вставать. Стоит, одной рукой опирается на палочку, другой медленно сверху вниз проводит по седой легкой бороде. Ласково глядит на Сережу.

- Ты ко мне на могилку приходи. Посиди, помолись. Батюшкой будешь, панихидку отслужишь, а то и так наведай.

- Еще бы! - говорит Сережа.

В доме отца Виктора, как в «саду Могоморы». Это выражение матушки Зои. Детей у них уже перевалило за десяток. Все тут есть: и Ваня, и Маша, и Гриша, и Владимир, и Екатерина, и Надежда, и Василий, и Нина... всех не упомнишь. Шум, крик, стычки.

Матушка жалуется отцу Ростиславу, как ей достается.

- Молись, - говорит отец Ростислав. - Большие труды - великая награда.

- Когда мне молиться-то, когда? - восклицает матушка. - Отец Виктор безвыходно в храме или на требах, по старухам ходит, избаловал их, могли бы и в храм приползти.

- Матушка, не грехи, не грехи! - торопливо перебивает отец Ростислав. - Муж твой, венчанный с тобой, - вельми zelo большой труженик. А Богу молиться всегда время и место. Ты ведь небось от плиты не отходишь?

- Цепями прикована!

- И молись! И картошку небось чистишь?

- По ведру!

- Ну вот. Ножиком нажимаешь, картошку повертываешь и говори: «Господи, помилуй», «Господи, помилуй», «Господи, помилуй»...

Тут они, привлеченные ссорой, идут разбираться, в чем дело. Конечно, дети не поделили игрушку.

- Лежит - никому не надо, - говорит старенькая бабушка, мама батюшки. - А как один взял, другому именно ее и надо.

Батюшка Ростислав терпеливо объясняет обступившим его детям:

- Силой, конечно, можно отобрать. Но на всякую силу есть другая сила. На пистолет - ружье, на ружье - автомат, на автомат - пулемет, на пулемет - пушка... Но это не сила, а дурь. А есть сила - всем силам сила. Какая? Это смирение. Хочется тебе поиграть, а ты скрепись, перетерпи, уступи. Смирись. И победишь терпением. Вот сейчас проверим. Нина, ты ссорилась? Из-за какой игрушки? А-а, из-за этой машинки. С кем? Как тебя зовут? Вася? Беритесь, тяните, как тянули. Так. Кто сильнее? Вася. А у кого смирение?

- У Васьки, у Васьки! - кричит Нинка.

- Вот он, женский характер, - говорит отец Ростислав. - Быть тебе, Нина, регентшей.

Передав отцу Виктору поклон, Сережа и отец Ростислав идут на улицу. Сережа обнаруживает у себя в кармане конфету, а отец Ростислав - пряник.

Сережа провожает батюшку и возвращается к бабушке Лизе.

Она вяжет ему носочки. Вяжет, нанизывает на спицы бесконечные петельки и шепчет при этом: «Господи, помилуй», «Господи, помилуй», «Господи, помилуй»...

Молитва матери

«Материнская молитва со дна моря достанет» - эту поговорку, конечно, знают все. Но многие ли верят, что поговорка эта сказана не для красного словца, а совершенно истинно и за многие века подтверждена бесчисленными примерами?

Отец Павел, монах, рассказал мне случай, происшедший с ним недавно. Он рассказал его, как будто все так и должно было быть. Меня же этот случай поразил, и я его перескажу, думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к ее сыну. Исповедать. Назвала адрес.

- А я очень торопился, - сказал отец Павел, - и в тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А еще через день рано утром она мне снова встретила, очень взволнованная, и настоятельно просила,

прямо умоляла пойти к сыну. Почему-то я даже не спросил, почему она со мной не шла. Я поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина. Очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий. Смотрел на меня дерзко: я был в облачении. Я поздоровался, говорю: ваша мама просила меня к вам зайти. Он вскинулся: «Ладно врать, у меня мать пять лет как умерла». А на стене ее фотография среди других. Я показываю на фото, говорю: «Вот именно эта женщина просила вас навестить». Он с таким вызовом: «Значит, вы с того света за мной пришли?» — «Нет,— говорю, — пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в храм». — «А если не приду?» — «Придешь: мать просит. Это грех — родительские слова не исполнять».

И он пришел. И на исповеди его прямо трясло от рыданий, говорил, что он мать выгнал из дому. Она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он даже и узнал-то потом, даже не хоронил.

— А вечером я в последний раз встретил его мать. Она была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого темный. Очень благодарила и сказала, что сын ее прощен, так как раскаялся и исповедался, и что она уже с ним виделась. Тут я уже сам с утра пошел по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг.

Вот такой рассказ отца Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там ее молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно — умереть без покаяния, без причастия. И главное: значит, она любила его, любила своего сына, даже такого, пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участи грешников, сделала все, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она, и только она, силой своей любви и молитвы.

Река Лобань

Но до чего же красива река Лобань! Просто как девочка-подросток играет и поет на перекатах. А то шлепает босиком по зелени травы, по желтизне песка, то по серебру лопухов мать-и-мачехи, а то прячется среди темных елей. Или притворится испуганной и жметя к высокому обрыву. Но вот перестает играть и заботливо поит корни могучего сонового бора.

Давно сел и сию на берегу, на бревнышке. Тихо сию, греюсь предвечерним теплом. Наверное, и птицы, и рыбы думают обо мне, что это какая-то коряга, а коряги они не боятся.

Старые деревья, упавшие в реку, мешают ей течь плавно, зато в их ветвях такое музыкальное журчание, такой тихий плавный звон, что чуть не засыпаю. Слышу - к звону воды добавляется звоночек, звяканье колокольчика. А это, оказывается, подошла садаи корова и щиплет траву.

Корова входит в воду и долго пьет. Потом поднимает голову и стоит неподвижно, и смотрит на

тот берег. Колокольчик ее умолкает. Конечно, он надел ей за день, ей лучше послушать говор реки.

Из леса с того берега выходит лосиха. Я замираю от счастья. Лосиха смотрит по сторонам, смотрит на наш берег, оглядывается. И к ней выбегает лосенок. Я перестаю дышать. Лосенок лезет к маминному молочку, но лосиха отталкивает его. Лосенок забегает с другого бока. Лосиха бедром и мордой подталкивает его к воде, показывает, как надо пить воду. Лосенок окунает мордочку, но вода после маминного молочка не очень ему нравится, он фыркает. Все-таки немного пьет и замечает корову. А корову, видно, кусает слепень, она встряхивает головой, колокольчик на шее брякает, лосенок пугается. А лосиха спокойно вытаскивает завязшие в иле ноги и уходит в кусты.

Начинается закат. Такая облитая светом чистая зелень, такое режущее глаза сверкание воды, такой тихий, холодеющий ветерок.

Ну и где же такая река Лобань? А вот возьму и не скажу. Она не выдумана, она есть. Я в ней купался. Я жил на ее берегах.

Ладно, для тех, кто не сделает ей ничего плохого, скажу. Только путь к Лобани очень длинный, и надо много сапогов сносить, пока дойдешь. Хотя можно и босиком.

Надо идти вверх и вверх по Волге - матери русских рек, потом будут ее дочки: сильная, суровая Кама и ласковая Вятка, а в Вятку впадает похожая на Иордан река Кильмезь, а уже в Кильмезь вливается Лобань.

Вы поднимаетесь по ней, идете по золотым пескам, по серебристым лопухам мать-и-мачехи, через сосновые боры, через хвойные леса, вы слышите ветер в листьях берез и осин и вот выходите к тому бревнышку, на котором я сидел, и садитесь на него. Вот и все. Идти больше никуда не надо и незачем. Надо сидеть и ждать. И с той, близкой, стороны выйдет к воде лосиха с лосятами. А на этом берегу будет пастись корова с колокольчиком на шее.

И редкие птицы будут лететь по середине Лобани и будут забывать о своих делах, засмотревшись в ее зеркало. Ревнивые рыбы будут тревожить водную гладь, подпрыгивать, завидовать птицам и шлепаться обратно в чистую воду.

Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только воздух и небо, только облака и солнышко, только вода в берегах, только родина во все стороны света, только счастье, что она такая - красивая, спокойная, добрая. И вот такая течет по ней река Лобань.

Главное причастие

Помню из детства, когда кто-то хвастался, что хочет ехать в далекие края, ему говорили: «Поедешь небось с печи на полати». Но мы, русские, по неистребимой страсти поглощать пространство, ездили во все далекие края. Вот и я, грешный, обколесил, обстучал колесами по рельсам, облетел крыльями всю планету. Все видел: и горькое, и сладкое, и красивое, и зазывающее, и аккуратное, и строгое, и экзотическое, и яркое, всего полно во всех краях. Так отчего же единственным моим желанием было и остается одно: замереть на родине и упокоиться в той земле,

где Господь вывел меня на Божий свет и по которой я ходил босыми ногами? Никакие знаменитые некрополи не заменят мне крохотного участка земли у нашей Троицкой церкви. Никакие мраморы, граниты не посоперничают с деревянным крестом, сделанным за полдня вятским плотником. А может, уже и поздно мечтать о такой Божией милости. Но я молюсь! Молюсь: упокой, Господи, меня на родине, дай, Господи, смерть мирную и непостыдную и доброго ответа на Страшном Суде.

О, как отраднo будет моей душе, что оставленное ею тело будет постепенно сливаться с землей родины. Конечно, не я первый говорю, что не все ли равно, где быть похороненным, но все кажется, что душе будет легче при прохождении мытарств, когда грешное тело будет там, где вышло на краткую земную жизнь. Ведь именно здесь, в этом селе, на его улицах, в его окрестностях, в лесах, на лугах, на реке, на первой покоренной вершине, Красной горе, я начинал жить. Мы были отчаянны, и вот я думаю: кто же, если не Господь, спасал нас? Только Он. Это только представить: Вовка Ведерников пригасил несколько пачек патронов, и мы бросали их в пылающий костер и ожерельем стояли вокруг огня. Трусили, но стояли.

Патроны начинали рваться. Это же Господь запрягал пулям лететь в нас, а мы-то думали, что это мы такие смелые.

А сколько раз подстерегала нас смерть на реке! По ней сплавлялось, это я потом узнал, по сто пятьдесят тысяч кубометров леса ежегодно. Представить это невозможно. Сплав был молевой, бревна плыли вольно, застревали на перекатах, заиливались, ложились на дно. Жарким летом вода скатывалась быстро, лес в верховьях застревал, и тогда, как раз напротив Красной горы, делали затор, перегораживали реку, бревна напирали, копились, кострились, как торосы, и эта запруда поднимала воду. Сам же затор тянулся на полтора-два километра. По нему ходили на ту сторону. Но наступал день, когда затор нужно было разбирать. Рубили стальные канаты - затор стоял. Тогда закладывали аммональные заряды, всех прогоняли подальше и поджигали бикфордов шнур. Взрывы были такой силы, что бревна летели, как спички из открытого коробка, если по нему снизу поддать рукой. Затор начинал подаваться и уходить. Было особой доблестью бежать по мокрым бревнам, несущимся в кипящей, коричне-

вой от сосновой коры воде на тот берег. И обратно. Что нас уберегало? Босые, плохо одетые, худые, но веселые и счастливые. А с каких деревьев мы пикировали, с каких высоченных обрывов кидались зимой на лыжах!

А еще мы мечтали о дальних странах. Мы же знали, что они есть, что есть города, железные дороги, большие самолеты, моря и океаны. Мы жадно читали книги. Слава Тебе, Господи, телевидения не было в нашем селе, это значит, что мы выросли без его хамского вмешательства в наше сознание. А книги были хорошими - вот главное. Не было, к нашей печали, религиозной литературы, но уверен, что ее заменяла молитва за нас наших, еще до революции выросших, дедушек и бабушек.

После ночной службы у Гроба Господня я вышел из храма и шел по Скорбному пути. Не было никого, Иерусалим спал. От моей рубашки еще пахло сладким ладанным дымом, на душе было спокойно. Вот, думал я, свершилось главное событие моей жизни - я причастился у Гроба Господня. Что бы теперь ни было, это причастие со мною. Так думал я, что прожил главный день жизни. Но еще прошло время, и я прочел у Отцов Церкви, что главный день земной жизни человека - это день его земной смерти, окончание земного сна, переход в жизнь вечную. То есть он у всех у нас еще впереди.

А пока - вечерний свет. Вечеров каждого дня бывает в жизни очень много, тысячи, а вечер жизни один. Помню, набегавшись, наигравшись досыта, даже измучившись в беготне, мы садились на Красной горе и говорили. Не хотелось расходиться. Солнце уходило в темные заречные леса, становилось тихо и прохладно. Потом я прочел об этих минутах, что чуткие души слышат, как плачет умирающий день.

Конечно, я буду плакать перед смертью: я так много свершил плохого, так многих обидел, столько принес родным и близким огорчений, что буду просить всех о прощении. А главное - Господа. Это Его я обижал, Его распинал своими грехами. Но то, что человек приходит ко Христу, - это главное дело жизни. Отсюда и смысл ее - спасение души. Только бы при последнем издыхании причаститься Святых Тайн Христовых, только бы успеть, как разбойнику, сказать: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Валентин РАСПУТИН

СЛОВО О ПИСАТЕЛЕ

Проза Владимира Крупина – это нечто особое в нашей литературе, нечто выдающееся и на удивление простое.

Литература – процесс живой и, как все живое, имеет не только свои законы, но и свои привычки. При всей широкоохватности прозы разных направлений и жанров, разных манер и стилей она выдержана или близка к тому, чтобы быть выдержанной в классическом духе, в некотором смысле консервативна и для раскрытия характера, обрисовки пейзажа и сюжетного движения пользуется, в сущности,

одними и теми же приемами. Она описательна – в том понятии, что слово ее имеет подготовленное значение и место и ритмически и художественно существует в ровных горизонтах, без резких подъемов и понижений. Литературное, описательное слово точно сцементировано в общем ряду и малоподвижно, его магия достигается общим рядом и общим настроением. Устное слово в тех же, предположим, фольклорных записях стоит свободно – не стоит, а постоянно двигается, выглядывает из ряда и имеет более самостоятельное значение.

*Владимир Крупин, Валентин Распутин и Василий Белов.
Байкал, 1988 г.*

Владимир Крупин соединил в себе обе манеры – и письменную и устную, в его прозе очень сильный рассказывательский элемент. Впечатление такое, что письмо ему дается легко: сел за стол и, рассказывая предполагаемым слушателям о том, как он ездил на свою родину или на родину друга, сам за собой записывает и едва успевает записывать события в той последовательности и подробностях, как они происходили. Но рассказывает и записывает сосредоточенно, живописно и эмоционально, не теряя за живостью и непосредственностью строгости и художественности. А это значит, что кажущаяся легкость слова на самом деле достигается непросто, в тех же мучительных поисках, как и для всякого писателя, относящегося к слову с уважением. Это значит также, что оно, слово, встав в письменный ряд и приняв его правила, каким-то образом умеет сохранить и волю ряда устного, что оно становится шире и уверенней. В художественной литературе очень важно, чтобы слово стояло радостно, опытный читатель всегда увидит эту радость от точного употребления и желанной работы – так оно чаще всего у Крупина и есть.

Расстояние между читателем и писателем в книге – вещь реальная, и зависит оно от того, с каким сердцем, остывшим или участливым и болящим, пишется книга, насколько согрета она теплом авторских затрат. Холодное, пусть и исполненное на высоком профессиональном уровне, произведение читается с душевным насилием, и это, как правило, «умственное» чтение, в нас говорит не потребность, а упрямство добраться до цели, чтобы облегченно вздохнуть над своим подвигом. В этом смысле Владимир Крупин необычайно близок к читателю, и достигается подобная близость, соседствующая с прямым собеседованием, редкой откровенностью и открытостью, живой обращенностью к столь же заинтересованному в их общем деле человеку.

Пишет ли он от первого или от третьего лица, его герой весь на виду и ничего в себе не умеет скрывать, для Владимира Крупина личность не в том, чтобы уйти в себя, а в том, чтобы бескорыстно прийти к людям.

Одно из самых известных и замечательных произведений Крупина – повесть «Живая вода». Главный герой ее – философствующий в простоте своего неизысканного ума Кирпиков. Простолудин

дальше некуда, лыком шитый, должно быть, от первого до последнего поколения, он тем не менее в поселковой среде личность заметная, во-первых, благодаря своему самостоятельному уму и, во-вторых, благодаря «форме» собственности: Кирпиков – хозяин единственного в поселке мерина. Лошадой вывели, а огороды по весне пахать надо, хочешь не хочешь, а кланяйся Кирпикову. Что же делать?

Мир опрощается в жуликоватое и мутноватое скопище. А Кирпиков честен, трудолюбив, он отвоевал Великую Отечественную, вырастил детей. «О, не одно европейское государство разместилося бы на поле, вспаханном Кирпиковым, какой альпинист взобрался бы на стог сена и соломы, наметанный Кирпиковым, какой деревянный город можно было выстроить из бревен, им заготовленных...» Он прожил свою жизнь не просто молекулой, вошедшей в народное тело, он был выше и прожил ее личностью. Правда, личностью изгибистой, с причудами во имя самоутверждения, подобно шукшинским героям, и с приступами «русской болезни» во имя самоутешения, но как мало это «само» в сравнении с «общее», с тем, что делалось для страны и ее вечности! Но вот и старость не опоздала, дети разъехались, фронтовые доблести, как лебедой, поросли бьельем, и все чаще задумывается Кирпиков о смысле жизни, о том, зачем он жил и мог ли бы мир обойтись без него? Примитивная философия, на взгляд профессоров, но ведь это неотменимо главные вопросы жизни, они тем серьезней и страшнее, чем просто-душней звучат. Нет, не так наивен этот «мыслитель», в шестьдесят с лишним лет взявшийся заглядывать в старые школьные учебники и для каждого нового открытия готовящий себя причудливой аскезой. Недолго же ему представлялось, что «люди еще не доросли до моего понимания»: он ошущью, чутьем шел к осознанию истин Христовых и не мог не гордиться своими победами – наступили, однако, дни, когда пришлось убеждаться, что мир сознательно установился на основания их непонимания.

«О, бедный Кирпиков!» – хотелось воскликнуть вслед этому герою, потерпевшему крушение в своих упованиях сначала на чудо нравственного воскрешения человека, а затем и на чудо «живой воды», хлынувшей из-под земли и способной излечить от физических и духовных недугов. «О, счастливый Кирпиков!» – можно воскликнуть сегодня, спустя два, три десятилетия после его поисков смысла жизни. Сегодня, когда все трудней отвечать на вопросы о смысле существования человечества в целом.

Но об этом, о потерях и опорах теперешней жизни, вторая повесть с нарочито обнаженным названием «Люби меня, как я тебя».

В меняющемся с возрастом человеке меняется и художник. Меняется, даже оставаясь сам собою в воззрениях и в письме. Душа иная. Ничто так точно и полно не говорит о человеке и уж тем более о писателе, как душа. В истинном творце через душу проходит каждое слово; не в чернильницу макается его перо, а в душу. Уж она-то без утайки скажет и о таланте его, и о вере, и о намерениях, с какими садится он за письменный стол, и об отношении к родной земле и родному человеку, на этой земле живущему... И то, что духовно добрал Владимир Крупин ко времени второй повести, освещает ее

иным светом – прошедшим через более полную истину, чем она была у Кирпикова, но и более тревожным, ибо мир дошел до последнего бунта, направленного против себя же. Но жить по истине надо. Или уж не жить. Этот выбор перед нашей бедной и прекрасной Родиной стоит с такой неизбежностью, что порой становится страшно.

Молодой читатель прочтет и рассказы Владимира Крупина. Он прекрасный рассказчик, то остроумный, веселый, «вакхический», то серьезный, ведущий действие неспешно и основательно, то «документальный», для которого случай жизни, дополненный воображением, превращается в случай литературы.

Детство, юность... Детство в рассказах Владимира Крупина счастливо прежде всего кругом, составляющим родную землю, – природой, общением с «меньшими братьями», первыми трудами и заботами, первыми трудностями и постоянной радостью каждый день быть среди родного. Доброта вкладывается в душу ребенка не столько словом и напутствием, сколько окружением и обстановкой, их целостностью и крепостью – духовной и моральной крепостью семьи и физическим обережением земли. Одно дело – открывать мир, поднявшись в вырубленную рядом с древней вековую рощу, и видеть вокруг за сведенными лесами оголенные и смещенные просторы, потерявшие тайну и притягательность, и совсем другое – мечтать о взрослости, о путешествиях и подвигах из середины заботливо сохраняемого отчего края. Потерянные дети, из которых вырастают дурные люди, привыкшие к разорению как норме жизни, – это еще и результат дурного хозяйствования, когда прошлое и будущее не имеют ни цены, ни значения.

В поэзии детства звучит здесь серьезное, без всякого умаления, уважение к детству, воспоминание о нем как о чистых и добрых наших началах.

Юность... Больше всего в этой романтической поре, когда молодой человек захлебывается от ощущений и возможностей жизни, когда он осознает себя силой и в упоении от первой самостоятельности, – больше всего автора волнует в таком молодом человеке структура его души, лад между физическим и духовным. В юности нам является уже осуществившаяся в основных своих чертах личность. Конечно, недостаточно окрепшая и во взглядах не совсем утвердившаяся, жадно вбирающая в себя впечатления и настроения, но уже точно направленная к тому, чем ей в конце концов быть. Автор не поучает, помня, что юность не терпит поучений, но мягко и неназойливо, почти незаметно для читателя подводит к основам человеческого бытия – к отзывчивости, самоотверженности, любви к ближнему и выражению себя в открытых поступках, к постепенному осознанию конечной истины: для подлинной свободы и счастья, для утешительного существования человеку необходимо больше отдавать, чем брать. Юность во всем ищет новизны и открытий; оставляя за ней право на внешнюю, физическую новизну, расширяющую мир чувств и познания, автор опять-таки негромко напоминает, что главные открытия ждут человека в себе самом, в самопозна-

Владимир Крупин и Валентин Распутин

нии, в углублении своего внутреннего, духовного мира, который огромен не менее, чем мир внешний. Нет ничего трагичней и невосполнимей для каждого из нас, как пройти мимо себя, изжить себя в стороне от себя, не осуществить себя в той красоте, которая уготована человеку рождением. Каждое поколение рассчитывает на свою особую миссию в мире; нет нужды говорить, хорошо это или плохо, но каждое поколение, в свою очередь, должно быть готово к разочарованиям: всякий порядок не так просто поддается изменению. Быть может, самое важное в теперешнем положении вещей в свете – духовное восстановление человека как на старых, так и на новых началах, органическое и полезное их совмещение.

Не знаю никого из авторов второй половины XX столетия, кто бы так мастерски обращался с фактом, с тем, что происходит ежедневно, превращая его с помощью ему одному доступных средств в совершенные формы. Одно из двух: или с писателем Крупиным постоянно что-то происходит интересное, едва не на каждом шагу встречаются ему личности-самородки, или писатель Крупин настолько интересен сам, что способен преобразить в откровение любое рядовое событие. Важней чистого воображения для него – преобразование материала, его пересказ на свой, ни с чем не сравнимый лад.

И в письме его ни с кем не перепутать. Это какая-то особая манера повествования – живая, даже бойкая, яркая, воодушевленная, образная, в которой русский язык «играет», как порою весело и азартно «играет» преломляющееся в облаках солнце. Для читателя это езда по тряской, но очень живописной и занимательной дороге, где и посмеешься, и попечалишься, и налюбуйешься, так что никаких неудобств от езды не заметишь и с огорчением обнаружишь, что путешествие закончено. Одно закончено, но ведь впереди еще следующие.

Воистину: жизнь на вятской земле, откуда родом писатель, была трудной, но до чего же плодотворной! Она и нигде в России не была легкой, вот почему у нас воссияла самая лучшая в мире литература. Трудная – из трудов состоящая, научающая, оставляющая полновесный след человека на земле.

Светлана КЕКОВА, поэт, доктор филологических наук. Живет в Саратове. Лауреат премии Аполлона Григорьева, лауреат новой Пушкинской премии и многих других. Автор нескольких поэтических сборников и литературоведческих книг. Стихи переводились на многие европейские языки.

Дважды Светлана Васильевна Кекова была гостем Ульяновска, выступала в библиотеках, театрах, побывала в музеях города. Ульяновские ценители поэзии знают и любят творчество поэта. Музыкант Елена Ушакова написала цикл песен на стихи Светланы Кековой.

Программа «Литературная видеогостиния, посвященная творчеству Светланы Кековой» доступна по QR-коду

О стихах Светланы Кековой

«Стихи Светланы Кековой всегда будут пронизаны молитвенным настроением и удивлением перед богатствами видимого и невидимого мира».

Павел Крючков

«Существует поэзия лобового удара, прямо бьющая в цель лирическим признанием или гражданским пафосом. И – поэзия, искусно сотканная из фантазий, ассоциативных связей, поэзия нетривиального образа мыслей, точнее, видения. Такова Светлана Кекова».

Юрий Кублановский

МНЕ НЕКОГО И НЕ В ЧЕМ УПРЕКАТЬ...

Сон в Лазареву субботу

Смерти просты законы.
Взгляд у неё безгневный.
Смотрит на нас с иконы
Лазарь Четверодневный.

Сердце больное ноет:
Нет ему в мире места...
Мама тарелки моет,
бабушка месит тесто.

Ставим на стол бутылки:
в сером пальто из драпа
в дом из бессрочной ссылки
нынче вернулся папа.

Руки и ноги целы,
снова он вместе с нами,
только повито тело
белыми пеленами.

Он головой качает,
спрашивает: не ждали?
Бабушка отвечает:
- Где же твои медали?

Видишь, как покосился,
высох и сполз к оврагу
дом твой, пока ты бился
За Сталинград и Прагу?

- Смерть – не моя забота,
есть от неё спасенье –
Лазарева суббота,
Вербное воскресенье...

1

Хлеб с моей руки клюёт синица,
в речке просыпается налим,
а в аду Иуде снова снится
Вход Господень в Иерусалим.

Есть ли миг меж действием и словом
или нет таинственных преград
между Воскресением Христовым
и Его сошествием во ад?

2

В волнах Волги рыб мелькают спинки,
в гнёздах птицы вывели птенцов,
а народ вдыхает в Крытом рынке
запах сыра, мяса, огурцов.

И солдатик с пачкою «Казбека»
овощной обходит молча ряд,
чтоб купить у старого узбека
символ воскресения – гранат.

Памяти Наталии Колосовой

Мы не знаем, когда нам придётся
покидать навсегда этот свет...
С неба ливень невидимый льётся
Нашей радости, скорби и бед.

Ты от этого ливня промокла
и, наверное, спать прилегла,
а в больничные целилась окна,
словно в сердце, стальная игла.

Сколько горечи в тщетной попытке
разгадать, где скрываешься ты –
то ли с Пушкиным мчишься в кибитке,
то ли смотришь со старой открытки
в ореоле своей правоты?

Ах, Наташа, тяжёлое бремя
Избывая, мы верим и ждём,
Что исчезнет пространство, и время
Станет мелким солёным дождём.

И зажгутся пасхальные свечи,
словно солнце в дали голубой,
и случится великая встреча
всех со всеми. И встреча с тобой.

От всех домов, в которых я жила,
от дивных рек, где рыбы молча плыли,
остались угли, пепел и зола
и тонкий слой какой-то влажной пыли.

Мне некого и не в чем упрекать:
хранится время в виде мелких гранул.
Но есть такое право - окликать
и тех, кто жив, и тех, кто в вечность канул.

Зарос осокой бывший райский сад,
а где-то меж сосной и остролистом
две странных рыбы над землёй висят,
и бьют они хвостами в небе мгlistом.

Елене К.

Одуванчик в поле -
поседевший иннок -
отпустил на волю
облако пушинок.

Вот летит пушинка
высоко-высоко,
а внизу - кувшинка,
таволга, осока.

То улитка в клетке
движется неловко,
то замрёт на ветке
Божия коровка.

А в колючей хвое -
пауков палатки...
Но пушинка - что ей
наши неполадки?

В небе веселее,
есть во что одеться:
облако белее,
чем душа младенца.

«Да, в земной юдоли
нет завидней доли», -
шепчет облысевший
одуванчик в поле...

Ведёт дорога туда, где много
впустую прожитых мною лет.
«В пустыне трудно не верить в Бога», -
сказал когда-то один поэт.

Он был любитель вина и пиццы,
а летом ягоды рвал с куста.
Еду ему приносили птицы
в дни мясоеда и в дни поста.

Кормили, словно Илью-пророка -
и птичьи бились в груди сердца...
А он рассказывал им про Блока,
про Льва, про Ангела и Тельца.

А было ли у поэта имя
не ведают Гумилёв и Блок,
но каждый ищет свою пустыню,
в которой должен явиться Бог.

«БЛАГОВ. ЗЕМНОЙ ПУТЬ БОЛЬШОГО ПОЭТА»

20 марта 2019 года в Центральной городской специализированной библиотеке им. И.А. Гончарова в преддверии Всемирного дня поэзии прошла презентация книги ульяновского журналиста, краеведа Геннадия Александровича Дёмочкина «Николай Благов. Земной путь большого поэта».

Это 38-я книга автора издательского проекта «Антология жизни» (эта книжная серия удостоена специального приза «За просветительскую деятельность и воспитание любви к родному краю»). Новая книга «Благов. Земной путь большого поэта» Геннадия Дёмочкина посвящена выдающемуся русскому поэту, лауреату Государственной премии им. М. Горького Николаю Николаевичу Благову. Книга создана на основе архивных материалов, рукописей, переписки поэта, газетно-журнальных публикаций. Бесценны воспоминания вдовы поэта, Ляли Ибрагимовны, сохранившей и архив Благова, и трепетную память о нём. Издание впечатляет и своим объемом – более четырехсот страниц. Это действительно большая книга. И очень насыщенная по содержанию.

Встречу открыла солистка вокальной группы «Элегия» Елена Иванова, которая исполнила песни о Родине и Ульяновске.

На презентацию книги пришли любители творчества Николая Благова – читатели библиотеки, ульяновские писатели и художники, студенты колледжа культуры и искусства, родные и близкие поэта.

Выступающие благодарили автора проекта «Антология жизни» Геннадия Дёмочкина, благода-

рили за то, что он бережно собрал все документы, связанные с жизнью и творчеством большого волжского поэта, за то, что он смог объединить под одной обложкой все документальные свидетельства о Николае Благове.

Чего стоят только письма Благова к друзьям-писателям! Это не просто частная переписка, сейчас это ценные документы, рассказывающие об ушедшей эпохе.

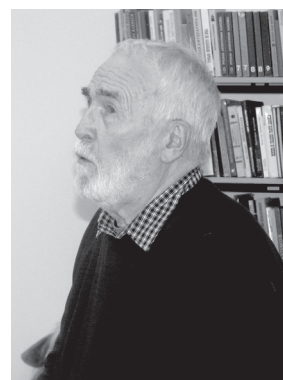
Перед участниками встречи выступили член Союза писателей России Ольга Георгиевна Шейпак, которая трепетно отозвалась о поэзии Николая Благова, и член Союза писателей, лауреат поэтической премии Н.Н. Благова Елена Викторовна Кувшинникова. Елена Викторовна сказала: «Николай Благов обладал притягательной силой, мощью. У него была большая светлая душа. Он был человек большого таланта и большой внутренней силы. Недаром поэт Светлана Матлина сравнила его в стихах с Царь-колоколом...».

Также на презентацию книги приехали внуки Николая Николаевича Благова – Максим и Дмитрий. Максим рассказал о том, что впервые, уже во взрослом возрасте, понял стихи дедушки, полюбил его поэзию. Он наизусть прочитал стихотворение «О чем горюешь, пугалица птица?» и поблагодарил собравшихся за то, что они помнят и ценят творчество Николая Благова.

Лев Николаевич Нецветаев – почётный архитектор России, член Союза художников России – рассказал о своем знакомстве с поэтом, прочитал стихи Николая Благова и свои стихи, посвященные поэту.

Анатолий Иванович Ключев – наш замечательный скульптор, заслуженный художник Российской Федерации – поделился воспоминаниями о знакомстве с поэтом. Анатолий Иванович изваял бюст Николая Благова, который был подарен городской библиотеке №15, которая с 2011 года носит имя поэта.

В завершение встречи автор книги Геннадий Дёмочкин сказал: «Судьба другого человека всегда поучительна, особенно если это крупная личность и выдающийся профессионал. Станем же духовно богаче, познав мир Николая Благова».

Лев Николаевич Нецветаев

Внук Максим

По вопросам приобретения книги обращаться к автору.
Геннадий Александрович Дёмочкин demochkinga@gmail.com

Анна ГРИГОРЬЕВА

ФОТОГРАФИИ МАСТЕРА

Только представьте: приходите вы в Санкт-Петербурге в Русский музей на выставку. И увидите там работу, автор которой – ваш коллега!

Уверена: испытаете и гордость, и массу положительных эмоций. Как испытали мы, когда узнали, что снимки фотокорреспондента «Народной газеты» Владимира Ламзина попали в экспозицию открывшегося недавно V Фотобиеннале современной фотографии. Это крупный выставочный проект Русского музея, посвященный фотографии.

Начало было положено в 2009 году выставкой в залах музейного Мраморного дворца и изданием каталога. Первое Фотобиеннале вызвало большой интерес и у участников, и у зрителей. С тех пор регулярно раз в два года Русский музей демонстрирует современное состояние развития фотографии в России. В V биеннале принимают участие 295 авторов из 71 города России. Экспозиция условно разделена на несколько тем: «Город», «Натюрморт», «Ню», «Пейзаж», «Повседневность», «Портрет». Мы, признаться, удивились скромности нашего коллеги, узнав, что он был участником всех пяти Фотобиеннале!

«Попасть на выставку в Русском музее – очень почетно, считает Владимир Ламзин. – Принимают только три фотографии от автора, причем и новые, и сделанные в прошлые годы. Могут ни одной не отобрать в экспозицию. У меня на сей раз прошли все три снимка: «Портрет Владыки Прокла», «В цыганском таборе», «На водопой». Фотографии остаются в коллекции Русского музея. Зрителей на выставку приходит очень много. Моя дочь Вика полчаса только в гардероб стояла... Зачем я участвую в Фотобиеннале? Надо показывать свои работы самым разным зрителям. В Ульяновске фотографы все друг с другом знакомы. А когда твои работы положительно оценивают люди, которые тебя не знают, значит, твои фотографии и ты сам чего-то стоят!»

Монах Агафангел. (1964-2014). Фото 1996 года

Портрет Владыки Прокла. 2015 год

Великоорецкий Крестный ход. Кировская область. 2000 год

В цыганском таборе

Мальчик в ожоговом отделении

В музее «Симбирская фотография» экспонировалась выставка Владимира Ламзина.

Взгляд фотографа выхватывает из будничного течения жизни эпизоды, картинку. Иногда остановленное мгновение дорастает до картины, иногда – до плаката, а иногда – почти до иконы...

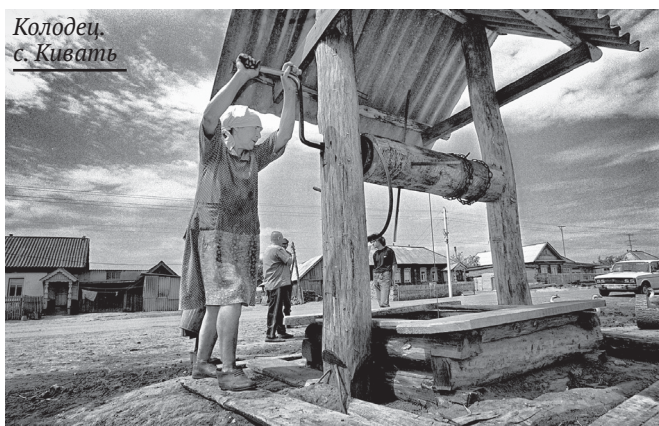
И сама фотография может стать не иллюстрацией к притче, а самой притчей, которую можно рассказывать, разгадывать, читать...

Есть такая фраза «Он так живет – он людей не видит...». В противовес этому хочется сказать о фотографе Владимире Ламзине. Он людей видит. Он видит человека. И эта документальность дорастает до художественного образа. И обнажается суть. И невозможно без сочувствия смотреть на фотографии... Это мы, это наш мир жестокий и милующий. Это наши люди, живущие рядом. Незаметные, но замеченные. В испытаниях, в страданиях, в трудах, в радости, в молитве. Под небом всем есть место.

Елена Кувшинникова

Хлеб наш насущный...(с. Карабаевка)

*Колодец.
с. Кивать*

*Праздник Сабантуй.
Ст.Кулатка*

Казачка

«МЫ В ЭТОТ МИР ПРИХОДИМ В ГОСТИ...»

Елена Яговкина

Живите, добрые, подольше!

Александр Семеновичу Бунину

Он мне вчера еще звонил -
Мой добрый друг, поэт, учитель.
Привыкнуть трудно к слову «был».
Живите, добрые, живите!
Он сильным был, он щедро жил,
Что может быть больней и горше
Слов сожалеющих «Он был...»?
Живите, добрые, подольше!
Как надо, чтоб добро и свет
Шли по земле в прекрасной свите!
Неизгладим ваш тёплый след,
Живите сто и двести лет.
Живите, добрые, живите!

Идут из церкви мои старушки.
Идут спокойно и тяжело.
Маруси, Дуни и их подружки...
Ведь их молитвы прощают зло.
Глаза светлы, а душой прозрачны.
Им мир не кажется так жесток,
Мы им завидуем, не иначе.
У них есть вера.
У них есть Бог.

Надежда Разумовская

Несу из храма радость, словно свечку,
В Страстной четверг, слегка прикрыв рукой,
Чтоб не задуло ветром, до крылечка...
Душа, как рай, – там царствует покой.

Печаль ушла куда-то в одночасье,
Мелодия небесная звучит...
Не в этом ли моё земное счастье –
Оно, как сердце, ласково стучит...

Елена Меркулова

Письмо к сыну

Христос входит в сердце, лукавый в мозги,
О сыне родимый, себя сбереги,
Избавься от вольности, горькой свободы,
Когда в Интернете смешались все воды,

И сеть развлечений весь мир оплела,
Не слушай врага, ограждайся от зла.
Вся истина в храме, там - полнота,
Горение духа, нелживы уста.
О сыне, стой в истине, воин Христов,
Доспехи собирай и к битве готовь.
Пришли мы сюда не на мир, на войну,
Пришли защищать неземную страну,
Отечество милое, Родину нашу,
К которой вернемся, до дна испив чашу.

Дмитрий Земляков

Молчание

Мы многое теряем в разговорах,
Уходит сила прямо из груди.
Не истина, а мненье в жарких спорах
Рождается! Всем надо путь пройти

Без выкриков, стремясь подняться выше.
Поступки нас подбрасывают вверх.
Когда молчишь, ты учишься, ты слышишь,
И не проникнет осужденья грех.

Вначале были не слова, а слово,
Без языка существовал закон.
И молча можем мы вернуться снова
В то время, где вокруг был только Он!

Александр Дашко

Когда холодно – грустно вдвойне,
свое сердце смиряю терпением.
Сорок птиц прилетят по весне
и заполнят весну своим пенем.

Помню, бабушка в детстве пекла
сорок птиц под весенние звуки.
И тянулись к небу стола
мои тонкие детские руки.

А теперь мое детство вдали -
за забором и белой калиткой.
И по-новому сердце болит,
но от боли спасаюсь молитвой.

Распускаются в небе цветы
облаков в белоснежных одеждах.
Сорок птиц – сорок певчих святых
охраняют весну и надежду.

Светлана Нефедова

Вербочка святая у меня в руках.
Снег весенний тает, небо в облаках.
День сегодня светлый разогнал печаль.
И в пушинках ветки, словно во свечах!

Колокол наполнил праздником наш день!
Отошла сугробов снеговая тень.
Сам Господь сподобил нас благословеньем:
Скоро-скоро будет Божье Воскресенье!

Вербочка святая у меня в руках
И молитва к Богу на моих устах!
Господи, помилуй и прости за всё.
Ты открыл нам двери в Царствие Своё!

Владимир Игошин

Где Богородица прошла,
Там, где нога Её ступила,
Сама земля там расцвела.
И там любимая ходила...

Вот почему любовь светла,
Вот почему любовь прекрасна.
Как белый холст, она чиста –
Её искал я не напрасно...

Моя любовь меня ждала,
Грехи невольные простила.
Ведь там любимая была,
Где Богородица ходила...

Куда-то ввысь, под облака,
Душа летит, раскинув руки.
Дорога страшно далека,
Она лежит сквозь боль и муки.

По ней пройти, предел ища,
Всем предстоит. Затихли звуки.
А предо мной, слегка треща,
Свеча горит – слеза разлуки...

Ольга Даранова

И уйду, и черту не познаю.
Будет тёплой и мирной земля,
Будет небо и в нем птичья стая,
Птичий гомон и я - нота «ля».

И останусь. Лишь где? Кто же знает?
Лишь бы с милыми в тесной гряде...
Лишь бы вспомниться в солнечном крае
Сном, виденьем, листом на воде.

Сходит снег, и весна наступает.
Ах, весна, как ты душу томишь!
Тихо радуюсь, тихо рыдаю
В умилении. Боже, услышь...

Татьяна Эйхман

Розовые рыбы

Видали вы среди облаков и грёз:
Две рыбы плыли тихо в синеве?
В тот час, когда грозил уже мороз,
Навстречу плыли-плыли рыбы две...

Они ещё не встретились в лучах
Негреющего на закате Солнца...
Подумалось, когда истлею в прах,
Мне, может быть, вот так же плыть придётся.

Быть может, это был дымок из труб,
Отчаянно стремившийся в безбрежность?
Но в этот миг коснулась горечь губ,
Припомнилась слов позабытых нежность.

Я поняла, что рыбки - не дымы...
Так встретимся расставшиеся мы.

Пасха

Кто-то трогает за плечо,
Кто-то щёку трёт и глаза.
И теплы кулички ещё,
Только кушать пока нельзя.
Оглянусь, а людей полно...
Но я знаю: ОН где-то здесь...
Звон высокий. Твержу одно:
Аллилуйя! Христос воскрес!

Лидия Ануфриева

«Мы в этот мир приходим в гости,-
Твердила бабушка не раз,-
И оказаться на погосте
Мы можем в день любой и час...
И потому добро творите,
Пока живёте на земле.
Тропу к нему всегда торите,
Спасенье - в нем, а не во зле».
Мне дорог бабушкин наказ –
Творить добро не напоказ.

Какое счастье – жить!

Мне говорят, что мой напрасен труд,
Стихи мои до сердца не дойдут.
И мне хороших песен не сложить,
А я пою: «Какое счастье – жить!»
Мне говорят, что радуюсь я зря,
Что лучше жизнь устроили друзья.
О трудной доле надо, де, тужить,
А я в ответ: «Какое счастье - жить!»
Мне говорят: «Напрасно не страдай!..
Зачем тебе страданий через край?
Тебе ль красавцу голову вскружить?!»
А я шепчу: «Какое счастье – жить!»
Мне говорят: «Ты даром слез не лей!
Счастливыми не сделать всех людей.
Своим покоем надо дорожить...»
А я твержу: «Какое счастье – жить!»

УЛЬЯНОВСК – город литературы ЮНЕСКО

В Ульяновске появилась рассылка для писателей Writer's Info Point

Рассылку для местных писателей Writer's Info Point организовала дирекция программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО». Авторы получают информацию об эксклюзивных возможностях для писателей из Ульяновска как авторов из сети креативных городов ЮНЕСКО. Также в рассылку входит информация о всероссийских и международных литературных конкурсах и проектах, писательских резиденциях, возможностях для бесплатного обучения, публикациях местных авторов, литературных событиях города и др. Чтобы подписаться на бесплатную рассылку, автору достаточно отправить свой e-mail по адресу: infopoint.ulskcityofliterature@gmail.com.

«Песочную» поэзию авторов Ульяновска представили на марафоне городов литературы ЮНЕСКО

Во Всемирный день поэзии – 21 марта – Ульяновск представил видеоролики местных авторов на поэтическом марафоне городов литературы ЮНЕСКО. По случаю праздника города сети разместили на своих медиаканалах видеоролики поэтов из разных стран, посвященные темам этого года: голос женщины и гендерные вопросы в самом широком контексте. Для ульяновских роликов был выбран необычный формат – динамичные песочные картины. Видеоролики на стихотворения Сергея Гогина и Галы Узрютовой выполнены художницей Марией Жванковой и видеоредактором Надеждой Корчагиной в ходе работы над новым проектом. В дальнейшем стихотворения еще нескольких ульяновских поэтов также представят в виде динамичных песочных картин. Ролики поэтов из городов литературы можно посмотреть на сайте <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

Ульяновские переводчики приглашаются в международную мастерскую литературного перевода

Мастерская LitTransformer пройдет во Львове, городе литературы ЮНЕСКО, с 8 по 18 июля 2019 года. В течение 10 дней начинающие и профессиональные переводчики из литературных городов ЮНЕСКО будут работать под руководством Арона Аджи, директора магистерской программы по литературному переводу Университета Айовы. Программа включает лекции, дискуссионные панели и групповые занятия. Планируется публикация переводов, подготовленных в ходе семинара. Подробности на сайте <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

Открыт прием заявок в Школу писательского мастерства

Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ объявил старт приема заявок на участие в Школах писательского мастерства, которые пройдут в 2019 году в каждом из восьми федеральных округов. Молодые писатели, прошедшие отбор, смогут бесплатно поучиться под руководством редакторов известных литературных журналов. В работе каждой Школы будут участвовать до 20 молодых писателей: поэтов, прозаиков, критиков. На конкурс принимаются тексты авторов в возрасте до 35 лет, пишущих на русском языке. Подробности: <http://www.sfilatov.ru/news/2202>

В Ульяновске пройдет Форум молодых писателей: объявлен прием заявок

В сентябре в Ульяновске уже во второй раз состоится Форум молодых писателей – легендарные «липки». Писатели, прошедшие отбор, смогут принять участие в мастер-классах с редакторами толстых литературных журналов, а по итогам форума преподаватели определят, кому назначить стипендию. Также тексты могут быть отобраны для публикации в литературных журналах. На конкурс принимаются тексты от авторов в возрасте до 35 лет: проза, поэзия, пьесы, критика и детская литература. Подробности <http://www.sfilatov.ru/news/2206>

Ульяновскую сказочницу Веру Алексееву отметили на фестивале анимационного кино «Суздальфест»

Писатель Вера Алексеева стала участницей Открытого российского фестиваля анимационного кино, который прошел в Суздале в середине марта. Участников мастер-класса со всей страны отбирали через специальный конкурс, и Вера вошла в десятку лучших. Вернувшись с «Суздальфеста», Вера поделилась впечатлениями: рассказала о том, как стала сценаристом, о сказке про Силищу-Страшилищу, о необычных именах своих персонажей и о возможностях для детских авторов. Читайте интервью Веры на сайте <http://ulyanovskcreativecity.ru>

Подготовила
Гала
Узрютова

Рис. Павла
Клементьева

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

МАЙ 2019

2 мая – 290 лет со дня рождения российской императрицы и литератора Екатерины II Великой (2.05.1729, г. Штеттин, Пруссия – 17.11.1796, г. С.-Петербург). Посетила Симбирск 5-8 июня 1767 года во время путешествия по Волге на галере «Тверь». Оставила после себя собрание сочинений: записки, переводы, басни, эссе, сказки, комедии «О, время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного боярина», «Госпожа Вестникова с семьёю», «Невеста-невидимка», либретто к операм «Февей», «Новгородской богатырь Боеславич» и др.

3 мая – 200 лет назад родился мыслитель, публицист Юрий Фёдорович Самарин (3.05.1819, г. С.-Петербург – 31.03.1876, г. Берлин). Окончил Московский университет (1838). С 1853 года занимался литературно-публицистической деятельностью. С 28 августа по 15 октября 1849 года служил в Симбирске; был переведён в Киев из-за «донесений симбирской тайной полиции о вредном влиянии на местное общество». Автор сочинений «Письма из Риги» (1849), «Иезуиты и их отношение к России» (1868), «Православие и народность» (2008) и др.

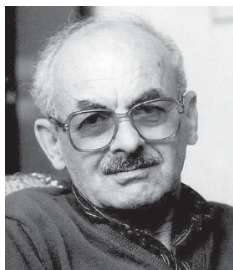
4 мая – 210 лет со дня рождения литератора Владимира Петровича Орлова-Давыдова (4.05.1809, ? - 6.05.1872, г. С.-Петербург). Владелец имения Усолье в Симбирской губ., не раз бывал в Симбирске. В 1858-59 гг. член Симбирского губернского комитета по крестьянскому делу, в 1859-72 гг. член Симбирского общества сельского хозяйства. Автор «Путевых записок, ведённых во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году» (1839-40), «Биографического очерка графа В.Г. Орлова» (1878) и др.

5 мая – 90 лет назад родился лезгинский поэт и драматург Байрам Наврузбекович Салимов (5.05.1929, с. Стурар Кусарского р-на Азербайджанской ССР – 20.05.2014, г. Махачкала). Окончил Дагестанский гос. университет. Автор сборников «Почему нет льва на Кавказе», «Орлиная высота», «Лейся, Солнце», «Колыбельная дождю» и др. С 20 по 26 апреля 1987 года участвовал в Днях дагестанской культуры в Ульяновске, выступал на УАЗе, в совхозах им. Крупской и «Тепличный», в Ивановском детдоме им. А.Матросова. Народный поэт Дагестана.

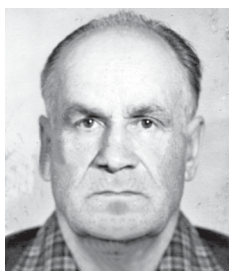
6 мая – 70-летний юбилей отмечает поэтесса Людмила Тадеушевна Туровская (р. 6.05.1949, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Детство провела в пос. Майна Ульяновской области, училась здесь в школе. Окончила факультет журналистики МГУ (1991). Автор поэтических сборников «Перед рассветом» (2002), «Гневная нежность» (2006), «Руслава» (2009), «Признание славянки» (2010), «Ветер бытия» (2013) и др. Провела 8 сентября 2015 года во Дворце книги в Ульяновске презентацию книги «Дорога к дому». Член Союза писателей России (2006). Живёт в Твери.

9 мая – 95 лет назад родился поэт, прозаик и бард Булат Шалвович Окуджава (9.05.1924, г. Москва – 12.06.1997, г. Кламар, Франция). Автор книг стихов и прозы «Острова» (1959), «Март великодушный» (1967), «Глоток свободы» (1971), «Арбат, мой Арбат» (1976), «Повести и рассказы» (1992), «Милости судьбы» (1993) и др. Выступал в Ульяновске 27-29 января 1967 года в ДК автозавода, во Дворце книги и в Доме офицеров; приезжал сюда также весной 1970 года. Написал около 200 песен. Лауреат Государственной премии СССР (1991).

9 мая – 65-летний юбилей отмечает чешский прозаик и эссеист Лубомир Мартинек (р. 9.05.1954, г. Ческе Будеёвице, Чехословакия, ныне Чехия). В 1979 году эмигрировал во Францию. Живёт в Чехии и в Париже. Автор более 15 книг, в т.ч. «Опьянение глубиной» (2000), «Между полуднем и полночью» (2001), «Долгая партия в бильярд» (2004), «Масло в огонь» (2007), «Миф о Линкее» (2008) и др. Был участником Ночи чешской литературы в Ульяновске 14 мая 2015 года, выступал в Ленинском мемориале и во Дворце книги.

10 мая – 100 лет со дня рождения поэта Бориса Николаевича Бызова (10.05.1919, г. Симбирск – 20.09.2010, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский педагогический институт (1945), работал учителем в школе. Публиковался в газетах и журналах Поволжья и Москвы, в сборниках «Семиречье» (1989), «Мы как прежде в строю» (1996) и др. Автор книг «Сердцем брата» (1980), «Око тайги» (2004), «На Сельге» (2006), «Возвращение в рай» (2007), «Парад цветов» (2009), поэм «Привет, Америка!» (2005) и «Африка без Африки» (2008).

10 мая – 55-летний юбилей отмечает поэтесса Диана Елисеевна Кан (10.05.1964, г. Термез Узбекской ССР). Окончила факультет журналистики МГУ (1990). Работала в Оренбурге и Москве. С 1997 года живёт в г. Новокуйбышевске Самарской области. Автор поэтических сборников «Согдиана» (1998), «Междуречье» (2007), «Обречённые на славу» (2009), «Звёзды окликают» (2015) и др. Лауреат поэтической премии им. Н.Н.Благова, была на её вручении в Ульяновске 29 января 2019 года. Член Союза писателей России (1994).

11 мая – 110 лет со дня рождения эрзянского поэта Афанасия Матвеевича Осипова, псевдоним – Артур Моро (11.05.1909, с. Ключовка, ныне с. Красные Ключи Похвистневского р-на Самарской обл. - 13.01.1989, г. Москва). Бывал проездом в Ульяновской губернии. В 1925 году уехал в Москву, где окончил ФЗУ и работал наборщиком газеты в типографии «Якстере теште». После войны преподавал в вузах Москвы и Мордовии. Автор 16 книг стихов на эрзянском и русском языках, в т.ч. «Пою жизнь» (1945). Член Союза писателей СССР (1935).

13 мая – 215 лет назад родился философ, поэт, публицист Алексей Степанович Хомяков (13.05.1804, г. Москва – 5.10.1860, с. Ивановское, ныне Данковского р-на Липецкой обл.). Окончил Московский университет. Путешествовал по Европе и России. В 1836 г. женился на

сестре Н.М. Языкова, гостил в его усадьбе в селе Языково Симбирской губернии. Автор сочинения «Записки о всемирной истории», трагедий «Ермак» и «Дмитрий Самозванец», многих лирических стихотворений. Полное собрание сочинений издано в 1886–1906 гг.

15 мая – 80 лет со дня рождения литератора Евгения Фёдоровича Щербакова (15.05.1939, с. Потодеёво Наровчатского р-на Пензенской обл. – 13.09.2017, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский политехнический институт. Работал начальником лаборатории на заводе «Контак-

тор»; автор более 140 опубликованных научных работ и 32 изобретений. Автор книг прозы «Отчий дом» (2006), «Между лесом и полями» (2008), «Семья» (2010), «След в жизни: воспоминания» (2010), «Родные корни» (2015), поэтического сборника «Судьба» (2008).

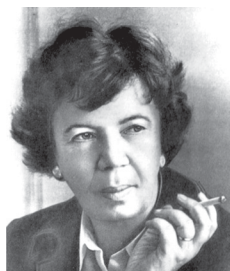

16 мая – 125 лет назад родился драматург Василий Васильевич Шкваркин (16.05.1894, г. Тверь – 14.11.1967, г. Москва). Родился в семье фабриканта. В годы Гражданской войны служил в Симбирске в Красной армии, затем в Отделе по ликвидации безграмотности. Автор пьес «Предательство

Дегаева» (1924), «Вредный элемент» (1927), «Чужой ребёнок» (1933), «Страшный суд» (1939), «Тоска по родине» (1942), «Мирные люди» (1945) и др. Ряд пьес написан по симбирским впечатлениям. Награждён орденом «Знак Почёта» (1939).

18 мая – 80 лет со дня рождения прозаика Михаила Александровича Пупышева (18.05.1939, г. Сарapul Удмуртской АССР – 20.10.2011, г. Ульяновск). Окончил Московский экономический институт (1975). С 1980 года работал в Ульяновске слесарем КИПиА и инженером-нормировщиком УАПК, старшим инженером НИИ «Марс», корректором газеты «Град Симбирск». Писал стихи и прозу, в основном рассказы. Публиковался в местных газетах. Автор изданной в Ульяновске повести «Слово о лыжном разведбатальоне» (2007).

19 мая – 105 лет назад родилась писательница, публицист Наталья Иосифовна Ильина (19.05.1914, г. С-Петербург – 19.01.1994, г. Москва). В детстве бывала на родине матери в с. Самайкино Сызранского уезда Симбирской губ. (ныне Новоспасский р-н Ульяновской обл.). В 1920 г. эмигрировала с семьёй в Харбин. С 1936 г. работала журналисткой в Шанхае. В 1948 году вернулась в СССР; окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг «Светящиеся табло» (1974), «Дороги и судьбы» (1985), «Белогорская крепость» (1989) и др.

20 мая – 230 лет со дня рождения писателя-мемуариста Ивана Степановича Жиркевича (20.05.1789, г. Смоленск – 14.03.1848, г. Полоцк Витебской губ.). Участвовал в войне 1812 года, дошёл до Парижа. В 1835–36 гг. был симбирским гражданским губернатором. В 1838 г. занялся

литературной деятельностью, оставив после себя «Записки», которые публиковались в журналах «Русская старина» (1874, 1875, 1876, 1878, 1890) и «Исторический вестник» (1892). В них подробно описал жизнь Симбирска и губернии в период своего губернаторства.

20 мая – 100 лет назад родился поэт Николай Петрович Майоров (20.05.1919, д. Дуровка Сызранского уезда Симбирской губ., ныне Николаевского р-на Ульяновской обл. – 8.02.1942, д. Баранцево Смоленской обл.). Жил в городе Иваново. В 1937–41 гг. учился в МГУ

и Литературном институте им. А.М. Горького. Ушёл добровольцем на фронт. Погиб в бою, похоронен в братской могиле в селе Карманово. Посмертно был принят в Союз писателей СССР (1961). Автор поэтических сборников «Мы» (1962), «Избранное» (2015) и др.

21 мая – 105 лет со дня рождения поэта и прозаика Константина Гавриловича Мурзиди (21.05.1914, станица Анапская, ныне Краснодарского края – 11.03.1963, г. Москва). Рос и учился в Новороссийске. Работал в Свердловске. Автор поэтических сборников «Отчизна» (1938), «Уральские

стихи» (1947), романа «Орлиная гора» (1960) и др. Принял участие в областной конференции писателей в Ульяновске 26–28 августа 1952 года; выступал на секции поэзии и заключительном заседании. С 1955 г. жил в Москве. Член Союза писателей СССР.

25 мая – 135 лет назад родился английский журналист и публицист Уолтер Дюранти (25.05.1884, г. Ливерпуль, Англия – 3.10.1957, Флорида, США). В 1921-36 гг. работал руководителем московского бюро газеты «Нью-Йорк Таймс». Во время голода в Поволжье писал о встрече на

Волге с сотрудником, который «выпил весь спирт, принадлежащий санитарному пункту АРА в Симбирске». Лауреат Пулитцеровской премии (1932). Автор книг «Я пишу, как мне хочется» (1935), «Кошка Соломона» (1937), «Кремль и народ» (1941) и др.

25 мая – 90 лет со дня рождения литературоведа Масгута Валиахметовича Гайнутдинова (р. 25.05.1929, с. Лабитово Самарского округа Средневожской обл., ныне Новомалыклинского р-на Ульяновской обл.). Окончил Мелекесский учительский институт (1950). До 1968 года был учителем в средних школах Узбекистана. В 1968-2003 гг. работал в Институте языка, литературы и истории АН Республики Татарстан в Казани. Автор работ по истории и текстологии татарской литературы XIX-XX веков, поэзии советского периода.

25 мая – 85 лет назад родился поэт, бард и художник Евгений Владимирович Бачурин (25.05.1934, г. Ленинград, ныне С.-Петербург – 1.01.2015, г. Москва). Окончил Московский полиграфический институт (1959). Стихи, песни, рассказы писал с 1967 года. Автор книг стихов и песен «Я ваша

тень» (1999), «Дерева» (2000), «Дерева вы мои, деревья» (2004). Член Союза художников СССР (1969). В 1995 году побывал в Ульяновске на открытии выставки своих картин в галерее «XX век». Заслуженный деятель искусств РФ (2005).

28 мая – 95 лет назад родился молдавский писатель Яков Абрамович Гуревич (28.05.1924, пос. Холопеничи Минской губ., ныне Крупского р-на Минской обл. Белоруссии – 6.10.2015, Израиль). В начале войны учился в Ульяновском танковом училище. Окончил Белорусский государственный университет. Работал учителем в Бендерах, журналистом в газетах Кишинёва. С 2011 года жил в Израиле. Автор книг прозы «Её звали Марией» (1975), «Для славы мёртвых нет» (1987), «Забвению не подлежит» (1990), «Я и ты» (2009) и др.

31 мая – 120 лет со дня рождения писателя Леонида Максимовича Леонова (31.05.1899, г. Москва – 7.08.1994, там же). Член Союза писателей СССР (1934). Автор романов «Барсуки» (1924), «Вор» (1927), «Соть» (1930), «Дорога на океан» (1935), «Русский лес» (1953) и др. В годы Гражданской войны

служил редактором газеты в Инзенской дивизии. Бывал в гостях у писателя Артёма Весёлого. В декабре 1940 и январе 1941 годов был проездом на станциях Инза, Барыш, Кузоватово на пути из Москвы в Ташкент и обратно.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ МАЯ

Байрам САЛИМОВ (1929-2014)

Легенда о сердце

Когда в наши горы пришёл Тамерлан,
Надеясь легко покорить Дагестан,
Он встретил такой небывалый отпор,
О коем легенды живут до сих пор.

Я слышал от деда, а тот от отца
О том, что владыка, взнуздав жеребца,
С отборным отрядом ворвался в аул,
Но вскоре бедняга назад повернул.

Мучительно думал хромой аждаха –
Быть может, секрет есть какой у врага?..
Иль дал им Аллах всемогущий сердца,
Что яростней бури и твёрже свинца?

И тут же он кликнул слугу своего,
Велев заколоть смельчака одного,
И странное сердце из жаркой груди
В серебряной чаше ему принести.

Исполнен был вскоре жестокий приказ,
И выставлен страшный трофей напоказ,
Чтоб все убедились: сердца, мол, у них
Из плоти и крови, как у остальных.

С ухмылкой владыка покинул шатёр
И сердце отважное бросил в костёр...
Но вздрогнул от вещей предчувствий тотчас –
Огонь под дрожащим комочком погас. ..

И в злобе бессильной отпрянув назад,
Призвал повелитель отборный отряд.
И сердце швырнув под копыта коней,
Воскликнул сердито:
– Топчите быстрей!

Но грохнуло сердце, как снежный обвал,
Полвойска почти что сразив наповал,
И всё ж неведимо осталось опять...
И понял владыка – с ним не совладать.

С оставшейся горсткой нукеров своих
Тимур оседлал скакунов боевых
И горы покинул, в которых сердца
Надёжнее стали и твёрже свинца.

Немало воды утекло с тех времён,
Но чудится снова мне сабельный звон.
От конских копыт поднимается пыль,
И не различить, где легенда, где бль...

Людмила ТУРОВСКАЯ (р. 6.05.1949)

Российский бомж

Был смысл. И преданность. И вера.
Была семья. И тёплый дом.
Он был советским пионером,
И вот российским стал бомжом.

К отцу на Волгу мчался в «скором».
Спешил на свой родной завод.
И вот ночует под забором.
И у помойки водку пьёт.

Его страшат гнилые ночи,
Пустой не радуется рассвет.
Спроси его – чего он хочет?
Мычанье тёмное – в ответ.

Встаёт... Как будто бы из гроба.
По-рабы смотрит. И – молчит.
И вновь меж муторных сугробов
Судьбу-злодейку волочит.

Ушёл, на землю сплюнув нервно.
Ему – в печёнках эта жизнь!
Он был советским пионером.
И твёрдо верил – в коммунизм.

Верность

Я – крупица народа.
С детских лет это знаю.
Кабалу и свободу
С ним навек разделяю.

Будет смерть иль победа,
Мор, предательство, чудо –
Никуда не уеду!
Ничего не забуду!

Горечь

Горькой горечью вытопан день.
Вихрем кружатся думы о прошлом.
Средь никчёмных, тщедушных идей
Грустно мне, одиноко и тошно.
Видишь, друг, мы с тобой не в раю,
А в тисках обезумевшей Жизни.
На руинах великой Отчизны
Сокрушённо сиротски стою...

Булат ОКУДЖАВА (1924-1997)

Счастличик

Александр Сергеевичу хорошо!
Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо,
боль утасла,
баба щурится из избы,
в небе – жаворонки,
только десять минут езды
до ближней ярмарки.
У него ремесло первый сорт,
и перо остро.
Он губаст и учён, как чёрт,
и всё ему просто:
жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти.
Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы его стихи
на память заучивали!
Даже царь приглашал его в дом,
желая при этом
потрепаться о том о сём
с таким поэтом.
Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.
Он умел бумагу мариать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Чёрной речки.

* * *

По какой реке твой корабль плывёт
до последних дней из последних сил?
Когда главный час мою жизнь прервёт,
вы же спросите: для чего я жил?

Буду я стоять перед тем судом -
голова в огне, а душа в дыму...
Моя родина - мой последний дом,
все грехи твои на себя приму.

Средь стерни и роз, среди войн и слёз
все твои грехи на себе я нёс.
Может, жизнь моя и была смешна,
но кому-нибудь и она нужна.

Борис БЫЗОВ (1919-2010)

* * *

Творился космос...
И молчал мой стих,
когда, сойдясь орбитами среди пыли,
сердца двоих –
да, будущих двоих! –
намеченными атомами плыли.
Природа, мать и колыбель миров,
запрятала нас в дымные спирали,
созвездия готовили нам кров,
и солнца нас по капле собирали,
туманности запеленали нас,
хоть хаос разделял нас на частицы...
Я мраком был, а ты лучом не раз
меня пронзала, не успев родиться.
Под солнцем нам проснуться довелось,
гармония свела нас в час рассвета,
и ты с протуберанцами волос
явилась мне из солнечного света.
Гори, звезда, не дай погаснуть мне!
Хочу гореть в твоём живом огне.

* * *

Волга столько света насыла,
намечтала ясности сквозной,
что сиянье небо приподняло
и струится в облако сквозь зной.
И раздвинул стрежень этой сини
серые из неба берега.
И клубится млечный путь России –
над рекой кипящая река.
Не затем к груди прижала солнце,
чтобы небу этот свет отдать, -
надо всей Россией разольётся
этого сиянья благодать.
Волга столько силы насыла,
намечтала столько синева,
что кипенью в небе места мало, -
кажется, Россию приподняло
вечным светом с Волги до Невы, -
озарило с ног до головы...
И кипит над ней река из света,
шире, шире млечный путь земной,
ярче осиянная примета,
что родится в мире море света,
что разлиться ей морями света,
успокоить землю синеваой.

Диана КАН (р. 1964)

* * *

Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.
Здесь так легко рукой до звёзд
Достать сквозь облака.

И – тишина... И лишь один
Здесь свищет средь ветвей
Разгульный Одихмантьев сын,
Разбойник Соловей.

Почто, не зная почему,
Ступив на зыбкий мост,
Вдруг оцетинился во тьму
Мой верный чёрный пёс?

И ворон гаркнул в пустоту:
«Врага не проворонь!»,
Когда споткнулся на мосту
Мой богатырский конь?

...Здесь мой рубеж засечный врос
На долгие века...
Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.

* * *

Когда заря запольхала ало
И волжский окровавила прибой,
Я выплакаться к Волге прибежала
И долго причитала над водой.

Печали, что копились долго-долго,
Слезами и словами излила.
Так долго я рыдала, что лишь Волга
Меня понять и выслушать могла.

О том, что жизнь не оказалась гладью,
И что любовь земная так горька,
Рыдала я над волжскою быстрией:
«Прими обратно, матушка-река!..»

Полночных звёзд рассеянный стеклярус.
Зари вечерней сумрачный пригас...
И – плыл ко мне поднявший алый парус
С проть-берега отчаливший баркас.

Алексей ХОМЯКОВ (1804-1860)

Заря

Тебя меж ношью и днём
Поставил бог, как вечную границу,
Тебя облёк он пурпурным огнём,
Тебе он дал в сопутницы денницу.
Когда на небе голубом
Ты светишь, тихо догорая, -
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря! Тебе подобны мы -
Смешенье пламени и хлада,
Смешение небес и ада,
Слияние лучей и тьмы.

Я смотрю, как листики осины
Рдеют в ожидании зимы.
Может, оторвёмся вместе с ними
С древа человечества и мы.

Николай МАЙОРОВ (1919-1942)

История

Она пропахла пылью вековой,
Ветрами лет. И ныне на меня
Глядит бумагой древней гербовою,
Случайно уцелевшей от огня.
А было всё: и зябких листьев вздохи,
И сабель свист, и шёпот конопли.
Как складки лба, изрытые отроги
Легли в надбровья сплюснутой земли.
Прошли века. Но ночью вдруг я внемлю:
Вновь душу рвёт нам азиатский гик...
И тишина... И падают на землю
Мои густые, твёрдые шаги.

1936

Константин МУРЗИДИ (1914-1963)

* * *

Опять один у этого крыльца...
Я не запомнил вашего лица
И сам не знаю, как это случилось
Среди огней предпраздничной Москвы.
Со мной однажды девушка училась,
Давным-давно... Быть может, это вы?
Мне девушка однажды улыбнулась,
Предгрозовой весенней синевы
Был взгляд её... Она не оглянулась,
Не позвала... Быть может, это вы?
Ко мне всегда, когда печалит книга,
Когда слышней осенний шум листвы,
Сквозь даль годов стучится кто-то тихо,
А не зайдет... Быть может, это вы?
Так – двадцать лет. Стою, припоминаю
У вьюгой заметённого крыльца,
И как могло случиться, сам не знаю:
Не в силах вспомнить вашего лица.

1958

Творчество

Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звёзд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень,
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав,
Оставить кисти сыну,
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя всё так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

1940

* * *

Нам не дано спокойно сгнить в могиле –
Лежать навытяжку и приоткрыв гробы, –
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждём приказа нового. И пусть
Не думают, что мёртвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

1941

Летний день

Есть на земле такие уголки,
Где облака особенно легки.
И если лечь в садовую траву,
И развести над головой листву,
И на небо доверчиво взглянуть,
То можно с ними землю обогнуть.
Лежу в траве (под головой рука)
И сквозь листву гляжу на облака.
Они свой вид меняют на лету
И, расходясь, уходят в высоту,
В голубизну сияющего дня,
И приобщают к вечности меня.
И так легко в той синей полумгле,
Что невзначай взгрустнулось на земле.
Но вдруг травы зелёный колосок
Так ласково потёрся о висок,
Не думая в измене обвинять,
Что землю захотелось мне обнять
И рассказать ей, словно во хмелю,
Как я её люблю!

1961

Евгений БАЧУРИН (1934-2015)

Благодарность

Будь благодарен жизни за мгновенья,
За каждый взлёт, за каждое паденье,
За каждый шаг, за каждый грош,
За то, что всё ещё живёшь
И не дошёл черёд до светопреставленья.

Благодари за всё, что миновало,
 Что промелькнуло, будто не бывало,
 За тех, которых больше нет,
 За сладкий хлеб военных лет,
 Что нам кукушечка в лесу накуковала.

А то, что скрыто в утреннем тумане,
 То не возмёшь, оно не нож в кармане.
 Не торопи его, не трожь,
 Оно нахлынет, ну так что ж,
 Что не положено, не надо знать заране.

Благодарю тебя, судьба-сестрица,
 Что не даёшь ты мне с дороги сбиться,
 Где мы – то в солнце, то в пыли –
 Всё уменьшаемся вдаль,
 Пока совсем не суждено из виду скрыться.

1975

Психея

Всё вернётся на круги своя;
 И народ, и страна, и семья.
 Всё продолжит положенный путь,
 Чтобы всё повторить и вернуть.
 Только то, что на новом витке
 Прорастёт в прошлогоднем цветке,
 И умрёт, и отдаст семена
 И семья, и народ, и страна.

Ну а как же быть с девочкой той,
 Что зовётся Психеей-душой,
 Что тонка, как шелковая нить,
 Разве можно её повторить?
 Ведь она, только б Бог её спас,
 Существует единственный раз.
 Не нужны ей ни стол, ни кровать,
 Но её так легко потерять.

1999

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ МАЯ

Екатерина II (1729-1796)

Сказка

Жил да был мужичок. Смолоду он казался слаб; ибо как он имел весьма великую живность, коя разделяла его мысли, то он сам с собою никогда не был согласен. Сия разделенная его мысль так много действовала над его сложением, что он весьма ослабел. Врачи, кои его лечили, замучили его пищею еще лекарствами и не позволяли ему долго вставать с постели. Но с летами выросло его рассуждение. Он единожды осмелился, вскоча с кровати, выгнати врачей из дома.

Сделав такое сильное движение, почувствовал он великую охоту есть. Он ел; и хотя он от того не окрепчал, но, однако ж, толще становился час от часа. Кафтан ему стал узок, а достаток не позволял часто делать новый. Пошел ко приказчику, стал просить: «Господин приказчик, прикажи кафтан сшить. Видишь, каков я толст! Сам не смогу сшить: недостаток не дозволяет». Приказчик был человек свирепый; сказав: «Тотчас», - приказал принести плетей, да ну сечь мужика. Мужик оттерпелся; пошел домой, говоря: «Бог милостив! авось-либо хозяин, увидя, что приказчик все себе собирает да нас бьет, умилосердится, определит другого».

Погодя сменили приказчика, послали нового. Сей, осматривая село, увидел на улице мужика претолстого, на коем кафтан, у которого все швы треснули; кликнул его и приказал для него шить кафтан, но от скорости не молвил, кому и из чего шить мужику кафтан. Приказчик между тем уехал. Погодя сделался хлеба недород и скотский падеж, и уже никому шитье кафтана и в мысль не приходит.

А мужик что более работает, то более ест; и чем более кушает, время от времени все становится толще, а кафтан его старее и негоднее; нагишом же ходить нельзя, и не велят. Заплатами начал зашивать. Что более зашивает, то более дерется.

По смене разных приказчиков сыскался один добрый человек, велел шить мужику новый кафтан. Шили до зимы. Как пришло надеть кафтан - не лезет: позабыли мерку снять. На тот случай приехал дворецкий заготовити все к хозяйскому приезду; увидел мужика почти нагишом, осведомлялся, что тому причиною; услыша, послал сыскать сукна. Привезли сукно, собрали портных. Портные зачали спорить о покрое, а мужик между тем на дворе дрожит, ибо тогда случилися крещенские морозы.

Принесли образцовый кафтан, положили на стол. Иный говорит: «Хозяин наш желает видеть на своих мужиках кафтаны немецкие». Другий: «Нам велено шить кафтан, - а о рукавах мы приказания не имеем». Третий сказал, что, не выдав, какие будут пуговицы, нельзя кроить. Четвертый молвил, что такому толстому мужику половинки сукна мало, надобно две. Наконец, кое-как зачали кроить в запас, пока дворецкий разрешит спор. Вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и с холода помирали. Дворецкий приказал им тут же помогать портным.

Сии мальчики умели грамоте, но были весьма дерзки и нахальны: зачали кричать и шуметь. Один из них говорит: «Шить не хочу, я призван глядеть». Другий: «Вить я не дурак: мы знаем, что вы хотите

шить не кафтан, но мешок, в который нас посадя кинете в воду». Третий стоял у порога и, не вразумясь, говорил: «Нас в воду кинуть хотят? Сем-ка мы остережемся; я первый ни с места не пойду». Четвертый не хотел говорить, но три первых толкнули его в бок, и тот зачал; а что говорил, никто не понял, ибо он сам не знал, что говорил; но наконец раскрыл нагольную шубу и окончил сими словами: «Пускай мужик нагишом ходит; мы сами наги, ибо шубы мы носим на голом теле: износили кафтаны; просим вам отдать те, кои у нас были, как мы были пяти лет, - мы в них очень нарядны будем; нам теперь пятнадцать лет».

Портные сего мальчика сочли за безумного, но, услыша такой необычайный крик и видя сих не-

угомонных мальчишек дерзость, поостановили свой спор и зачали их унимать, говоря им, что дурно им быть так непризнительным; что они пришли в изодранной рубашонке, а ныне уже у них шуба есть; что пятилетние кафтаны на пятнадцатилетних не лезут, да и черт знает, где те ветошечки, ибо мальчишки недавно к хозяину пришли; что они должны слушаться дворецкого; что они лгут, будто их топить хотят и для того заставляют шить мешок, а не кафтан; что сами видят, что мужик без кафтана на улице почти замерз; что, шив мужику кафтан, и они могут надеяться на малость хозяина, что одеты будут; только им наперед ту милость заслужить должно, а не по-пустому упорствовать.

Наталья ИЛЬИНА (1914-1994)

Дороги и судьбы *(отрывок из книги мемуаров)*

В семейном альбоме я нахожу лишь две фотографии моего деда Дмитрия Ивановича Воейкова. На одной это ещё совсем молодой человек, темно-волосый, кареглазый, с пухлыми губами, слабым подбородком и добродушно-задумчивым выражением лица. На второй Дмитрий Иванович снят с двумя своими средними детьми (детей было шестеро) - Димой и Катей. Кате года полтора, она у отца на коленях. Диме года четыре, стоит, держась за поручень кресла (кресло старинное, низкое, в чехле с бахромой), прислонился головёнкой к плечу отца. Здесь Дмитрию Ивановичу уже за сорок. Так же откинута назад тёмные волосы, открывая высокий лоб, но пухлые губы скрыты усами и бородой, в глазах усталость.

Я мало знаю о своём деде, он умер, когда матери моей было всего девять лет, и сведения о нём я черпаю сейчас из книги А. Тимашева, посвящённой А.И. Воейкову. Там сказано, что младший брат знаменитого климатолога учился в Германии, затем служил в Петербурге, дойдя до чина действительно статского советника, и одновременно занимался журналистикой: писал статьи по экономическим вопросам в газете «Русь», издававшейся славянофилом Иваном Сергеевичем Аксаковым. В справочниках того времени Д.И. Воейков назван «экономистом».

Дмитрий Иванович придерживался более либеральных взглядов, чем Аксаков, высказывался за всеобщее наделение крестьян землёй, за укрепление земств и против расширения «области казённого хозяйства». А ещё в своих статьях Дмитрий Иванович клеймил взяточничество и злоупотребления, утверждал, что в России не умеют или не желают ничего толком организовывать, с горечью восклицая: «Мы ухитряемся голодать чуть ли не на пристанях, заваленных хлебом!»

Иван ЖИРКЕВИЧ (1789-1848)

Записки *(отрывок из воспоминаний)*

Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благородного чувства. Нам казалось, что мы идём прямо

Выйдя в отставку, он поселился с семьёй в Самайкине, мечтая посвятить себя хозяйственно-предпринимательской деятельности. И ничего-то из этих мечтаний не вышло! Предприятия его лопались, хозяйство не приносило доходов. А ведь было огромное имение (одиннадцать тысяч десятин!), суконная фабрика, асфальтовый завод - богатство! Но во время хозяйствования «экономиста» Дмитрия Ивановича асфальтовый завод работал в убыток, неблагополучно обстояло дело и с фабрикой. Её Дмитрий Иванович вскоре продал богатому купцу Акчурину, и мне почему-то кажется, что фабрика, занимавшая, кстати, самую плодородную часть имения, Акчурину приносила отличные доходы: был конец века, на смену Раневским шли Лопахины...

Не унаследовал Дмитрий Иванович хозяйственной жилки отца! Но, как отец, всю жизнь трудился, был примерным семьянином, домоседом, спиртного в рот не брал. Умер рано, едва дожив до пятидесяти трёх лет. Вдова его, моя бабушка Ольга Александровна, осталась с шестью детьми в возрасте от шести до шестнадцати лет и огромным хозяйством, хозяйством запущенным, в долгах. Пришлось ей возиться с банками, векселями и прочими делами, к которым приучена она не была. И тут на помощь пришёл брат её покойного мужа Александр Иванович.

В скитальческой судьбе моей матери, в этих вечных переездах с квартиры на квартиру в Харбине, в Шанхае, наконец - в Москве, менялся пейзаж за окном, менялись стены, мебель, столы, но на этих сменяющихся столах неизменными оставались две фотографии - Ольги Александровны и Александра Ивановича Воейковых. Обе открыточного размера, обе в одинаковых деревянных рамках - они сейчас у меня, на моём столе, всегда перед глазами.

в Париж! Тогда и было только разговору о генерал-адъютанте князе Долгоруком, юноше лет 25, который ездил от государя с ответным письмом к Наполеону, приславшему Дюрока поздравить государя

с прибытием его к армии, – и все дивились остроумию адреса на письме, где, будто избегая титула царского, называли его «Chef de la nation française!». Так, по крайней мере, рассказывалось в войске, с добавкой, что когда князь Долгорукий представил письмо и Наполеон остался в шляпе пред ним, то и он тоже надел свою. Прошло несколько дней, и, увы, изменился тон наших суждений!..

Через три дня после того мы подошли к Аустерлицу и расположились на бивуаках по сторону города, воображая французов ещё, по крайней мере, вёрст за сто от нас. На другой день поутру, 20 ноября, объявлено нам, что во время марша через город будет смотреть нас государь. Обозы приказано оставить на месте. Прекрасная погода. Цель смотра обманула наши ожидания, – мы все были только в одних мундирах. Пройдя до города не более как версты полторы, нас свернули с дороги в сторону, вправо, и объявили нам, что мы идём занимать позицию. Вдруг говорят нам: «Французы! Заряжайте пушки!» Этого сюрприза мы вовсе не ждали. Я был прикомандирован с двумя лёгкими орудиями к батареейной роте его высочества, которой командовал полковник Ралль – единственное лицо между нами, бывавшее в огне против неприятеля; я же, со своей стороны, отроду не слышал пушечного выстрела вблизи, а в бытность мою в корпусе во время парадов и пальбы с крепости затыкал уши, едва не падая от страха: так был пуглив! А теперь пришлось вдруг быть в настоящем деле!..

Лёгкими орудиями командовал старше меня подпоручик Сукин, а я был без орудий, и потому, чтобы дать мне особое занятие, генерал приказал мне быть при вторых зарядных ящиках и стоять вне выстрелов. К нашей батарее присоединились 10 австрийских орудий. Полки гвардии расположились в две линии на правом фланге; в первой линии стоял Семёновский полк, а во второй – Преображенский; на левом фланге в первой линии – Егерский, а во второй – Измайловский. Между батальонами, по флангам, поставлены были лёгкие орудия. Пехота сняла ранцы, положила их перед собой на землю и стала заряжать ружья. Внезапно раздались крики: «Гвардия на левый фланг!» – и батальоны, по отделениям, налево, сейчас построились задним строем, т.е. на заднюю шеренгу, позади батареи, отошли, оставя все свои

ранцы на месте и батарею нашу одну в поле.

Вдруг видим в отдалении: впереди нас, на расстоянии, наверно, мене двух вёрст, тянется войско. Нам говорят, что это французы, и мы открыли по ним огонь! Я от ящиков из любопытства ушёл вперёд к орудиям. Здесь-то в моих ушах раздались первые пушечные выстрелы и на них французские отзвывы, и здесь впервые увидел я кровь и смерть, но страха во мне как будто вовсе не бывало! После нескольких выстрелов заметили мы, что от французского войска отделилась небольшая толпа и подвинулась вперёд, как бы для наблюдения нас. Их, конечно, озадачивали линия ранцев, манерками обращённых вверх, и от солнечных лучей отражавшийся блеск по линии: казалось, что лежат, скрываясь, целые батальоны, и толпа французов, видимо, колебалась – двигаться ли вперёд или нет. Спустя же несколько минут слева от неё начала показываться конница. Тогда полковник Ралль, вызвав офицеров пред фронт, стал советовать, что нам делать, и, как у нас не оставалось вовсе прикрытия, положил: «Отступать через орудие».

К батарее подъехал генерал Касперский и, не найдя меня при ящиках, стал шуметь на меня; но, испугавшись начавшегося наступления французов, приказал отступать, а сам уехал выбирать сзади новую позицию. Одна половина батареи, по принятому предположению, через одно орудие отошла, а другая стала отстреливаться; но французская кавалерия тронулась на рысях, и полковник тотчас же скомандовал: «Назад, на передки!» В это время взорвало один ящик, пошла суматоха, но кое-как успокоились и собрались. Отойдя саженой сто или более, потянулись по гати к мельнице в одну струну левым флангом. Передними орудиями командовал подпоручик Базилевич; вдруг слышим его команду: «Стой! Стоп! С передков долой! Передки кругом! Назад поезжай!» Сделалась ужасная суматоха. В это время проезжает верхом государь, при нём были: князь Волконский и Долгорукий и барон Винценгероде; все они пробираются между орудиями, а государь говорит солдатам:

– Не годится, ребята, не годится идти назад: вперёд – опять вперёд! Нехорошо!.. – и с этими словами поехал далее; но, доехав до середины батареи, государь поскакал назад, сказав:

– Поворотить опять назад!.. Ступай куда шли!..

Яков ГУРЕВИЧ (1924-2015)

Её звали Марией (отрывок из повести)

Теперь Евгений Иванович точно вспомнил: Вольский рассказывал, что служил вместе с Кармановым. И вообще много знал о лётчиках, об их суровом и несколько необычном быте, об их мужестве и самоотверженности. Постепенно, исподволь приходили на память детали. Как-то он спросил его, насколько это сложно – отыскать следы сбитого самолёта. Вольский тогда ответил: уж куда сложнее! Потом, помолчав, добавил:

– Как-то в войну лётчицу тут сбили – никаких следов...

А вдруг тот самый самолет?

...Он пришёл к Вольскому внешне спокойный,

сосредоточенный, про себя твёрдо решив никак не проявлять нетерпения и, тем не менее, будто предчувствуя, что именно с этой встречи и начнёт раскручиваться замысловатый клубок поиска. Прямо к порога спросил:

– Помнишь, лет восемь назад ты как-то говорил о сбитой лётчице?

– О лётчице? – переспросил Вольский. – О какой лётчице?

Немного подумал, озадаченный неожиданным вопросом, потом, видимо, вспомнил:

– Это ты о Кулькиной, что ли? А в чём дело?

Евгений Иванович потянулся за блокнотом, положил его на стол перед Вольским.

– Запиши, пожалуйста, всё, что знаешь об этой лётчице.

Вольский вскинул на гостя вопросительный взгляд, ожидая, что тот ещё что-нибудь добавит. Гость молчал. Однако его нетерпеливое ожидание, видимо, какими-то незримыми путями передалось и Вольскому. Он решил ни о чём больше не спрашивать, надел очки в роговой оправе, раскрыл блокнот и неторопливо стал писать крупным разборчивым почерком: «Кулькина Мария Ивановна, старший лейтенант, родом из Вольска Саратовской области – лётчик звена связи 236-й истребительной авиадивизии, после лётчик 3-й эскадрильи 267-го Краснознамённого ордена Суворова Белгород-Днепровского истребительного авиаполка. Погибла во время Яско-Кишинёвской операции в районе Дубоссар (Нижние или Верхние Гояны) в сторону Григориополя. Орден Красной Звезды и медали...».

Всё это он написал спокойно, уверенно, с заметной обстоятельностью, не заглядывая ни в какие бумаги, не обращаясь ни к каким материалам. Пока он писал, Красовский внимательно разглядывал его – довольно старого, с крупной облысевшей головой, нервными, произвольно подрагивающими рука-

ми и тихим властным голосом. Откуда он всё это знает? Почему так цепко держит в памяти не такой уж в общем-то исключительный по своей значимости эпизод войны? Ведь тридцать лет что-нибудь да значат даже для самой тренированной памяти. Ну, место рождения Кулькиной – возможно по ассоциации со своей фамилией: Вольск – Вольский. Ну, дата гибели – может, для самого время оказалось памятным, личное что-нибудь. Но имя-отчество, награды... Мало ли друзей у каждого кануло в бездонную пучину войны! Мало ли каждый глаз закрыл, отдавая последний долг боевым товарищам, ещё вчера полным сил, надежд, веры! Конечно, все они навсегда и в сердце и в памяти, но – подробности, детали, которые столь подвластны времени?

Не удержался, спросил. Ожидал, что Вольский сошлётся на многочисленные воспоминания своих фронтовых товарищей – ведь долго служил в авиации. Или знает с той поры, когда сам занимался поисками погибших в небе Молдавии лётчиков. А может, просто дело случая – услышал нечаянно, запомнил. И вдруг Вольский, наклонив немного голову, чтобы видеть гостя поверх очков, спокойно сказал:

– Так я ведь в этом полку начальником штаба был.

Леонид ЛЕОНОВ (1899-1994)

Дорога на океан *(отрывок из романа)*

Тем временем паровоз рывками набирал скорость. Снова замолкли. Сайфулла глядел наружу, опасаясь оборвать состав неравномерным ходом машины; Решёткин приготовился крепить тендерные тормоза... В этот момент и произошло несчастье.

В топке зашумело, и желтоватый клуб пара плеснулся сквозь шуровочную щель. Густо запахло железом и кипятком. Внезапно в водомерном стекле исчез уровень. Решёткин крутнул пробный кран, воды в котле не было; он схватился за инжектор – оба не качали. Всё стало ясно: воды в тендере было мало, она на подъёме ушла назад, и всасывающие рукава инжекторов не доставали до неё. Теперь же, при спуске, она откачнулась вперёд... и никогда так не шумел, не хлопотал огонь, почуяв свою силу.

– ...Тушить машину! – в голос закричали все. Открыв колосники, они били по ним лопатой, лишь бы скорее провалить жар, и за шипеньем пара не слышно было голосов. С разгона паровоз продолжал идти, но, в сущности, это двигалось уже мёртвое тело. Вскоре его поршни замерли совсем. Можно было и не заглядывать в топку. Если только не случилось самого худшего в судьбе машиниста, поджога огневой коробки, то есть прямого убийства паровоза, следовало считать, что контрольные пробки расплавлены. Лицо Сайфуллы дёргалось, ручейки пота вымывали полоски копоти с его щёк. Остатками пара он дал последний сигнал бригаде – тормозить.

– ...Эх, хараб булдым быт! – высоким голосом вскричал он, и жест, каким он бросил шапку об пол,

означал то же самое: погиб, потому что слишком рано доверился удаче.

Надо было предупредить Черемшанск о катастрофе. Решёткин, физически самый стойкий из всех, отправился на ближайший разъезд, к телефону; едва спустился вниз, тотчас растворился в метели. Здесь, на оголённом месте, никакой преграды не было ветру. Он налетал, и свистковый клапан звучал на одной унылой ноте; он налетал в поисках любой щёлочки, чтобы немедленно просунуть в неё целый сугроб. По пояс проваливаясь в снег, бежали кондуктора спросить о причинах остановки, и, пожалуй, это было самое стыдное – объяснять им. (Один какой-то неунывающий смазчик, пользуясь случаем, щупал буксы своих вагонов, ещё не догадываясь ни о чём.)

Состав заносило, колёс не было видно. Наверно, часа через два всё это будет под снегом, который уже не растает никогда, никогда!.. Лёгкой ломкой корочкой льда успел покрыться паровоз. Тогда Скурятников уселся на грудке угля и опустил голову. Минут через десять он достал гармошку и несмело приложил к губам, заклинительно поглядывая в залитую топку. Но не вставало убитое божество. С видом полного безразличия он спрятал свой инструмент; стало ясно, что завтра же ему придётся искать какую-нибудь другую должность на свете. Сайфулла молча и без шапки опустил рядом с ним на чугунный пол...

Так ждали они помощи и расправы.

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед.*